

**ДЕПУТАТ
ВИКТОР
ГУБИН**

(Чтение стр. 4—5)

Почему ведомства выше Конституции?

Стихи Юстинаса Марцинкевичюса

Куда плыть семге? Фотооочерк

Писарев. Силуэты

«Взгляд»: работаем без дублей!

Эхо Чернобыля. Диагноз после аварии

ОТМОСТИКИ

13

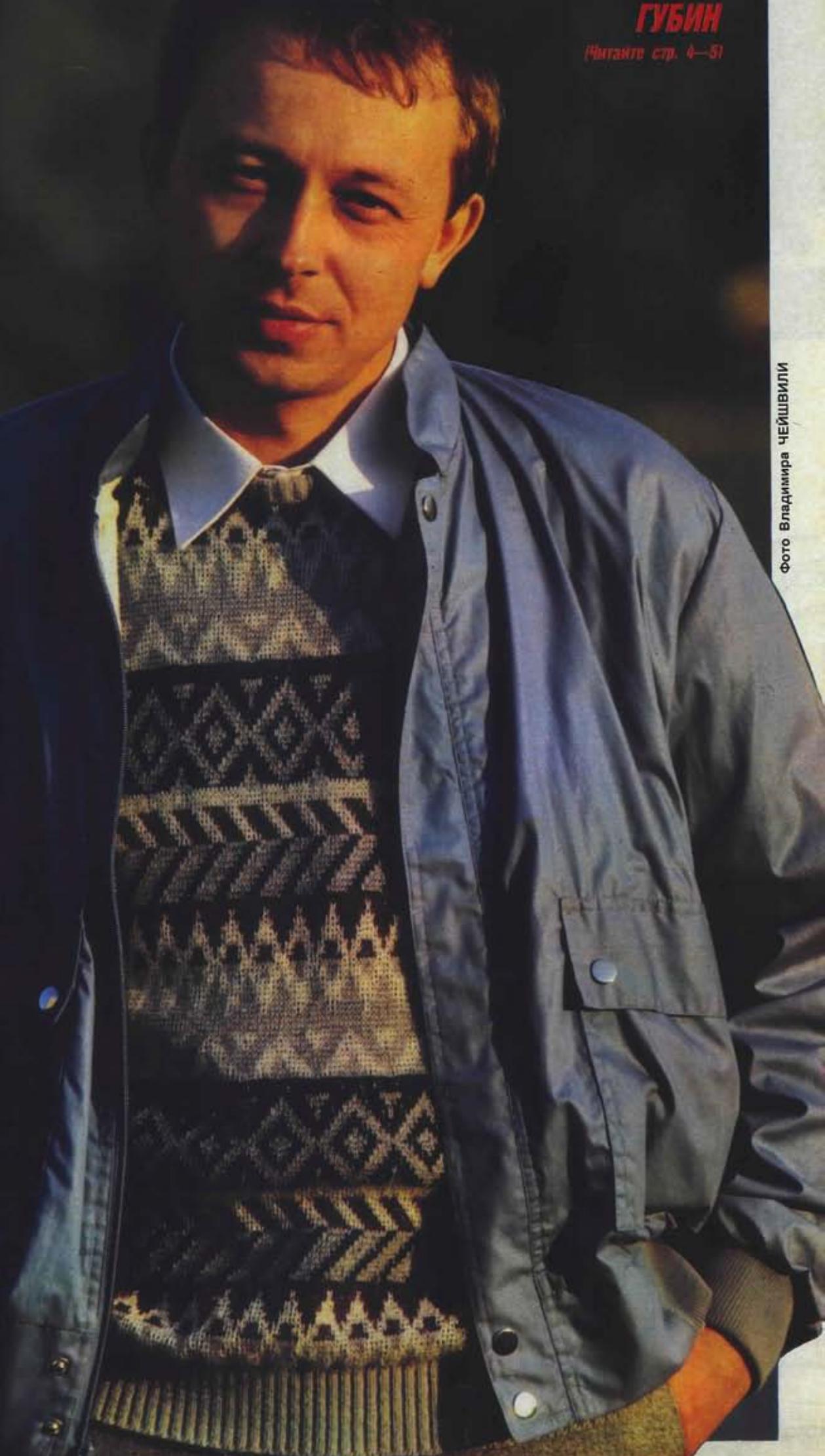
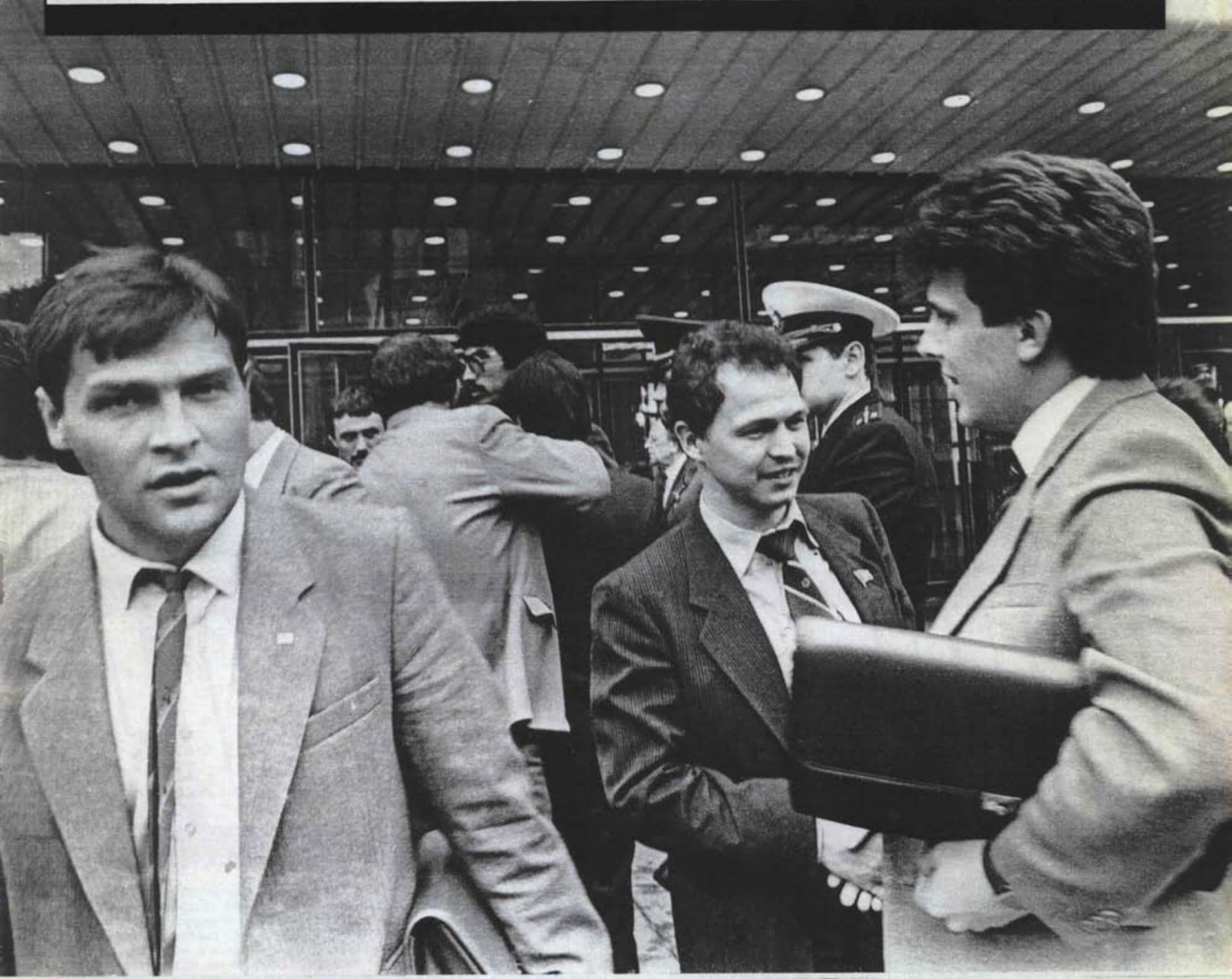

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

МНОГОЕ ИЗ ТОГО, ЧТО УВИДЕЛИ МЫ НА СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР, ПРОИСХОДИЛО ВПЕРВЫЕ. СЪЕЗД ОДНОВРЕМЕННО СТАЛ И УРОКОМ, И ЭКЗАМЕНОМ. ДЕПУТАТЫ УЧИЛИСЬ ИСКУСТВУ ПОЛЕМИКИ, УЧИЛИСЬ ДЕМОКРАТИИ И ТУТ ЖЕ СДАВАЛИ ЭКЗАМЕН НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЗРЕЛОСТЬ, НА ВЕРНОСТЬ ПЕРЕСТРОЙКЕ. И ВСЕ МЫ —

и присутствовавшие в Кремлевском дворце съездов, и телезрители — имели возможность убедиться, кто есть кто, и делали вывод: соглашаться со своими депутатами, поддержать их или, наоборот, осудить.

Удовлетворил ли нас съезд? Оправдал ли надежды? Да, мы ждали от него едва ли не чудодейственных результатов. Но будем трезво оценивать ситуацию. Каким бы он ни был, все равно не смог бы устроить всех — и «левых», и «правых», и активных, и отмалчивающихся. Огорчало то, что мало молодых лиц было в зале и на трибуне, а голос молодежи прозвучал очень негромко... нет смысла торопиться с оценками — восхвалить или бранить. Первый съезд — это только первый шаг.

Фото Сергея Ветрова и Бориса Задвины

Виктор ГУБИН, народный депутат СССР

Сижу в зале КДС и никак не могу избавиться от двойственного чувства. Говорим: все зависит от нас самих, избранников народа. Но мы-то, оказывается, такие разные, а подчас разединенные. То, что у каждого свой взгляд на проблему, свой подход к ее решению — это нормально. Если б «все, как один» — стоило бы вообще разговор затевать? Но разговор начат и вижу — не умеем, да и не хотим порой слушать друг друга.

...Временами заседания напоминают митинг. Разве только ногами не топаем и свиста нет. Со временем обстановка внешне остылая стала поменьше. Но оглянусь и замечу на некоторых лицах явную неприязнь, когда тот или иной депутат высказывает «сомнительные мысли»... Нельзя не сказать еще об одной детали: при голосовании кое-кто подстраивается под «руководителя делегации». Откуда это в нас? Неужто так глубоки корни «единодушия»?

Вспоминаю о предвыборной кампании. И не только потому, что уроки ее нам пригодятся в ближайшем будущем.

Я говорил со многими своими товарищами, наслушался различных примеров

принципе подготовки Съезда. Кто-то этот принцип поддерживал, кто-то на-прочь отвергал. Истина же, как и во-дится, лежит посередине.

Несомненно, без организационно-ап-паратной основы Съезд попросту бы не получился. Конечно, нужны были и ка-кие-то списочные «домашние заготовки». Кто-то мудро предусмотрел, что без них этот первый Съезд, не имею-щий аналогов, может с самого начала зайти в тупик от беспрецедентного раз-броса интересов и мнений. Так что за-мысел был верный. Но и к нему сумела приложить «твёрдую руку» администра-тивная иерархия. Взять хотя бы случай с Чемодановым, по непонятным причинам не включенным в списки для тай-ного голосования по выборам в Верхов-ный Совет. Этот «российский кризис», как в шутку называл его председатель-ствующий, возник, думаю, не случайно.

И пусть на меня не обзываются соот-ветствующие, анонимно действующие аппараторчики. Сам знаю, как трудно ос-вободиться от стереотипов. И пока это-го не произошло, не лучше ли называть вещи своими именами...

надцати... Там, где мы живем, нет ни спортзала, ни какого-нибудь подростко-вого клуба. Раньше был в подвале од-ного дома. Но его закрыла то ли пожар-ная служба, то ли санэпидемстанция...

После Съезда побываю в Мурманске. Но чем смогу помочь? Условия что там, что в Архангельске одинаковые. Про-ще говоря: для осмысленного отдыха ребят никакие. Стыдно сказать, но только около двухсот ребят (из пятиде-сяти тысяч) могут заниматься парусным спортом — и это в городе, издревле связанным с морем!

Уважаю Валентина Распутина. Люблю его книги. Но категорически не со-гласен с той частью его выступления на Съезде, где он в «растлении» подростков обвинил прессу, кино, телевиде-ние. Только лишь потому, что мы так долго боролись с той же рок-музыкой, вели разговор с самыми юными то на сююкающем, то на полузвонном языке, мы и порастеряли авторитет у подростков. Они агрессивны и нравственно аморфны — но это следствие. Причина в нас — старших.

...Вот о чем мне хотелось сказать с трибуны...

Дни заполнены до предела. Даже газеты некогда прочитать. Вне заседаний работаю над документами нашей депу-татской группы от комсомола.

Еще до Съезда мы оговорили два про-екта: Закона о молодежи и Положения о Комитете по делам молодежи. Но — увы — проект Закона, кроме упомина-ния в выступлениях товарища Лукьяно-ва, больше «не прозвучал».

Телефон в номере не смолкает. Ко-гда бы ни вернулись в гостиницу — даже заполночь — междугородные звонки. Телефонистки, похоже, уже на-ловчились: на проводе попеременно то Нижний Тагил — это звонят моему со-седу по номеру Андрею Трубину, то Ар-хангельск, реже Северодвинск — мне. Суммировать все затронутые в теле-

ПОЧЕМУ ПРОШЛО?

Осенью прошлого года в кругах комсомольских работников прошла молва о неожиданном, не уклады-вающемся в рамки традиционных представлений поступке первого се-кретаря Архангельского обкома ком-сомола: он по своей воле и без ка-ких-либо особых на то причин ушел с должности. Необычным было и то, что он отверг предлагавшиеся ему номенклатурные посты — стал инже-нером-технологом производственно-го объединения «Соломбальский целлюлозно-бумажный комбинат».

...Он ушел, но для архангельской молодежи остался авторитетным, «своим» человеком. И нет ничего удивительного, что на пленуме ЦК ВЛКСМ Виктор Губин был избран на-родным депутатом СССР от комсомо-ла.

В конце марта мы встречались с ним, но беседа наша была корот-кой — Губина поджимали дела... И мы условились продолжить разго-вор в Москве в дни первого Съезда народных депутатов.

Так и родился, «выписался» этот своеобразный «дневник Съезда», естественно, не претендующий на полноту и всеобъемлемость. Являю-щийся лишь свидетельством участника событий, которым суждено отныне предопределять всю нашу жизнь.

Валерий МАЙОРОВ,
специальный корреспондент «Смены»

того, как аппарат пытался взять под контроль ход выборов. И было бы заблуждением утверждать, что эти по-пытки повсеместно провалились... И сейчас до боли волнует: а не ошибся ли народ в своем выборе, сумеют ли депутаты оправдать надежды?

Все сознают — первый Съезд со-брался в крайне непростое для страны время. Перестройка вскрыла опухоль, гнойник. Но многие при этом испугались, стали именно на перестройку все беды валить,вольно или невольно на-мекая на необходимость «твёрдой руки». Громче зазвучали голоса тех, кто пытается свести обновление жизни лишь к частным переменам в той или иной сфере. И это в первую очередь управляемый аппарат, который хоть и изменился за последние годы в кад-ровом отношении, но продолжает дей-ствовать в системе координат, утвер-дившихся в застойные годы.

А возьмем раздавшиеся сразу после выборов раздраженные сетования по поводу того, что оказались забаллоти-рованными немало партийных, совет-ских, хозяйственных руководителей.

...Когда перестройка только начиналась, Михаил Сергеевич Горбачев говорил, что труднее всего будет перестро-ить образ мышления, избавиться от дог-матических стереотипов. Выборы да и сам Съезд — особенно его начало — подтвердили это во всей полноте.

Мы с ребятами из нашей депутатации немало размышляли об аппаратном

Немало неясностей остается и по Ко-митету по делам молодежи Верховного Совета. Сергей Цыпляев, член нашей делегации, молодой ученый из Ленинграда, разговаривал по этому вопросу с Председателем Совета Союза: Евгений Максимович Примаков не видит не-обходимости отдать депутатам от ком-сомола большинство мест в этом коми-тете. Как же так?! Выходит, опять мол-дежные проблемы будут решать люди отнюдь не молодежного возраста. (Во всяком случае, до первой ротации.)

Внесла наша группа в Президиум и еще ряд документов: проект Поло-жение о комплектовании комитетов и ко-миссий Верховного Совета СССР, обращение к депутатам по поводу Указов Президиума Верховного Совета о мит-ингах и демонстрациях, полномочиях внутренних войск, по «делу» Гдляна и Иванова.

Задумывалось, что все это выскажем с трибуны. Но к ней большинству так и не удалось пробиться. И мне тоже.

А говорить хотел о прямо-таки крича-щих проблемах — о воспитании подрост-ков.

Мой «комсомольско-депутатский» ре-гион — Архангельская и Мурманская облас-ти. Уже в Москве получил письмо от жительницы Мурманска. В каждой строке — материнские слезы: «Помогите, не знаю, что делать. С каждым днем сына все больше затягивает улица. Стал хуже учиться. Грубит. Курит. Что с ним будет? Ему ведь нет и четыр-

фонных разговорах вопросы (равно как и в письмах, которых получил немало) трудно — перестройку следует вести энергичнее, смелее. И прежде всего принять закон о местной власти.

...Именно из политической активно-сти масс родился наш советский парла-ментаризм. И все его изначальные ка-чества — точный скол тех разнотений самого понятия «демократия», что при-сущ нынче нашему обществу.

Андрей как-то сказал полуслуху:

— Демократия, по идеи, должна быть спокойной. А мы шумим, братцы, шумим...

А потом после короткого раздумья всерьез:

— Но могло бы быть по-другому — особенно поначалу? Столько лет гово-рили по писаному, а слушали только начальство. Сейчас многое словно на-изнанку вывернуто.

Персонально Андрей под свою «фор-мулу» не очень подпадает — знаю его со временем XX съезда ВЛКСМ как че-ловека, независимого в суждениях. Но об-щее, характерное очертено им, пожа-луй, правильно: истинных демократов может воспитать только демократия.

Феноменальный случай — Нижнета-гильтский металлический комбинат, на котором работает Трубин, в новый депутатский корпус «поставил» трех человек, среди них и уже известный всей стране оператор Вениамин Ярин, избранный Съездом в парламент стра-ны.

Случайностью или тем более какой-то заданностью, спущенной свыше, такой феномен не объяснить. Немало говорено с Андреем о том, что предопределило такую сильную нижнетагильскую «связку» на Съезде. Трубин много рассказывал о своем трудовом коллективе: еще в застое времена вызывала здесь тяга сплочению на демократических началах, были силы традиции не показной, а истинной солидарности, не замкнутой в классовых рамках, а вобравшей в себя интересы всего населения города.

Уверен, именно при таких «почвенных условиях» в рабочем коллективе вырастают политические деятели, пользующиеся поддержкой народа. Они готовы решать судьбы страны и отвечать за свои решения!

...По поводу одного выступления на Съезде Трубин сказал:

— Некоторые депутаты то ли по недомыслию, то ли по чьей-то указке противостоят рабочих и интеллигенции. Ссылаются на какую-то диспропорцию представительства на Съезде... Чушь! Но не такая уж безобидная. Прав врач Федоров: в депутаты надо избирать не по сословным признакам, а по умственным способностям, нравственным качествам человека.

***

Признаюсь, меня удивило какое-то настороженное, а порой и агрессивное отношение посланцев некоторых регионов страны к группе московских депутатов. Над рядами прозвучало слово «фракция», вдбавок, наверное, воспринятое некоторыми в смысловом значении, засевшем в нашем генном сознании со временем выхода в свет «Краткого курса». Один московский директор поспешил сразу же открыться от группы, призвав в запале даже создать «депутатский суд чести».

Круто! Но давайте вдумаемся: фракционная борьба в партии и в парламенте — какой бы смысл ни вкладывать в то или иное понятие — разные вещи. Мы же и создали новый орган высшей власти, чтобы в нем выбиралась единственно верная точка зрения на основе обсуждения самых различных, пускай иногда и «сомнительных» (как кто-то выразился в адрес москвичей) мнений. Только так можно избежать произвола в управлении страной.

Не настаиваю на термине «фракция». Но группы, объединенные общностью взглядов, отношением к той или иной проблеме, рано или поздно станут фактом нашего парламентаризма. Это объективная закономерность, обусловленная вдбавок и процедурной логикой заседаний. (Сейчас, скажем, выступают десять человек и высказывают одну и ту же точку зрения. Не лучше ли, чтоб от имени десяти выступил один оратор?)

Еще перед началом Съезда мы с Андреем Трубиным и другими ребятами побывали в клубе московских депутатов. Познакомились с некоторыми материалами, подготовленными москвичами. Впечатление? С чем-то соглашаться с чем-то хочется спорить. Но их подход к делу, их деятельность, конечно, вызывают уважение. И очень жаль, что большинством голосов на Съезде было заблокировано предложение заслушать альтернативный доклад... Что ж, у зарождающейся демократии свои парадоксы.

Как скоро стряхнем с себя репы конформистского прошлого?

***

Получил депутатский значок. Теперь нас легко отличить на улице... Возле гостиницы «Россия» даже в самый поздний час толпятся москвичи в ожидании депутатов. Молодых среди них мало. Молодежь на митингах — в Лужниках, на Пушкинской площади...

Люди разговаривают с депутатами непринужденно и открыто. То, что происходит на Съезде, все видят и знают. Планка гласности поднята на максимальную высоту — заводят разговор о том, что «за кадром». Многих интересует, за что голосовал тот или иной депутат-москвич. Но и мне-то сие неведомо. Говорят, дескать, к осеннему Съезду зал оборудуют специальной аппаратурой для поименного голосования. Это обязательно надо сделать. Избиратели имеют законное право знать, какую позицию занимает избранный по каждому вопросу. Да и заседания будут проходить без надедающих затяжек, профессиональнее, цивилизованный.

...Один мужчина, которому я сказал, что избран в мандатную комиссию, лукаво заметил:

— Протоколы — это, наверное, единственная область, где у нас все нормально...

Действительно, чего-чего, а протокольного совершенства мы достигли. Можем делиться опытом с самыми развитыми странами...

***

— Как вы относитесь к Ельцину? — пожалуй, один из самых частых вопросов.

Мне с группой делегатов довелось перед Съездом два часа беседовать с Борисом Николаевичем. Лично я по-человечески рад, что в отношении его восстанавливается справедливость. И выступление депутата Казанника не просто благородный жест — отрадный признак нашего общего нравственного политического оздоровления. Понятно, откуда проистекает предубеждение против Ельцина... Но можно ли парламентарием, депутатам походить игнорировать этого, безусловно, крупного политика?

Вопросы, вопросы. И все — гамлетовские: быть или не быть?

Беседы с людьми помогают представить масштабность и значимость происходящего. И понимаешь, что демократии, гласности необходима надежная законодательная основа — социальная защищенность. От этого во многом зависит, насколько представления о правах и свободах будут соотноситься с пониманием ответственности и гражданского долга.

...Но есть, оказывается, депутаты, которые избегают «неформальных» контактов с людьми. Некоторые — заметил — просто не очень умеют общаться в непривычной обстановке. Некоторые не хотят. Таких мало. Но они есть. Неприятно удивило то, что на заседаниях пустует порой до сотни и более мест. Невольно вспоминаешь десятки достойнейших людей, не вошедших в депутатский корпус. К месту посочувствовать избирателям. Но они сами делали выбор. Так что остается лишь констатировать эту объективную закономерность сегодняшнего уровня демократизации общества, характерного тем, что образовался разрыв в темпах развития реструктурных процессов в различных регионах страны.

Об этом можно судить и по «ходкам» — тем, кто приехал в Москву, чтоб встретиться с депутатами.

Приехали они, разумеется, не ради того, чтобы выразить восторг по поводу «исторического события». Привезли свои боли, беды, житейские проблемы. Обращались с ними к местным властям. Да только вот...

Тут легко взять и обличить тех, кто не помог этим людям по месту жительства, в бездушии, бюрократизме. Да, немало еще у нас бездушных чиновников, бюрократов, обирай, паразитирующих на распределении социальных благ. Но откуда они взялись, что взрастило и из года в год тиражирует их, несмотря на все предпринимаемые меры? Все это, думаю, от бедности нашей проклятой, тотальной дефицитности — жилья, мест в больницах, бюджетных средств...

Потрясло своей обнаженной правдивостью выступление Чингиза Айтматова. Хочется процитировать: «Пока мы гадали, судили да рядали, каким должен быть и каким не может быть социализм, другие народы уже его имеют, построили и наслаждаются его плодами. Причем мы своим опытом послужили им хорошую службу, показав, как не следует строить социализм. Я имею в виду процветающие правовые общества Швеции, Австрии, Финляндии, Норвегии, Голландии, Испании, наконец, Канады за океаном. О Швейцарии уже и не говорю — это образец. Рабочий человек в этих странах зарабатывает в четыре-пять раз больше, чем наши рабочие. Социальная защищенность, уровень благосостояния трудящихся этих стран нам могут только сниться. Это и есть реальный и, если хотите, рабочий профсоюзный социализм, хотя эти страны и не называют себя социалистическими, но от этого им не хуже».

Кое-кому, наверно, слушая эти слова, снова захотелось прихлопнуть телетрансляцию Съезда. Кто-то до сих пор не может понять: только правда — полная правда и для всех одинаковая, — какой бы жестокой и обидной для национального самосознания ни была, способна сейчас сплотить общество, помочь наконец-то понять, что плохо жить — стыдно. Одними инвестициями сверху, на что делают вольно или невольно упор некоторые депутаты, кардинально дело не исправишь. Залатаешь одну дыру, а там, глядишь, — новые две...

Но — «Вся власть Советам!» — это значит побольше демократии. И как тут не сказать, что в сознании многих еще людей бытует: демократия, конечно, дело добре, но не столь уж и необходимо, что и без нее прожить можно. А есть и такие, кто убежден, что кое в чем она и вредна. Вспомним же примеры из жизни развитых европейских стран, приведенные Айтматовым. Неужто и на фоне такой предметности кому-то останется непонятным, что развитие демократических начал — не чья-то блажь или прихоть, а непременное условие общественного прогресса.

***

После полутора недель работы Съезда для депутатов, не избранных в Верховный Совет, был объявлен перерыв. И мы с Сашей Емельяненковым, до недавнего времени работавшим главным редактором газеты «Северный комсомолец», а ныне заместителем главного редактора «Собеседника», полетели на субботу и воскресенье в Архангельск. Нас просили приехать избиратели. Я — «из общаги», как кто-то выразил о тех депутатах, кто избран от общественных организаций. А Саша к депутатскому мандату шел непросто и пополнил депутатский корпус, можно сказать, перед самым Съездом.

Если честно, я ему в этом плане завидую, но и не ощущаю какой-то своей ущемленности. Ведь с меня, как с депутата, может спросить любой комсомолец страны. А что касается моих земляков — и старых, и молодых — разве что-то отторгает меня от их интересов, разве я откажусь от того, чтоб быть им подконтрольным?

Так что все мы, депутаты, в одной упряжке. Хотя я и должен, видимо, лишний раз ответить на вопрос, который задавали мне и в Архангельске, и в Москве неоднократно — об отношении к нынешней, двоякой системе выборов.

Теоретически я против нее. В идеале в демократическом правовом государстве должны быть всеобщие, прямые и равные выборы. То есть то, что уже выработано и проверено практикой человечества.

Но теория — чистый лист. А куда деть груз практики многих десятилетий? В большей своей части авторитарный, согнувший не одно поколение, но

свой все же груз. Одним махом не сбросишь — можно ноги отбить...

Ну, а какими должны быть выборы в местные Советы? В частности, коли-нибудь те, что прошли весной? Или с какими-то перманентными поправками? Это сейчас в народе горячо обсуждается. И за кулисами Съезда депутаты частенько касались этого болезненного вопроса.

Мое мнение таково: на всесоюзном уровне нужно принять Закон, содержащий лишь основополагающие принципы и правила. Каждой же союзной (может, и автономной) республике представить право самой законодательно решать конкретику выборного уложения.

...За два дня — две встречи в Архангельске и одна в Северодвинске. Конечно, забросали вопросами: какие изменения будут внесены в Закон о предприятиях в плане уравнивания их возможностей с кооперативами? Почему в прениях по докладу Горбачева не выступил ни один из членов Политбюро? Откуда столько накладок на Съезд? Ну, насчет организационных накладок еще куда ни шло. Все процедурные тонкости просто невозможно было предусмотреть. А вот то, что запускаем «Бурган» и сложнейшие телеаппараты к далеким планетам, а президент страны ведет подсчет голосов, как на колхозном собрании, взмахивая карандашом, и вдоль рядов ходят счетчики — такое, действительно, трудно объяснить.

В Северодвинске от группы избирателей поступила записка с предложениями по подготовке осеннего Съезда народных депутатов. Доработаем и передадим в Верховный Совет...

В Архангельске передали материалы с просьбой сделать депутатский запрос: план центрального ведомства на заготовку древесины в области превышает природоохранные нормы. После Съезда проверю все данные и сделаю запрос...

Удивительно — как быстро и естественно вошли люди в атмосферу открытости и гласности (хотя, понимаю, что есть такие — нашлись они и среди депутатов, — кому она не по душе)! И насколько сами стали открытее, добрее, восприимчивее.

Конечно, на волне нашей гласности всплывает много грязи, много такого, чего надо стыдиться всем миром. Но без этого не очиститься. А с запачкаными руками и душами разве создаешь обновленное, очеловеченное общество? И стоит ли пугаться, если гласность порой порождает экстремистские эмоции? Они неизбежны. Но временные, как воспалительный процесс. И не столь уж трудно удерживаться в рамках правопорядка. Но сильнее гласности и честности нет средства для морального и нравственного оздоровления страны.

Между прочим, на встрече в политко-философском клубе (члены которого в первую очередь «агитировали» нас прилететь на выходные дни) кто-то заметил:

— После телетрансляций Съезда многие средства массовой информации будут просто вынуждены выйти из состояния провинциального послушничества... Ведь теперь, если что, читатели могут обратиться в соответствующий комитет Верховного Совета с требованием снять «осторожного» редактора.

***

Пока президиум рассаживается по своим местам, оглядываю зал.

На лицах депутатов озабоченность: еще не остали в сознании сообщения о катастрофе в Башкирии, беспорядках в Фергане, осложнении ситуации в Нагорном Карабахе. Но паники на лицах нет. Это значит: какими бы ни были причины случившегося, надо во всем тщательно разобраться. Без «нерва» и ажиотажа. И не поворачивать назад...

— Ну что, пойдем дальше? — привычно спрашивает Горбачев...

— Чем больше вы будете потакать этим проходящим, тем больше они будут вешать плакаты в ваших приемных! (Из разговора с министром).

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Самое неблагодарное занятие — ломиться в открытую дверь. Как доказать, например, что дважды два — четыре? И кому это вообще нужно? Между тем, вопрос нешуточный.

Пятый год говорим о строительстве правового государства, а много ли построено? Почти все законы, указы, постановления и проекты последнего времени подверглись резкой и убедительной критике. Отдаю себе отчет в том, что есть проблемы, требующие тщательного обсуждения: не всегда легко найти лучший вариант решения. На это, естественно, нужно время; возможны и ошибки. Но речь о другом. Трудно понять, почему упорно продолжают сокращаться положения, инструкции, нелепость и незаконность которых очевидна — и всеми, кажется, признана... а вот поди ж ты, и тут, на пустом месте, возникает очередная «проблема»! Никто вроде не возражает против того, что все граждане должны быть равны перед Законом, а Закон должен быть един для всех. В то же время и на пятом году перестройки миллионы наших людей ущемлены в элементарных правах и стоят как бы вне Закона.

Однажды утром я встретил одного из таких в вестибюле издательства «Правда», где находится и наш журнал. Языком плаката, висевшего у него на груди, человек сообщал: советский безработный, вынужден объявить голодовку. Такой необычный посетитель появился в нашем здании впервые. Пришлось пригласить в редакцию — видимо, что-то сверхординарное случилось у человека, расспросить надо.

В кабинете странного посетителя выложил из портфеля стопку документов и газету «Известия»...

СЛУЧАЙ НА ПРОХОДНОЙ

История Валентина Яковенко оказалась вполне тривиальная. Его, бывшего заместителя начальника транспортного цеха киевского завода «Стройдормаш», уволили по статье. В приказе об этом говорится так:

«15 октября 1988 г. (по производственному графику рабочий день суббота) в 17.40 мин. на центральной проходной стрелком ВОХР т. Петрусь Е. С. был задержан заместитель начальника цеха № 13 т. Яковенко В. П. по подозрению в том, что он находится в состоянии алкогольного опьянения.

Присутствующие при этом стрелок ВОХР т. Добролежа В. М., дежурный по заводу тов. Карабаза П. Ф. подтвердили, что тов. Яковенко В. П. явно находится в состоянии опьянения (имелся сильный запах спиртного, нарушена координация движений). Подтверждает это и свидетельство медсестры наркокабинета т. Гулькиной Н. П.

Тов. Яковенко В. П. было предложено последовать в наркологический кабинет на освидетельствование для определения степени алкогольного опьянения. От освидетельствования в наркокабинете либо в другом лечебно-диагностическом учреждении т. Яковенко В. П. отказался, о чём и составлен акт.

Такое поведение несомненно с должностью руководителя. Учитывая изложенное —

ПРИКАЗЫВАЮ:

Уволить заместителя начальника цеха № 13 т. Яковенко В. П. по п. 7 ст. 40 КЗоТ УССР за появление на рабо-

те в нетрезвом состоянии — 21 октября 1988 года.

Генеральный директор П. В. Сенченко».

Я не случайно привел приказ полностью — к нему мы еще вернемся. Сначала о некоторых моментах, которые насторожили после прочтения документов, привезенных Яковенко.

Свидетельство медсестры — серьезная «улика». Но Гулькиной не было на месте происшествия! Она из окна своего кабинета случайно увидела идущего к проходной Яковенко и позвонила охране.

— Вы сказали, что я в нетрезвом состоянии? — спросил ее Яковенко в присутствии двух работников прокуратуры (есть протоколы его «очных ставок»).

— Я говорила — посмотрите, он плохо идет, я не говорила, пьян или не пьян.

Что значит — «плохо идет»? А если человек — допустим такое — оступился, споткнулся? В любом случае подобное «свидетельство» — не акт экспертизы.

Пойдем дальше. «Был задержан на проходной... Да как же задержан, если он преспокойно уехал домой! Может, пытались задержать? Но тогда почему охрана — предупрежденная по телефону! — не смогла всего лишь перекрыть вертушку? Целых три человека, судя по директорскому приказу, при сем присутствовали — и не задержали одного... Наконец, почему не вызвали медсестру на предмет освидетельствования?

Следующая неувязка — цитирую ответ дежурного по заводу П. Ф. Карабазы:

— Петрусь сказала: «Пропуск мы забрали у вас, вы в нетрезвом состоянии. Если не согласны, то принесите справку от нарколога».

Забрали? Еще неделю Яковенко беспрепятственно ходил на завод, ни о чем не подозревая. Пропуск и сейчас у него — я сам его держал в руках. Да и вообще не он должен доказывать, что был трезв, а администрация — что пьян.

...Заводской шофер Яковенко (одноклассник), подвозивший Валентина 15 октября, даст показания: никакого запаха спиртного не слышал. Подтвердит трезвость Яковенко инженер по безопасности движения П. В. Иванчиков — они вместе выходили с завода. Но все это будет позже, а в тот злополучный вечер (часа через два после ухода Валентина) начальник караула П. Г. Литвинов со слов своих подчиненных составит акт...

ВИЗИТ К МИНИСТРУ

Яковенко жаловался в районную, республиканскую прокуратуры, Минстройдормаш СССР. Ответ отовсюду один: оснований для восстановления на работе не установлено. Тогда он повесил на грудь плакат и вышел на Крещатик. Не помогло и это — поехал в Москву. Полтора месяца ходил по разным организациям. Плакат послужил своеобразным пропуском и на прием к министру. В Киев выехала министерская комиссия — но ничего утешительного для Яковенко оттуда не привезла. Чуть позже вышла статья в «Известиях» — «Человек с плакатом».

Я познакомил министру Е. А. Варничеву и поинтересовался «делом Яковенко».

— Вы знаете, — ответил Евгений Андреевич, — что этим товарищем Яковенко занимается уже весь Советский Союз?

— Я в курсе.
— Ну так чего же?

— Мне хотелось бы знать ваше мнение.
— Мое мнение товарищ Яковенко знает. Если он порядочный человек,

Фото Сергея ВЕТРОВА

Владимир
АНИСИМОВ,
специальный
корреспондент
«Смены»

ИЗ ЧЕРНОГО СПИСКА

СОВЕТСКИЙ БЕЗРАБОТНЫЙ!
Вынужденный объявить голодовку
в защиту Перестройки, Гласности
и прав человека! Партийно-
бюрократической администрацией
Минстройдормаш за критику
выброшен с работы на улицу.

хоть чуть-чуть, то он должен был сказать вам мое мнение. Уволили его правильно.

— Вы смотрели его бумаги?

— Я не только смотрел бумаги. Туда выезжала комиссия, которая встречалась со всеми — с дирекцией, профсоюзом, проводила встречу с коллективом цеха, на которую товарищ Яковенко не сумел прийти. Дальше он был в «Известиях», так же третировал их. «Известия» напечатали статью...

— А ваше отношение к этой статье?

— Видите ли, чем больше вы будете потакать этим проходящим, тем больше они будут вешать плакаты в ваших приемных.

— На статью в «Известиях» вы как-то реагировали будите?

— А как я должен реагировать?

— Там высказаны критические замечания — их надо или опровергнуть, или...

— Подскажите мне, я не здорово грамотный, что там критического и что мне надо опровергнуть?

— Смысл статьи в том, что человек уволен незаконно.

— Это кто сказал вам?! Прокуратура разбиралась и сказала, что законно!

Почему это вы берете на себя ответственность делать такие заявления?

— Я не делаю заявлений, а просто передаю смысл статьи.

— Я читаю статью, она у меня настольной книгой стала, как детектив.

— Вы считаете, что вопрос закрыт, и встречаться еще раз с Яковенко не хотели бы?

— А он не хочет со мной встречаться.

— Как — не хочет?..

— А так. Он меня поблагодарил и сказал: товарищ министр, спасибо, что вы нашли время, теперь я всем могу сказать — я у министра был, он вопрос не решил, я иду в «Известия», в ЦК, в любой другой орган. Неужели вы не поняли Яковенко?

— За одну встречу это трудно сделать... Но если б он сейчас к вам пришел — вы бы его принял?

— У меня двери не закрыты. Пожалуйста, пускай приходит.

— В какое время?

— Сегодня — в любое. Брошу все, буду заниматься товарищем Яковенко. Смею утверждать, что он ко мне не пойдет.

Яковенко немедленно отправился

к министру. Через час позвонил: аудиенция состоялась, но была непродолжительна и безрезультатна. Ничего не оставалось, как возвращаться в Киев. Зная, что денег у него нет и на сигареты, я предложил взаймы на билет. Однажды Валентин отказался и поехал в милиционный спецприемник-распределитель, который рассыпает по домам разных бродяг. Не в вагонах СВ, зато бесплатно.

СЛУХИ

Пытался, как говорится, влезть в шкуру Яковенко, «примерить» на себя его плакат. Смог бы в такой ситуации стоять с плакатом на шее подле высоких учреждений? Жить на вокзалах? Как ни пытался, представить такое не мог. Унизительно как-то.

С другой стороны — возражал сам себе, — разве унизительно отстаивать свою честь и достоинство? Да, метод необычайный, исключительный. Но все обычные пути Валентин испробовал, все кабинеты прошел — что же еще остается? Смириться с записью в трудовой книжке?

А если Яковенко врет? Тогда почему он не боится никаких проверок — наоборот, добивается повторных разбирательств?

Понимать его действия я начал после того, как увидел письмо из прокуратуры: «**приговор отменен за отсутствием состава преступления**». Но по тому неправедному приговору он отсидел от звонка до звонка — три года. Потом еще три добивался пересмотра дела и реабилитации. Добился... Правда, никто не принес извинений, никто не торопится выдать материальную компенсацию, вернуть жилплощадь. В его бывшей комнате давно живут другие люди — но они же ни в чем не виноваты, их посыпали. Пока приходится ютиться с матерью в старой коммуналке: одна комната-пенал на двоих.

Словом, хлебнул несправедливости. Всего семь месяцев отработал на «Стройормаше», и опять полная бесправность. Действительно, такая жизнь доведет до любых экстравагантных поступков.

А что думают обо всей этой истории на заводе? Я взял билет до Киева...

Первая реакция секретаря парткома М. Г. Городыской:

— Яковенко? Да его лечить надо! Он же душевнобольной, состоит на учете. Признаюсь, я немного опешил, тем более, что ничего «такого» за Валентином не заметил. Потом подумал: а какая разница? Уволили-то не за болезнь.

Но «информацию» о психической неполноценности Яковенко я получал постоянно, во всех разговорах — с начальниками отдела кадров и цеха, рабочими.

— Его и в армию не взяли из-за этого, — сообщил заводской нарколог.

В конце концов я не выдержал и на всякий случай зашел в диспансер. Районный психиатр Р. И. Городинская категорически опровергла эти слухи и выдала официальную справку: не состоит Яковенко на учете.

Хоть и неловко было, но посмотрел я и военный билет Валентина: призвался в свой срок, служил рядовым...

— А вот мои права шофера первого класса, — досстал он еще один документ. — Вот медицинская справка, которую обязан иметь каждый водитель. Больному ее не выдадут.

Кто и зачем пустил по заводу ложные слухи? Впрочем, важнее другое. Почему должностные лица, руководители считают возможным эти слухи повторять в беседе с таким же должностным лицом — корреспондентом?

Но совсем меня добил заключительный разговор с секретарем парткома. Рассказав, что Яковенко подавал заявление на выезд за рубеж... (А вот это действительный факт, и Валентин его не скрывает: да, подавал, потом передумал. Преступление ли? Мы все постепенно приходим к мысли, что человек должен иметь право свободно выбирать место жительства — и не только

на одной шестой части Земли.) Так вот, рассказав это, Мария Григорьевна задумчиво добавила:

— Еврей с русским паспортом — кому он там нужен?

Впору было со стула свалиться. Дело даже не в том, что Валентин и по происхождению, и по паспорту — украинец. Какая, к черту, разница — еврей он, монгол или эскимос и что там у него в паспорте? Но разговор на таком уровне — и где?.. Я не стал заводить дискуссию о культуре межнациональных отношений. Вопрос-то у меня совсем другой: законно ли уволили? Согласись, если тебе вешают на уши ложные слухи, якобы порочащие Яковенко, поневоле усомнишься и в других утверждениях.

СОБРАНИЕ

Не просил, но специально для меня организовали собрание коллектива цеха. Я предлагал начальнику цеха В. И. Кочерге пригласить и Яковенко. Он ответил:

— Не в моей компетенции пропускать на завод посторонних лиц.

Надо же, какой бесправный начальник цеха... Ну что ж, нет так нет.

Первым выступил председатель профкома цеха аккумуляторщик Г. А. Кечик:

...Яковенко начал с репрессивных мер против пьяниц — они были правильны, никто не может отрицать. Но он считал, что до него никто с этим не боролся. Это неверно. Можно поднять протоколы, посмотреть, сколькоуволено за пьянку до него... Уча других, себя забывал... Сразу, в один день ни перестройка не сделается, ни людей мы не перевоспитаем. И если всех разогнать, которые пьют — то кто же работать будет? До тех пор, пока чувствуем, что с человеком можно что-то сделать, — мы его воспитываем.

Из последующих выступлений я узнал, что:

— Яковенко всех обзывают пьяница-ми и ворами;

— поставил в бокс свою личную машину и до сих пор не забирает;

— не умеет работать с людьми — грубит, кричит;

— по работе — нуль, технически абсолютно безграмотен;

— частенько выпивал на работе;

— коллектив задерган проверками и не может защититься от кляузника;

— вы, корреспонденты, сами боитесь этих жалобщиков — они и на вас могут написать...

Ничего себе портретец, а?

У меня нет оснований подозревать в неискренности незнакомых мне людей и говорить о «подготовленности» выступающих. Но некоторые вопросы после собрания остались. Если новый руководитель пил постоянно — разве трудно было уличить его раньше и по всем правилам, с проведением экспертизы, благо наркологический кабинет близко от цеха? Правда, однажды мастер Б. Д. Мажарский — об этом он и на собрании говорил, — услышав запах спиртного, предложил Валентину приследовать к наркологу. Но аппарат ППС-1 присутствия алкоголя не показал.

— Может такое быть, что человек выпил, а прибор не реагирует? — спросил я позже медсестру Н. П. Гулькину.

— Никогда, — твердо ответила она.

Если запах почудился Мажарскому, почему он не мог почудиться дежурному по заводу Карабазе, который 15 октября даже не разговаривал с Яковенко?

Об абсолютной некомпетентности, безграмотности Яковенко. Если так — следовало предложить ему другую работу. Но, честно говоря, даже неспециалист засомневается, что человек, имеющий первый водительский класс, допущенный к управлению любым автотранспортом, так уж безнадежно туп в вопросах ремонта, технического состояния машин, как представляли некоторые рабочие. Да и начальник цеха подтвердил: срывов производственных

заданий по вине Яковенко не было.

Легковая машина в боксе? Старый «Запорожец» поставлен туда согласно официальному договору (завод оказывает услуги населению по ремонту машин). Валентин готов забрать его в любой момент — но только в отремонтированном виде. Разумеется, с полной оплатой всех работ по счету. Так что рабочие, которым автомобиль действительно здорово мешает в тесном боксе, вполне могли бы обратить законное раздражение и в адрес своей же администрации.

В отношении человеческих качеств Яковенко. Мне было бы куда легче писать об этом конфликте, услышав я только положительные отзывы о Валентине. Я с ним вместе не работал и окончательно судить — прохвост, грубян он или обычный человек — не берусь. Но меня это в данном случае не столь интересует. Кто сказал, что лишь идеальный герой вправе рассчитывать на справедливость? Не ручаясь за словность, передаю мысль многих видных юристов: только то государство может считаться правовым, где и последний мерзавец находится под защитой закона. Иначе говоря, судить его надо с таким же скрупулезным соблюдением процессуальных норм, как и всех остальных. Нельзя руководствоваться эмоциями в правовых вопросах — хороший человек или плохой? Или мы будем разрабатывать новое законодательство в двух вариантах — отдельно для хороших и плохих людей? И определять «хороших» голосование? Как бы ни были искренни рабочие на собрании, их выступления не имели никакого отношения к увольнению Яковенко.

КОМУ ВЫГОДНО?

Почему же он 15-го не пошел к наркологу за справкой? По его словам, никто ему этого не предлагал (из числа четырех, подписавших акт о «задержании» — никто, проверено). Предлагал якобы пожарный, встретившийся Валентину за проходной), и вышел он с завода без каких-либо недоразумений. А акт был сфальсифицирован задним числом.

За что? За критику, вскрытие и оглашку недостатков на заводе. Еще в июле УВД горисполкома сообщало: «Недостатки по предупреждению аварийности, указанные в вашем заявлении, подтвердились...» Но доказать расправу за критику сложно, поэтому вернемся к документу. К приказу об увольнении.

Приказ прокомментировал адвокат А. С. Хоперский, занимавшийся «делом Яковенко»:

— В нарушение статьи 149 КоАП Украины, у Яковенко не отбиралось письменное объяснение. И нет акта о том, что он отказался дать такое объяснение. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы судья вынес решение о восстановлении на работе. У меня не раз так бывало в судебной практике.

Отчего Яковенко пошел по длинной лестнице инстанций, а не обратился сразу в суд?! В том и беда, что не имеет на это права. Суды не рассматривают трудовые споры лиц, внесенных в список (или перечень) № 1. То есть — начальников разных рангов. В этом «черном списке» — многие тысячи молодых руководителей: мастера на заводах и стройках, прорабы, начальники участков, цехов, отделов, бюро...

Только первые три года после института или техникума они еще все-таки находятся (как молодые специалисты) под защитой закона. Дальше — все... В случае конфликта с администрацией остается жаловаться в вышестоящее ведомство или прокуратуру. И уж совершенный нонсенс: уволить тебя — члена профсоюза — можно... без согласия профсоюза!

Мне скажут — сгущаю краски. Не так уж беззащитен «черносписчик», раз может рассчитывать на помощь прокурора. Прокуратура — организация серьезная. Но прокурорская проверка — не

открытый, гласный процесс с его принципами состязательности и равенства сторон, участием адвоката.

Вот какой ответ получил Яковенко из республиканской прокуратуры: «...Факт Вашего нахождения в нетрезвом состоянии подтвердили работники завода Добролежа В. М., Карабаза В. П., Якименко А. К., Петрусь Е. С., Литвинов П. Г., Гончарук П. Ф.»

Сразу бросается в глаза фактическая неточность: начальник караула Литвинов в момент «задержания» в проходной не присутствовал, Валентина не видел даже издали, а акт составил со слов вахтеров! Что он может подтвердить?

Вроде бы мелочь, формальность — вон еще сколько свидетелей! Но если «приговор» основывается только на свидетельских показаниях, почему на-прочь отмечается показания шоferа Яковенко (однофамильца) и инженера Иванчикова? (Мне говорили на заводе, что у Иванчикова личные причины «покрывать» Яковенко, но это опять-таки эмоции, не имеющие отношения к праву.) Может, и в прокуратуре спорное дело решается простым подсчетом голосов: с чьей стороны свидетелей больше?

А для суда «мелочей», «формальностей» не существует: обстоятельства исследуются, а не подгоняются под нужную схему.

Речь-то идет о судьбе человека. И кто знает, имел Яковенко право на открытое судебное разбирательство, — события могли повернуться иначе. Кстати, судебный процесс мог избавить коллектива цеха от бесчисленных проверок... (Знаю, суды подчас выносят несправедливые приговоры — трехлетнее заключение Яковенко тому пример. Но это уже иной разговор.)

Остается еще надежда на вышестоящее ведомство. Однако министр —помните? — ссылается на прокуратуру. А если прокурор все же внесет протест? Министр вправе его отклонить! И точка, круг замкнулся. История Яковенко тем и показательна, что человек прошел по всему этому кругу, нет инстанции, которую он бы миновал. Последней оказалась «Смена». Но редакция — не суд, никого ни к чему обязать не может.

Размышляя, кому же выгоден «черный список», прихожу к однозначному выводу: самим же руководителям! Точнее — верхним этажам бюрократии. Так проще держать нижестоящих на «коротком поводке» (говорю уже безотносительно к Яковенко и «Стройормашу»). Перебираю письма, вспоминаю молодых руководителей, в разное время приходивших в редакцию с жалобами. Один поднял голос против воровства и приписок — уволен по несответствию служебному положению. Другой открыто сказал о неблаговидных делах начальства — быстренько провели переаттестацию... Как говорят, был бы человек, а статья найдется. А министру... ну, зачем ему обижать своего директора из-за какой-то мелкой сошки?

«Черный список» — не просто анахронизм административно-командной системы, доставшийся нам в наследство от прошлых времен. Он противоречит Конституции. Система ставит себя и свои «изобретения» выше Основного Закона. Понимаю, в одночасье ее не сломаешь. Но трудно понять бессилие (или незаинтересованность?) государства даже в таких вопросах... Какие еще нужны аргументы в пользу равноправия людей? Сколько можно толковать о строительстве правового государства — и не сделать хоть маленько шага к нему, не решить пустячную правовую «проблему», где и обсуждать нечего?

ОТ РЕДАКЦИИ. Не так давно создана Всесоюзная ассоциация молодых руководителей. Может быть, именно она сможет добиться отмены всех антиконституционных списков и ведомственных уставов? Это могло бы стать конкретным делом ассоциации, ее вкладом в перестройку.

НИЧЕЙНОЕ ЗОЛОТО

Александр
АМСТИСЛАВСКИЙ,
кандидат биологических наук
фото Дмитрия ДЕБАБОВА

Неужто и северный лосось незаметно уйдет в небытие, повторив горькую судьбу аральского шипа, атлантического осетра и многих других рыб? Сколько же можно терять? Что оставим нашим детям, внукам?

...Когда приезжаешь осенней порой в Нарьян-Мар, не можешь не поразиться странному на первый взгляд обстоятельству, — кажется, что вся здешняя жизнь в основном зависит от хода семги.

Здесь, в низовье Печоры, все грандиозно — и ширь реки, и само семужье перекрытие. Данные о нем так и просятся в Книгу рекордов Гиннесса. Еще бы, нигде в мире нет такого: 1600 метров сетей ежедневно контролируются бригадой водолазов и поэтому надежно закрывают путь великой миграции рыбы.

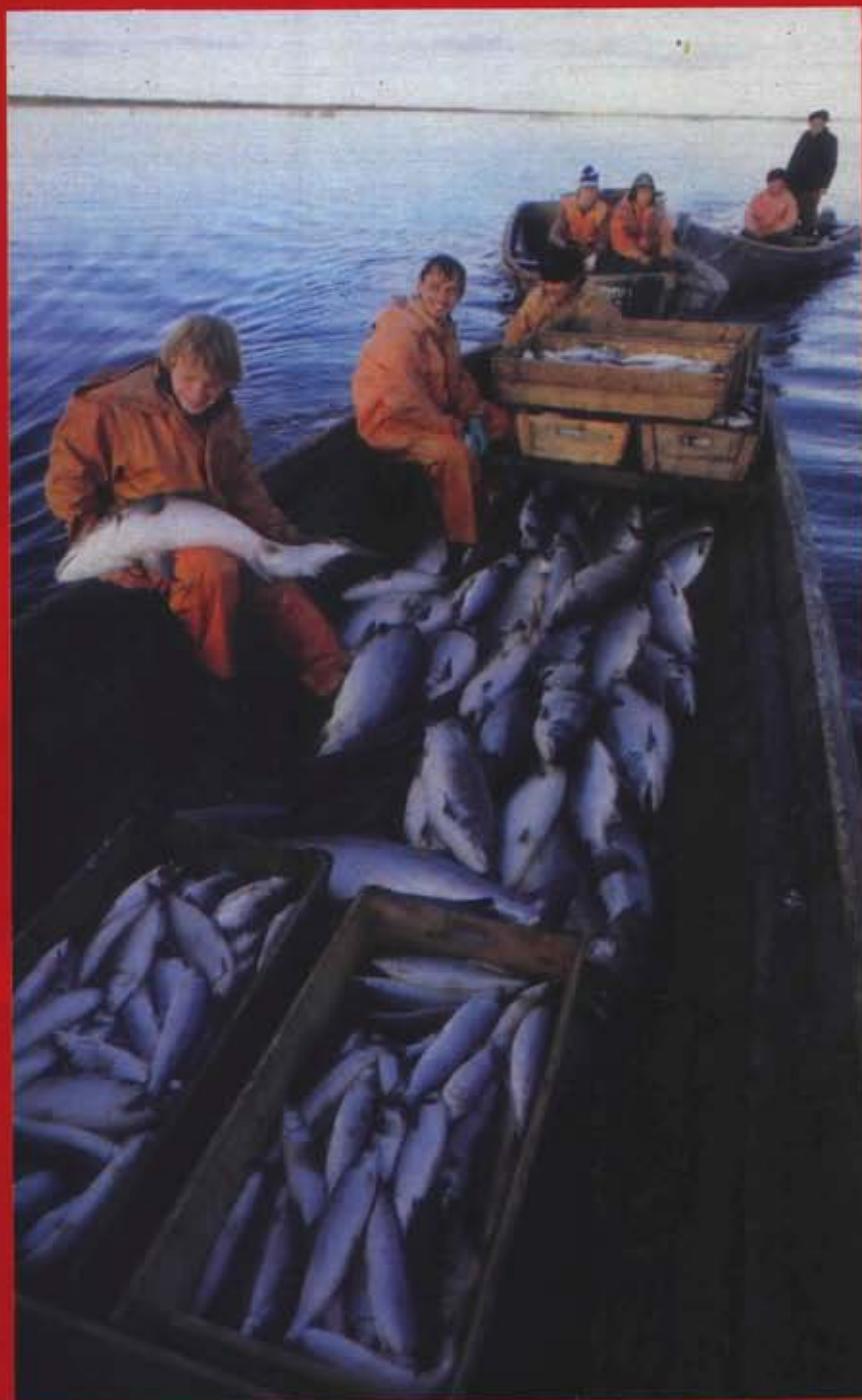
Но... сегодня оно стало притчей во

языщах. Даже на XIX партконференции звучали слова тревоги за судьбу печорского лосося. Одни утверждают, что все семужьи беды на Печоре от перекрытия, другие же (я отношусь к их числу) верят в огромные возможности концентрированного лова. И нельзя, на мой взгляд, винить лишь это сооружение (где работают 60 рыбаков вместо 600—700 ловцов, как было тридцать лет назад) в нынешней депрессии стада.

Дело в том, что стадо печорской семги неоднородно: оно состоит из полутора десятков популяций. Вот, например, на Верхнюю Печору, пройдя почти полутора тысяч километров вверх по реке, идут самцы мощные, самые крупные особи. Но мы не ведаем, сколько же рыбин заходит в тот или иной приток, каков вклад каждой популяции в фонд есте-

ственного воспроизводства лосося. И пропускаем и ловим чехом, даже не пытаясь наладить мечение производителей. Дорого, хлопотно. Да и кто даст деньги, людей? Минрыбхозу это ни к чему...

Много лет тому назад, начиная концентрированный лов семги, было решено пропускать на нерест пятьдесят процентов производителей. Заметим, что стадо печорской семги еще в начале шестидесятых годов было достаточно мощным, многочисленным. А потом, когда пошли слабые поколения, стали пропускать на нерест шестьдесят, а в иные критические для семги годы даже семьдесят процентов рыбин, подошедших к нерестилищу. На первый взгляд все разумно. Если, конечно, забыть, что численность печорского лосося очень низка. Очевидно, что надо про-

пускать на нерест малочисленные стада целиком, а не частично, как это практикуется сейчас.

Изменится ли словно по нановению волшебной палочки нынешняя кризисная ситуация с семгой, если перекрытие будет снято? Я уверен — нет! Браконьерство на Печоре — это сегодня проблема номер один.

Ученые считают, что раньше ежегодный вылов семги на нерестилищах был равен примерно 24 тысячам особей. Тогда ловили лишь по открытой воде — этого хватало. Но теперь, когда в бассейне Печоры не осталось недоступных для человека уголков, когда зимой для подпольного лова семги можно воспользоваться снегоходом или же казенным вертолетом, лов стал круглогодичным. На нерестилищах семгу промышляют старинной острогой, а на миграционных путях ставными, главным сетями, неводком. Не забыт и спланинг — иногда он бывает очень добывчив. Есть данные, что около половины пропущенной через перекрытие семги вылавливается. Значит, если от малого да еще отнять — ведь ничего-то и не остается!

Уверен, что лишь ужесточением рыбоохранного законодательства мы не добьемся успеха в борьбе с браконьерством. Нужно иное, нетривиальное решение этой трудной рыбохозяйственной и социально-экономической проблемы. Необходимо возродить у северян (да и не только у них) чувство подлинных, а не формальных, как сейчас, хозяев реки. Той реки, на берегах которой они выросли и где, наверное, будут жить их дети.

Есть, на мой взгляд, палочка-выручалочка. Лицензия. Лицензионный лов рыбы делают у нас первые крайне робкие шаги. А ведь во многих странах любительское рыболовство — дало очень выгодное: спортивный лов ценных видов рыб (правда всего, конечно, лосося) имеет гораздо более высокую стоимость, чем промышленный. Коммерческая стоимость одного лосося, добывшего любителем, все время росла: в 1958 году — 158, в 1966-м — 214, а в 1980-м уже 333 доллара. Это в Канаде.

А в Шотландии, например, любительский лов лосося, которым занимается всего-навсего два процента

населения, дает 250 миллионов долларов в год. Значит, мы просто спим на машках с золотом! Достаточно сказать, что на семуких реках Архангельской области (их здесь 250!) до сих пор не нашлось акваторий, где бы рыбак, купив по льготной цене лицензию, мог бы не таясь, не коровским способом, как это позевы, а на законных основаниях, легально выловить семгу.

Недавно мне довелось принять участие в работе первой советско-американской конференции по охране и воспроизводству атлантического лосося. Характерно, что и в США, и в Канаде проблемы охраны лосося достаточно острой. Но если мы практически ничего не делаем для сбережения «подарка человечеству», то канадцы, например, успешно реализуют пятилетнюю правительственную программу по восстановлению численности ряда популяций лосося. А США за два десятка лет also жили программу по атлантическому лососю 111 миллионов долларов. Но это не все. Намечено в самые близкшие годы добавить еще 350 миллионов... И эти миллиардные инвестиции вполне себя оправдывают —

экологически и экономически.

Так чей же он, печорский лосось? Минрыбхоза СССР? Того, что ведет промысел, но ровным счетом ничего не делает для сохранения стада семги?

Может быть, местных Советов? О нет! Они по-прежнему на Севере беспомощны и безгласны и находятся, как правило, под пятой тех ведомств, что крушат многое лет северную природу.

Обществу охотников и рыболовов? Это тоже не хозяева... Может быть, нефтникам, газовикам? Тем, кто ворочает миллионами, миллиардами рублей, созидая базис добывающей экономики? Тем, кто ни на йоту не заинтересован экономически в сохранении чистоты вод, рыбных ресурсов, самой семги, наконец?

Нет хозяина...

Недавно президент отделения общества рыболовов «Граут анлимитед» штата Аризона У. Дэвис писал: «Мы хотим предупредить наших друзей в СССР: бережно храните лосося Двины, Печоры. Это последние косыни в мире, что идут на нерест».

Прислушаемся же, пока не поздно, к мудрым словам.

25 мая, утро... Под сводами Кремлевского Дворца съездов — тишина.

Минутой молчания почтили народные депутаты СССР память погибших в Тбилиси.

Не отрываясь от телевизора, Камера скользит по лицам. Русские, грузины, узбеки, армяне, белорусы, украинцы, литовцы, азербайджанцы, молдаване... — весь многонациональный депутатский корпус, честь и совесть страны — разумом, сердцем вновь обратились в это мгновение к тбилисской трагедии...

Что же произошло тогда, в ночь на 9 апреля? И еще раньше... Я говорю не о событиях, раскрученных стремительно, со скоростью камня, катящегося с горы и образующего лавину. Не о внешней канве, прочерченной резко без полутона, с неистовым выплеском эмоций.

Я об ином, что копилось подспудно, перемешивая добро и зло, правду и ложь, достоинство и тщеславие, здравый смысл и истеричность в адскую, взрывчатую смесь.

Валерий ГУРИНОВИЧ
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

В НОЧЬ НА 9-ое

В июльские дни, окрашенные вершинным солнечным светом, держите вы в руках номер журнала. Вглядитесь в фотографии — боль, горечь, недоумение отбросят враз память вашу в апрель, который ошеломил всех нас. Мы помним мелькающие на телезране лица, искалеченные гневом, болью и страхом. Людей, бегущих, скривившихся, прикрывающих головы. Людей в рубашках, легких кофточках и милиционерских мундирах. В солдатских гимнастерках и пиджакной паре...

Пластиковые щиты, топоры, саперные лопатки, ломы, дурины и ножи — чьи руки сжимали их?!

На площади, усыпанной цветами за несколько часов до этого, валялись женские сумочки, растерзанные книги, детская одежда и обувь... Бежали, теряя многое — и прежде всего уверенность в собственной защищенности.

Громада бронетранспортера и подетски недоумевающих, с остью взгляд из-под каски.

Рвущаяся, кричащая толпа и цепь безоружных милиционеров, прикрывающих собой детей и женщин.

Антисоветские, античеловечные выкрики экстремистов и спокойный, твердый голос Патриарха-католикоса Илии II...

Трагическая ночь, сменившаяся поминальными свечами — что принесла она грузинскому народу, всем нам?

Говорим: политика — искусство возможного. Так неужто невозможно было предугадать, предотвратить то, что произошло в центре Тбилиси? Копилось, зрело подспудно: за год — около 60 митингов и лишь 4 — санкционированных.

Не станем запальчиво обсуждать действия властей республики, армии, спецвойск МВД. Надеемся, что комиссия народных депутатов

СССР, сформированная на съезде, развернется досконально в тбилисской трагедии. Но пусть зарубкой лягут на сердце слова академика Д. С. Лихачева: в межнациональных отношениях следует соблюдать особый такт. Чувство такта, терпимости — вот что воистину нынче в дефиците! Митинговый ажиотаж кружит даже крепкие головы...

Спокоинство, вдумчивость, здравомыслие — без этого никак не обойтись в кипящее страсти время. И если действительно совесть есть стыд, обращенный вовнутрь, то сегодня она мучает каждого, кому небезразлична судьба перестроики, страны, грядущее детей наших.

Общеизвестно грузинское радущее и гостеприимство. Да и само название столицы республики — Тбилиси — переводится как «Теплый город». Но в ту ночь это был город розни, город с обожженными нервами.

В ту ночь главными действующими лицами были мужчины, но гибли и женщины... Матери...

На фотографии похороны невестки и золовки Самаргулиани, погибших перед Домом правительства. Тысячная процессия прощалась с ними... Сможем ли простить себе гибель тех, кто призван дарить жизнь, продолжать на этой земле род человеческий?

Склонились обнаженные головы над простыми, без розовой обивки гробами.

О чём вы думаете сейчас, люди?!

Якутск, Сумгаит, Степанакерт,

Баку, Ереван, Кишинев... Теперь вот — Тбилиси...

Стыдно — не быть Человеком!

ОТ РЕДАКЦИИ: Смена выражает искренние соболезнования семьям, родным и близким погибших в Тбилиси в трагическую ночь на 9 апреля...

Евгений ЧЕРНОСВИТОВ

Лимназистки румяные...

Сегодня я ушел с работы рано, около двух. Закрыл кабинет и ушел, никому ничего не сказав. Работать я не мог; порылся в ящиках стола, куда-то позвонил, кому-то ответил — вот и все.

Уже месяц пребываю в таком состоянии. Просто и банально: перевалило за сорок, детей нет, сделать ничего не удалось, и, наконец, промучившись со мной двадцать лет, ушла жена, ушла просто, без истерик: записка на отключеннном пустом холодильнике и — прощай навек.

Я был готов к этому, так как последние годы мы доживали свой брак по инерции. Я «гулял», домой приходил поздно, усталый и разбитый. Упреки со стороны жены давно кончились, мы почти не разговаривали. Ее было жалко: умная, красивая, «дородная славянка», как считали мои друзья. В доме всегда было чисто, много вкусной еды, но удивительно холодно и неуютно. Как это мы, два совершенно разных человека, могли прожить вместе двадцать лет? Не понимаю!

Я трезво оценивал себя и ситуацию, в которой оказалась. С чем же я у порога? Сорок с хвостиком и никаких болезней. Научных статей — на докторскую диссертацию; на полках издательств вот уже пять лет валяются две монографии; меня иногда цитируют, иногда пишут письма (один научный сотрудник из Хабаровска сравнил меня со степным волком, рыскающим по полям науки). Но я перестал верить в себя: кому нужны мои статьи и все усилия, связанные с их публикациями? Жизнь потратил на это!

В новую семью тоже не верю: для чего, собственно, ее создавать? Детей иметь поздно, одиночество я не боюсь, давно привык. Любовь? В нее, пожалуй, верить не перестал, но встретиться с ней мог бы только для одного — чтобы умереть вместе! Была же такая навязчивая идея у Клейста...

Родные — обойдутся без меня: все устроены и пристроены; друзья... ох, друзья... Без них я обойдусь.

Что же получается в итоге? Как видно, новая жизнь — не для меня!

Умереть? Нет, о самоубийстве я серьезно не думал. А если в запой? Я никогда не пил, к алкоголю был равнодушен — это не для меня... А может, попробовать? Может, в этом как раз и есть выход? Умирают же алкоголики от острой сердечно-сосудистой недостаточности, «ОСС», как говорят мои коллеги. А может, прибывает кто по пьяному делу...

Еще можно уехать на Чукотку пасти оленей или на Алтай собирать целебные травки. Можно старателем в Магаданский край или просто бичом... Эскализм — бегство от действительности, которая слишком разумна — вот реальный для меня план новой жизни!

Я запил, но пить в одиночку, закрывшись дома, не мог. Стал искать по Москве питейные заведения, которые после Указа сохранили былье традиции и перешли на нелегальное, так сказать, положение. Мест таких немало: прикроют одни, тут же возникают другие... Скоро я узнал все нужные адреса.

Побродив по городу до приятной тяжести в ногах, я нырнул в метро «Красные ворота» и поехал на «Преображенку». Там, как сказал мне один алкаш, есть ресторанчик в «духе лучших времен». Пароль — «Друзья ждут, я немного задержался».

Было многолюдно, но говорили мало, в основном пили. Свободный столик оказался в самой середине небольшого зала. Не отрываясь от меню, я заказал подошедшему официанту бутылку «Столичной», рыбное ассорти и вдруг услышал в ответ:

— Привет, Джези! По ком звонят колокола?

Я вздрогнул — так звали меня только ребята с нашего двора в Староконюшенном да мои одноклассники. Четверть века никто не обращался ко мне таким образом. Сердце скакало, повеяло запахами старого Арбата, подкатила волна смутных воспоминаний...

Я поднял голову — перед мной стоял холеный, совершенно седой, но моложавый и поджарый официант, не более. Я гляделся в его лицо и не узнавал.

— Это я, Димка... Неужели так изменился, Джези? А вот тебя я сразу узнал! Да... годы, годы... Но ничего, старина, живем!

Выпало это, он резко повернулся и исчез, но вскоре возвратился, неся поднос с множеством тарелок, двумя бутылками «Пшеничной» и бутылкой марочного шампанского в ведерке со льдом. Пристально глядя на меня и словно читая мои взбудораженные мысли, он ловко расставлял все на столике, приговаривая:

— Ничего, ничего, Джези. Сейчас разберемся, не мельтеши, старина, сейчас все будет о'кэй!

Быстро управлявшись, он исчез с пустым подносом и вернулся каким-то другим, все еще незнакомым, но уже не офицантом. Передо мной стоял интеллигентный мужчина с едва улавливаемым запахом тонкого французского одеколона и дорогих сигар.

— Такая встреча бывает раз в жизни... Сегодня я не работаю, я с тобой, — приговаривал он, продолжаяглядываться в меня. — Чую, по краю идешь, Джези... Сломалось, видно, что-то... Правильно, что к нам пришел. Видно, судьба нам в твой час встретиться!

Я вспомнил его. Жил он на Арбате, и мы учились в одном классе, но никогда не дружили, общих интересов у нас не было. Только один раз мы оказались вместе. Как-то зимой, в феврале, возвращался я ночью от девочки. На Гоголевском меня остановили четверо незнакомых парней и попросили закурить. Как всегда бывает при этом, завязалась драка. Я тогда уже имел первый юношеский разряд по боксу и сразу сбил двоих с ног. Вдруг ко мне подбежал какой-то парень, худой, щуплый и слабосильный, но нас стало двое. Это и был Димка. Дрались жестоко. Если бы не дворник, неизвестно, чем бы все закончилось. Парни разбежались, а мы с Димкой, хромая, поплелись домой. Вдруг он громко захохотал. Мне стало не по себе — уж не повредили ли ему голову? Я повернулся к нему — Димка протягивал мне широкую пижиковую шапку, которую снял с одного из парней во время драки. Да, таким он и был: в любых передрягах ему удавалось что-нибудь стащить для себя. Никто и никогда не был его даром. Димка закончил юридический факультет МГУ, но, не проработав и дня по специальности, пошел в офицанты. Служил в «Праге», «Берлине», «Арагви», оказался здесь, в этом тихом ресторанчике — другие времена, следует переждать. Он гордится своей принадлежностью к «высшей касте», очень могущественной и бессмертной, относящейся к «сфере распределения продуктов потребления»: «Мы и сейчас любую дверь отворяем ногами, и так будет всегда!»

Не знаю, что со мной случилось, видимо, «Пшеничая» виновата, но я вдруг размяк и стал, как последняя истерика, плакаться Димке в жилетку: жизнь не сложилась, жена ушла, никому не нужный и ни на что не способный неудачник, пью, вот, вместо того, чтобы головой с Крымского, и т. п.

Он слушал, обняв меня за плечи, и приговаривал:

— Ничего, ничего, разберемся... Все будет о'кэй, Джези!

— Решено! Уеду на Север или на Алтай...

— Стоп, — прервал мое хныканье Димка. — Алтай... да, Алтай... Зачем уезжать? Слушай, родной, у меня как раз гостит племянница из Барнаула. Приехала Москву позидать... Уговариваю поступать в 1-й мед — там наши парни уже кафедрами заведуют... В ней столько силы, свежести, бодрости! Столько крепкого алтайского оптимизма! У меня идея, роднула: вам нужно поговорить!

Я плохо понимал, что он говорит: при чем здесь его племянница, и что она делает в Москве?

— Хватит, — сказал Димка, поправляя на мне галстук. — Ты сейчас же едешь домой, на тачку я тебя посаджу... Вот мой телефон. Женя ее зовут, слышишь? Я все ей расскажу, она умница... Будет ждать твоего звонка... Какое поколение, Джези! Они в свои восемнадцать сильнее духом и мудрее нас, сорокалетних... Ну, а душевность — сибирская...

Я встал и хотел достать из кармана бумажник, но меня повело в сторону, закружилась голова.

— О, да ты, брат, хороший! Ничего, ребята свои, доведут, а я еще поработаю...

Удивительно, как прямо на глазах Димка начал опять превращаться в официанта.

Я попытался вынуть две двадцатипятирублевые, в бумажнике оставалось еще рублей пятьдесят.

— Не сори бабками, — заворчал Димка, потом, вроде бы подумав, добавил: — Впрочем, я их у тебя заберу, не то потеряешь в дороге. Завтра при встрече получишь все в целости и сохранности. Да и повод будет повидаться, а то опять лет на двадцать исчезнешь.

Я не возражал, полностью подчиняясь Димке, такому спокойному и рассудительному.

Домой я вернулся около десяти. Таксист, симпатичный и веселый парень, буквально на руках донес меня

до квартиры и ушел только тогда, когда я, перевалившись через порог, захлопнул дверь. Пустота, тишина и темнота встретили меня угрожающе. Я был пьян и одинок. В голове хаос из обрывков Димкиных фраз и собственных мыслей: Сибирь... бичевать... они в восемнадцать мудрее... столько энергии, оптимизма, бодрости... Женя ее зовут, она будет ждать твоего звонка... вам нужно поговорить... не нужен никому и ни на что не способен... головой с Крымского моста...

Не помню, как прошел в спальню и лег, не раздеваясь, в давно уже незаправляемую постель. Отключился... Очнулся около одиннадцати. О, как все мерзко! Как сонамбула полез в карман, вынул Димкину записку с телефоном и стал набирать номер...

— Алло-о, я слушаю, — зазвенел в трубке чистый девичий голос.

Я молчал, что я мог сказать этой девочке?

Но Женя, словно почувствовав мое настроение, настойчиво потребовала:

— Да не молчите же, говорите!

— Это Джези... (чуть какая-то, подумал я, назвав себя этим давно уже забытым именем), приятель Дмитрия, вашего дяди...

— Джези! Я уже целый час жду вашего звонка! Дядя сказал: «Сиди и жди, он обязательно позвонит!»

Слушая этот милый голос, я представил себе девушку, стройную, синеглазую, с пышными русыми волосами и таким ясным лицом, какое бывает только в молодости. В моей квартире сразу посветлевло.

— Джези, приезжайте ко мне прямо сейчас. Я вас жду. Вам ведь плохо одному в пустой квартире. И дядя Дима скоро вернется. Или нет, оставайтесь дома... Вы же много выпили... Я сама приеду — скажите адрес.

Я машинально продиктовал адрес, повторил его несколько раз, мысленно представив Женя, стоящую на пороге моей квартиры. В трубке раздались короткие гудки, я осторожно положил ее и начал быстро ходить по квартире. Прибираться не было смысла: что можно сделать за полчаса в запущенной квартире, не убираемой больше месяца; на кухне — грязь, в холодильнике — пусто. Единственное, на что я был способен, это привести в порядок себя...

Напряжение было такое, что, казалось, не выдержу и заору во все горло...

Вот он, звон дверных колоколов (электрические звонки считаю пошлостью), — Женя!

Рванулся к двери... На пороге стояла стройная девушка с большими синими глазами и пышными русыми волосами. Лицо свежее и ясное, будто умытое родниковой водой, и вся она — как раннее весеннее утро... Другой быть и не могла!

Женя сразу повела меня на кухню и начала вынимать из тяжелой хозяйственной сумки пакеты и свертки с продуктами. Ожила моя кухонька! Зашипела сковорода, забулькали кастрюли... Женя увлеченно рассказывала об Алтае, Шукшине, Сростках, Катуни; выскребывала от грязи стол, скамьи, полки, пол. Убираясь и готовила она так быстро и ловко, как не умела даже моя жена, гордившаяся своей домовитостью.

И вот — четверг, начало второго, мы сидим в сверкающей чистотой кухне, ужинаем и молчим. После ужина идем в большую комнату, садимся на диван, и Женя гладит мои руки своими теплыми и нежными ладонями, приговаривая при этом:

— Все будет хорошо, Джези, все будет ладно...

К горлу подкатил комок, и я почувствовал сильный прилив нежности к Жене... Она, уловив мое состояние, чуть придвигнулась, осторожно положила руку на мое плечо, подняла глаза и сказала:

— Джези, какие бы ни были тучи, за ними всегда голубое небо... Что ближе вам из природы?.. Наверное, ваш символ — ветер?..

Я испытал удивление и радость: как точно и верно.

— Ты права, Женя, больше всего я люблю ветер, сильный, порывистый...

Она погладила мою руку и, словно испугавшись чего-то, прижалась ко мне.

— А мой символ — дождь... Сильный ветер и дождь — стихия... многое могут натворить... И все направляет ветер!

О, какой прилив сил я вдруг почувствовал! В голове зазвучали любимые строки Бунина: «И ходят дождевые облака, и свежим ветром в сером поле дует, и сердце в тайной радости ликует, что жизнь, как степь, пуста и широка». Я начал читать их вслух. Женя звонко рассмеялась и восхликала:

— Как радостно жить, Джези! Затем соскочила с дивана, закружила и позвала:

— Идите ко мне... Нет, сегодня полы мыть не будем! Женя нырнула в спальню, потянув меня за собой. Увидев грязную разобранную постель, надула щеки.

— Где хранится белье для брачной ночи?

Я ошалело смотрел на нее и улыбался... Да, это так естественно — наша брачная ночь... Женя! Что было ближе и роднее?! «Родная», «моя», «близкая» — нет, это не то, это не то! Неполно! Неточно!..

Я проснулся, когда яркое солнце было в окне: Женькина голова лежала на моем плече, волосы покрыли подушку, она крепко и по-детски спала. Я не выдернул, наклонился и поцеловал ее губы. Она тут же открыла глаза, улыбнулась и сказала:

— Привет, Джези!

До пяти часов мы занимались обычными семейными делами: Женя мыла и чистила квартиру, готовила еду, я приводил в порядок свои бумаги, звонил по телефону, договаривался о деловых встречах на пятницу. Оказалось, что ничего не упущенено, просто было отложено на время... Завтра узнаю, на каком этапе мои рукописи в издательствах, вышли ли в редакции мои статьи; съезжу в оргкомитет конгресса, который состоится в Москве через месяц и участником которого будет доктор Смит из Лондона, приглашивший меня прочитать цикл лекций в Оксфорде. Так, так... Север, Алтай, Крымский мост... И придет же такое в голову?! Жизнь продолжается! Вот она, здесь, в образе моей дорогой Женьки! Все неприятное и мерзкое исчезло бесследно. Да и было ли?

Мы с Женей решили: завтра подаю на развод, она переезжает ко мне, будет поступать в медицинский. Димка меня поймет, он оказался настоящим другом. Я был по-настоящему счастлив, впервые за последнее время в душе моей царили покой и умиротворение...

Женя ушла от меня около одиннадцати, я остался дома готовиться к завтрашнему дню: необходимо было сделать очень многое. А после пяти, когда управляюсь со всеми делами, заседу за ней. Она к этому времени все расскажет Димке и позвонит в Барнаул родителям. Да, адрес... Она будет ждать меня на Гоголевском бульваре, так как на машине сложно заехать к ним во двор. Так и договорились.

Наконец наступила пятница, самый счастливый, самый важный день в моей жизни. Я уладил все дела почти молниеносно. Собственно, проблем, как оказалось, не было никаких: одна рукопись в наборе, другая — в работе у редактора. Смит действительно приезжал и уже интересовался по телефону, буду ли я участвовать в конгрессе. Вот только жену не разыскал — уехала отдохнуть в Ялту.

...Без четверти пять я звонил Жене с Кропоткинской, такси стояло рядом. Длинные гудки — никто не подходил к телефону. Я перезванивал из разных автоматов: трубку не брали. Меня начала охватывать смутная тревога: что-то случилось! Как быть? Я не мог к ней поехать, так как не знал адреса! В полнейшей растерянности сел в машину, тупо уставясь на водителя.

— Куда едем, друг? — донеслось до меня.

— На Преображенку! — прохрипел я в ответ, чувствуя, что начинаю сходить с ума. Женя, моя Женя! Где ты? Что с тобой? Неужели только приснилась мне?! Слышишь, где ты?!

Ресторан был закрыт на «санитарный час». Я заколотил в дверь. Выскочил злой швейцар и ответил мне, что Димка сегодня не работает, адреса его не знал никто. Что же делать? Я начисто забыл Димкину фамилию!

Помчались на Арбат, но по дороге спохватился — вдруг Женя будет звонить домой.

Дома было душно: топили, а я забыл открыть форточки.

Я звонил Жене шесть часов подряд: телефон продолжал упорно молчать. Звонил до полуночи, выдерживая лишь небольшие паузы — вдруг Женя пробивается? Звонков не было, кроме одного из редакции: спрашивали, куда перечислить гонорар за опубликованную статью. К черту гонорар! Где Женя?!

Я не помню, как провел ночь, как наступило субботнее утро... Лишь десять минут первого трубку подняли. Я услышал хриплый Димкин голос: он был изрядно пьян.

— Где Женя? — замер я в ожидании ответа.

— А, это ты, Джези! Ну, родной, как дела? Все уладилось? Слыши, слыши... — кашлял в трубку Дима, хотя я не сказал больше ни слова.

— Где Женя? Мы договорились на пять часов... Я не могу до вас дозвониться, где она?

Трубка замолчала на какое-то время, было слышно лишь тяжелое Димкино дыхание. Затем я услышал:

— Женя? Зачем она тебе, родной?.. Ты что, старик, шуток не понимаешь? Пошутила она... Ты что, первый год живешь на этом свете?..

— Где Женя? — кричал я. — Дай ей трубку!

— Женя? Наверно, у себя дома... — В голосе Димки зазвучала явная досада.

— Как дома? Разве она не у тебя живет? Ты же мне говорил... постой... — Я совсем растерялся.

— У меня она бывает редко... Она мне не по карману...

— Что ты говоришь? Я тебя не пойму!

— Что тут понимать!.. Слушай, Джези, я обманул тебя — она мне вовсе не племянница. И никогда не была на Алтае: всю жизнь проживает здесь, в моем районе...

Я слушал, затаив дыхание, а Димкин голос с раздражением и досадой продолжал:

— Она учится в Плехановском... Ну, и работает, хм... Проститутка она, девочка по вызову... профессионалка, высшая категория, если не считать валютных девок...

Мне показалось, что все померкло вокруг и я умер.

— Твой бумажник она взяла. У тебя там стольник был — как раз ее гонорар за сутки... Она ведь у тебя сутки была, верно? Но разве это деньги по сравнению с тем, что она из тебя сделала! Сейчас ты не бросишься с Крымского, калли в рот не возьмешь... И если поедешь — то не в Анадырь оленей пасти, а в Лондон читать свои лекции. Так что, брат, дыши тише...

Смысл Димкиных слов не доходил до меня. Я продолжал механически повторять:

— Где Женя? Дай трубку Жене! Позови Женю...

В ответ раздавались лишь частые гудки...

Была суббота...

Дежурный психотерапевт из службы «Доверие» явно запаздывал. В одной московской квартире далеко за полночь звучал магнитофонный голос Зои Павловой: «Москва золотоглавая, звон колоколов» и припев: «Гимназистки румяные...» Крутилась лента.

А человек ушел...

Борис КУРКИН,
кандидат
юридических наук

Известный всему миру чеховский злоумышленник Денис Григорьев не имел столь глубоких знаний в области науки и техники, каковые получили многие его духовные наследники.

Можно ли сопоставить «воззрения» чеховского персонажа с воззрениями ряда наших ведущих медиков, анализирующих последствия Чернобыльской катастрофы? Полагаю, можно: сознанию некоторых медработников присуща глубокая убежденность в том, что ежели отвинчивать с железнодорожного полотна не все гайки, то есть продолжать строить новые АЭС, все-мерно повышая их «безопасность», то ничего страшного не произойдет.

Сравним. Д. Григорьев: «Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил Господь... Ежели бы я рельсу унес или, положим, бревно поперек ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу!»

Ю. Григорьев, профессор, секретарь секции Совета по радиобиологии АН СССР: «Опыты на животных показывали, что они «справлялись с заведомо смертельными дозами облучения, а восстановление организма человека идет очень активно» («Неделя» № 35, 1986).

Развивая мысль Ю. Григорьева, Д. Григорьев мог бы сказать и так: «Вот ежели б ядерная война началась, ну, тогда да... а то... с реактору крышу сорвало, тьфу!»

Впрочем, у меня нет твердой уверенности, что технически неграмотный Денис Григорьев отнесся бы к чернобыльской трагедии так же, как его духовные потомки-медики, если бы кто-нибудь до ходу объяснил ему, что означает на деле «расплав активной зоны» реактора. Ю. Григорьев это, без сомнения, сознал или обязан был сознавать в силу своего служебного положения и образования.

Маленько отступление. В Бразилии на мусорной свалке кувалдой была разбита ампула со 100 граммами цезия-137. В результате четыре человека погибли, шесть (на 24.11.1987) находились в особенно тяжелом состоянии вследствие радиоактивного заражения. («Правда», 24.11.1987).

Всего около 100 г цезия-137, но в городке, где произошла трагедия, «слой почвы снимают местами на глубину до 70 см», а собранный в результате мер по дезактивации местности мусор составит минимум 200 (!— Б. К.) тонн. В госпитале, где находились пострадавшие, «накопилось уже 945 кг радиоактивных отходов». Это естественные отравления пациентов, а также их одежда, обувь, шприцы, посуда и т. п. («Правда», 11.01.1988).

Сопоставим 100 г цезия-137 и в итоге 200 т радиоактивного мусора. Четверо погибших. Интересно, а сколько цезия, стронция, плутония и т. п. в действительности выбросил злосчастный чернобыльский реактор?

Суммарный выброс радиоактивных отходов в Чернобыле составил, по официальным данным, приблизительно 63 кг (при этом указанные данные расчленены на 6 мая 1986 года, хотя реактор продолжал «гореть», хотя и с меньшей силой, до 10 мая). И даже если, как

отмечал председатель Госкомгидромета СССР Ю. Изразиль, начальное загрязнение окружающей среды долгоживущими изотопами может быть не столь велико, «оно будет представлять грозную опасность, поскольку возникнет возможность проникновения радиоактивных изотопов в растения, продукты питания, что нанесет огромный ущерб и приведет к серьезным экологическим последствиям».

Что же говорят о Чернобыле и ядерной энергетике наши медики? Перелистаем прессу...

Слово вице-президенту АМН СССР Л. Ильину. Он, «как ученый и врач», утверждает: после чернобыльской катастрофы «сколько-нибудь значительного увеличения количества больных раком не предвидится, так как оно намного ниже предела колебания естественной частоты онкологических заболеваний». Что же касается генетических эффектов радиации, то их уровень «еще примерно в несколько раз меньше возможного уровня развития злокачественных опухолей, то есть вероятность их появления ничтожна» («Чернобыль: прогноз медиков» — «Известия», 18.09.1986).

Таково мнение и министра здравоохранения УССР А. Романенко, поведавшего читателям той же газеты, что «даже более 1000 бэр (бэр — биологический эквивалент рентгена.— Б. К.), полученных женщиной на протяжении нескольких лет, никак не отразились на родившихся у нее детях». Но если говорить об отдельных фактах, то науке известны и другие случаи, например, когда люди заболевали лейкемией, получив дозу общего облучения в 10 рентген.

«Чернобыльский опыт,— писал в сентябре 1986 года т. Ильин,— основательно проанализирован, и мы надеемся, что это может возвратить доверие к мирному атому: без развития атомной энергетики человечеству не обойтись». Как опыт Чернобыля мог быть основательно проанализирован всего за четыре месяца?! Любому студенту ясно, что для выяснения всех последствий катастрофы понадобятся десятилетия...

Весьма оптимистичны были и выводы, сделанные некоторыми участниками научной конференции «Медицинские аспекты аварии на Чернобыльской АЭС», состоявшейся в мае 1988 года в Киеве. В ее работе приняло участие около 150 ведущих советских ученых и специалистов.

Судя по выступлениям т. Ильина и Романенко, основную опасность для населения представляет не радиация, а... слухи, порождаемые некомпетентностью населения.

Риск онкологических заболеваний и отрицательных генетических последствий «незначителен и практически ни у какой категории населения реально не проявится», — говорит Л. Ильину профессор В. Княжников, зав. лабораторией Института биофизики, член Национальной комиссии по радиобиологии СССР.

Интересно, не пошла ли чернобыльская катастрофа на пользу здоровью наших людей? Впрочем, как говорил Денис Григорьев, «на то вы и образованные, чтобы понимать, милостивы мы наше. Господь знает, кому понятие давал...»

Конечно, ежели в медицинском плане после Чернобыля все в порядке, то, очевидно, не произойдет ничего страшного и в том случае, если вдруг «ранет» или «потечет» очередной реактор — тем более что позитивный опыт ликвидации последствий катастрофы уже накоплен. Так что можно строить АЭС и дальше. Медики дают свое «добро».

Несколько диссонирует с лучезарно-

благостной картиной, обрисованной медработниками, высказывание академика АН СССР Н. М. Амосова в «Литературной газете»: «Страшен малейший подъем радиации, даже если его уровень останется безопасным».

С тревогой восприняли мы и интервью доктора Р. Гейла, показанное по советскому телевидению. Р. Гейл заявил, в частности, что в течение нескольких десятилетий от рака, вызванного аварийным выбросом, умрет от 5 до 75 тысяч человек, а обстановка в пораженной зоне будет нормализоваться 300 лет — 10 периодов полураствора цезия-137 (при этом надо учитывать, что «зона» не изолирована от нас и «вступает в контакт» с менее загаженными участками земли и воды).

Отповедь Гейлу прозвучала в упомянутой уже статье т. Княжникова, в которой доказывалось, что процесс нормализации пойдет быстрее предполагаемого, так как цезий будет фиксироваться частичками почвы, включаясь «в соединения, недоступные для усвоения корневой системы растений». Кроме того, оказывается, «не нужно опасаться стронция-90. Его выпало значительно меньше, чем цезия», хотя сколько выпало того и другого отчего-то не сообщается. Неясно также, как быть с плутонием и иными радиоактивными элементами.

Что ж, допустим, процесс нормализации радиационной обстановки «в зоне» будет происходить вдвое быстрее расчетного, но и тогда получается, что эвакуированные смогут вернуться домой всего лишь через 150 лет. Что ж, есть смысл подождать. Впрочем, даже если цезий и стронций не усваиваются корневой системой растений, то все равно они вкупе с 448 радионуклидами будут создавать ощущимый радиационный фон.

Любопытно все же, отчего вице-президент Академии медицинских наук СССР Л. Ильин и другие медики, чья основная забота, по идеи, состоит в охране здоровья соотечественников, так настойчиво защищают интересы наших «чернобыльских ведомств» и, кажется, более всего озабочены тем, чтобы «вернуть ядерной энергетике прежний престиж»?

Между прочим, единственным «аргументом» в пользу строительства новых АЭС как раз и становится неприятный тезис ряда советских медиков о том, что «ничего страшного» в Чернобыле, в сущности, не произошло и, следовательно, не произойдет и в случае нового Чернобыля. Без этого пропагандировать мирный атом стало бы просто невозможно. Примечательный факт: «Только медик в правительственный комиссии не подписал заключение о хотя бы запоздалом выселении Припяти, требовал дождаться, когда ветер повернет на город и наберется столько бэр, сколько предусмотрено в инструкции» (Алесь Адамович).

Конечно, существуют и другие мнения. Здесь надо сказать о позиции Дмитрия Михайловича Гродзинского — заведующего лабораторией радиобиологии Института ботаники АН УССР, члена-корреспондента АН УССР. Он не устает повторять, что специалисты еще очень мало знакомы с принципами устройства радиационной защиты организма, а посему большая часть радиобиологов склоняется к тому, что даже самая малая доза облучения вредна. Поэтому, думая о здоровье населения, надо подходить к оценке экологических последствий Чернобыля с очень жестких позиций.

«Первое время после аварии,— отмечает Д. М. Гродзинский,— некоторые неквалифицированные медики даже распускали слухи о том, что небольшие дозы облучения чуть ли не полезны для

организма (нашли ведь и такие!), что к малым дозам можно привыкнуть. Это совершенно неверно. Если и говорить о каком-то привыкании, то это процесс, требующий очень длительного времени, целого эволюционного периода. И в конечном итоге радиация все равно наносит ущерб популяции. Радиация и реакции на нее живых организмов — уравнение со многими неизвестными. И сейчас было бы ошибочно полагать, что наука сможет решить это уравнение через месяц или через год.

Кроме того, как подчеркивает Д. М. Гродзинский, сложность определения ущерба здоровью людей усугубляется тем, что авария в Чернобыле носила уникальный характер: вследствие высокой температуры, при которой произошел взрыв реактора, физико-химическое состояние выброшенных радионуклидов — йода, стронция, цезия, плутония (последний обладает страшной химической активностью и потому особенно опасен) и т. д. — числом около 450 — оказалось весьма необычным. Фактически образовались частицы с новыми, не изведанными доселе свойствами: они плохо растворялись в воде, не могли поглотить их и растения, и потому довольно долго частицы удерживались на поверхности листьев. Все это создало специфические, ранее не встречавшиеся типы загрязнения. Следует также иметь в виду, что радиация бывает «разной вредности». Одна поражает мембранны клеток, другая — энергетический аппарат, третья, самая опасная — ядро. «Чернобыльская» радиация, увы, принадлежит к числу последней.

При расчете последствий аварии крайне важно (если вообще можно говорить о каком-то строгом расчете) определить величину коллективной дозы облучения, которую вобрала в себя популяция, то есть все те, кто так или иначе — непосредственно или опосредованно — соприкасался с «зональной».

Для Чернобыля эти дозы выражаются в миллионах человеко-дней, что дает уже некоторое весьма нерадостное представление об отдаленных последствиях катастрофы. Вследствие уникальности чернобыльской аварии очень сложно определить коэффициент риска — степень вероятности возникновения различных заболеваний. Нынешние коэффициенты, отмечает Д. М. Гродзинский, рассчитывались давно — для Хиросимы и Нагасаки, для лиц, подвергшихся рентгенотерапии, для семей рентгенологов, а посему, говорит учений, в радиологии для получения коэффициентов риска использовалась весьма специфический контингент. Кроме того, в последнее время проводится реальная дозиметрическая характеристика взрывов в Хиросиме и Нагасаки. Для Чернобыля же подобного коэффициента риска попросту не существует. Не будем также забывать, что радиация поражает иммунную систему, вследствие чего развиваются «обычные» заболевания, приводящие и к смертельному исходу.

Если Минздравы ССР и УССР хотят быть объективными в оценках Чернобыля, они должны издавать периодический бюллетень для общественности, а не делать, подобно т. Ильину, ответственные заявления относительно того, что «никакой опасности в будущем от радиации не предвидится» — ни в генетическом, ни в онкологическом плане, о чем он говорит в своих выступлениях в прессе.

И вообще создается впечатление, что в ходе биологической эволюции и политической революции у нас в стране народился новый антропологический тип: «человек советский», которому никакая радиация не страшна.

Впрочем, у руководителей нашей медицины есть свой частный интерес в том, чтобы насколько возможно благообразить картину разыгравшейся трагедии. Сам министр здравоохранения ССР Е. Чазов во всеуслышание заявил в «Правде», что в эпоху перестройки советской медицины будут в целях экономии инвалиды уменьшены закупки зарубежных лекарственных препаратов (нефть дешевеет!). В то же время советская фармацевтическая промышленность обеспечивает население лекарственными препаратами «не полностью», где-то на 70 процентов (в лучшем случае).

А что сказало по поводу Чернобыля МАГАТЭ?

8 мая 1986 года Генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс и директор отдела ядерной безопасности агентства М. Розен, облачившись в защитные костюмы, захваченные из Вены, облетели на вертолете Чернобыль, а также территорию станции и с высоты 800 метров осмотрели поврежденный четвертый блок АЭС.

«В весьма откровенных беседах», — сказал 9 мая на пресс-конференции в МИД ССР Х. Бликс, — в результате визуальных наблюдений на месте происшествия нам удалось получить достаточно полное, хотя и предварительное представление об аварии и ее последствиях».

«Ситуация», — сказал г-н Бликс, — нормализуется, а радиоактивные изотопы, «выброшенные в результате аварии, живут непродолжительное время. А это значит, что в будущем на близлежащих полях возобновится работа, а поселок АЭС будет безопасен для проживания». (Напомним, что в эти дни еще не было ясно, проплатит ли «кориум» днище реактора. Иными словами, заразил ли он воды и почву, и будет ли «вселенская» катастрофа или нет.)

В тот же день представители МАГАТЭ отбыли к себе в Вену, где их обстоятельно проинтервьюировали корреспонденты «Шпигеля».

Вот некоторые выдержки из интервью Х. Бликса и М. Розена.

«Шпигель». Сложилось ли у вас впечатление, что люди были информированы о несчастье?

Бликс. По всей видимости, в Киеве они были информированы в достаточной степени.

«Шпигель». И по вопросам размера аварии и величины радиоактивного излучения тоже?

Бликс. Ну, с людьми на улицах я не говорил.

«Шпигель». А почему нет?

Бликс. Нас взяли с собой на двухчасовую поездку в зону реактора.

Розен. И потом мы не говорим по-русски, что затруднило бы дело.

«Шпигель». Насколько высока была интенсивность радиоактивного излучения — 400 или даже 1000 рентген?

Розен. Об этом мы не спрашивали.

«Шпигель». Почему?

Розен. Мы приехали туда не для того, чтобы устанавливать, какую дозу облучения получили люди.

«Шпигель». Трудно понять, почему вы не задали этот вопрос, это же важно для того, чтобы установить, велика ли опасность для соседних стран.

Розен. Доза, полученная населением соседних стран, не будет иметь для него сколь-нибудь значимых последствий.

Бликс. Разумеется, очень важно знать, каковы размеры радиоактивных осадков на Украине и какой дозе облучения подверглись там люди. Но все это никоим образом не отразится на тех, кто живет в Швеции или Финляндии.

«Шпигель». Известна ли вам величина радиоактивного заражения в окре-

стностях АЭС и на Украине в целом?

Бликс. Русские уверены, что они в состоянии дезактивировать местность. Она будет пригодна и для сельскохозяйственных работ.

«Шпигель». И сколько времени понадобится для этого?

Бликс. Мы не говорили ни об этом, ни о том, когда эти работы начнутся, ни о том, сколько они будут продолжаться.

«Шпигель». За месяц до несчастья была опубликована статья Л. Ковалевской, человека явно свидетельствующей картина строительства: брак, спешка, использование негодного стройматериала. Вы не читали эту статью до аварии?

Бликс. Нет, не читал.

Розен. Мне известны некоторые комментарии к этой статье. На строительстве американских АЭС царила такая же картина.

«Шпигель». И эти сообщения вас не волновали?

Розен. Взволновали? С какой стати?

«Шпигель». Поскольку это представляет угрозу людям и окружающей среде...

Розен. Я интересуюсь сообщениями обо всех реакторах, делаю соответствующую подборку материалов для возможного использования их в будущем.

В конце интервью г-н Розен поведал читателям о том, что в МАГАТЭ хранятся 60 томов норм безопасности на АЭС.

«Шпигель». Итак, у вас есть соответствующие нормы, но никто их не придерживается. Следовало бы изменить такое положение вещей.

Бликс. Если правительства этого захотят, и притом все без исключения, то тогда это станет возможным».

В общем, родное «не был, не состоял, не участвовал», так сказать, «в мировом масштабе».

Конечно, трудно ждать объективности в оценках Чернобыльской трагедии от МАГАТЭ — организации, кровно заинтересованной в развитии ядерной энергетики. Кстати, это не только мое мнение, но и академика А. Д. Сахарова.

Второй раз комиссия МАГАТЭ в том же составе посетила ССР в январе 1987 года. В очередной раз выразив удовлетворение от проделанной на АЭС работы, М. Розен заявил на пресс-конференции, что третья очередь станции «может быть пущена после завершения дезактивационных работ во второй половине 1987 года».

Розен также сказал: «Выбросы радиоактивности составляют близ саркофага всего три миллиарда в день, что в 10 раз меньше уровня, образуемого в результате нормальной эксплуатации АЭС».

В общем, убеждение, будто ничего, в сущности, не случилось, крепко. Ох, как это было важно тем, кто несет ответственность за чернобыльскую катастрофу.

Но вот заговорил «Колокол Чернобыля». Хотя нельзя сказать, чтобы очень уж громко и заговорил; было сделано все, чтобы звон этого колокола приглушить, и тем не менее...

...На экране — женщина, пробирающаяся тайком в зону кормить кур. Двое мужчин удалят рыбу в тихой речке, средь благодатной, хотя и зараженной, природы: зона. Сетуют переселенцы: пора возвращаться по домам, ведь ничего не видно, ничего не чувствуется.

«За такими немудрящими сценками, — пишет кинокритик В. Кисунько, — открывается, не побоюсь сказать, первобытность (! — Б. К.) нашего сознания перед лицом принципиально новой ситуации, в которой человечество оказалось в ядерный век». «Мужики и бабы» внедряют в наше сознание мысль о том,

что «обстановка нормализуется», а кое-где уже и «нормализовалась»!

Кстати, о рыбке. После Чернобыля в отдельные дни радиационный фон в воде Киевского водохранилища увеличился в сто раз! Однако Минводхоз, Минздрав и Госкомгидромет резко повысили допустимые нормы концентрации радионуклидов (ПДК) в воде и, опираясь на них, заявили, что «все в норме».

А как объясняют компетентные органы тот уму непостижимый факт, что для питьевых нужд используется вода Киевского моря, ставшего кладбищем радиоактивных отходов, а для технических нужд — вода из артезианских колодцев? Да никак. Молчат. Молчат они и о радиационной обстановке вокруг АЭС, объявив секретной всякую и всяческую информацию на сей счет.

Однако ни для никого не секрет, что обстановка эта, мягко выражаясь, крайне неблагоприятная. Так, исследования показали, что в придонных отложениях водоемов и в подземных водоносных пластах вокруг Белоярской АЭС концентрация цезия-137, крайне опасного для всего живого нуклида, превышает норму в сотни раз.

Думая же о рыбаках из фильма «Колокол Чернобыля», невольно вспоминаешь щедринские строки: «Никто не станет отрицать, что эта картина не лестная, но и оно она не может быть, потому что материалом для нее служит человек, которому с изумительным постоянством долбят голову и который, разумеется, не может прийти к другому результату, кроме «ошеломления». Вот на экране и отразился итог этих «ошеломлений»!

И все же особенно непристойна во всей этой истории позиция медиков. Они-то и есть « злоумышленники» в чистом виде, отвивающие гайки, но не все, а через одну. Именно они утверждают, что запас прочности у человеческого организма настолько велик, что пережить еще пару-тройку Чернобылей не составит ему особого труда.

Как отмечал в своем выступлении на пленуме правления Союза писателей ССР Ю. Щербак, «ответственность за глушение всех данных о медицинских последствиях Чернобыля падает также и на вице-президента АМН ССР Л. Ильина».

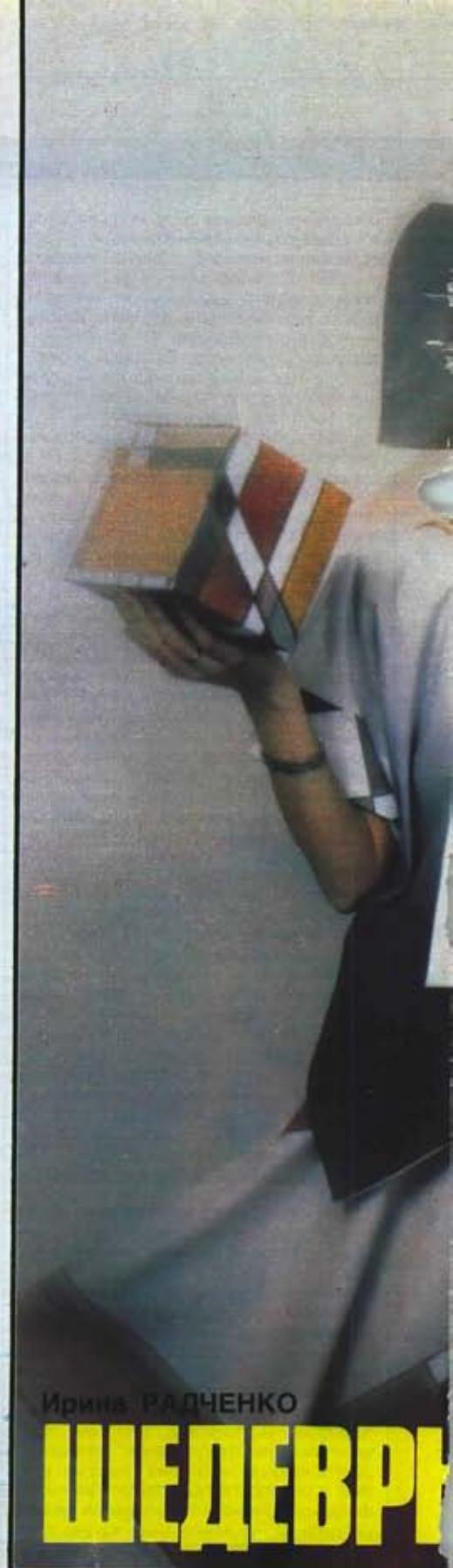
А вот и еще один фильм, не допускаемый синклитом чернобыльских ведомств до кинопроката, — «Микрофон». Фильм о том, что происходит в доброй сотне километров от «зоны» — в Житомирской области: рождаются безглазые поросыта, трехногие коровы, в лесах заводится какая-то нечисть... Вот и по-пробуй донести до народа правду в таких условиях! А потом найдется еще какой-нибудь перестройщик-критик, который попрекнет кинодокументалистов в отсутствии гражданского мужества...

Вот и письмо семьи Худяковых из Воронежской области в «Советскую Россию»: «Всей семьей читали статью «Объявлена тревога»... газета на многое раскрыла глаза: надо быть каждый день готовым к защите себя от последствий аварий на атомных электростанциях, разных химических объектах, уранов, наводнений. Очень плохо, что мы пока не готовы к этому, хотя у всех свежи в памяти уроки Чернобыля».

Диагноз абсолютно точен. Так чье же сознание «первобытно»? Очевидно, сознание тех, кто сознательно вслед за т. Петросянцем, Израэлем, Ильиным, Романенко и прочими, по выражению Щедрина, «распространяет тьму, а не свет», сознательно вводит в заблуждение общественность. Это при Александре III Миртоворце «сарказмы» Михаила Евграфовича воспринимались как неумеренная гипербола. Нынче же — в качестве точного патологоанатомического диагноза.

—Фото Татьяны КРЫЛОВОЙ

Ирина РАДЧЕНКО

ШЕДЕВРЫ

ыставки и показы работ московских модельеров — членов Союза художников и его молодежной секции — никого не оставляют равнодушными.

— Удивительно красиво!

Хочется самой сделать такие вещи. — Вот мнение большинства женщин, особенно молодых, которых не смущает острота и экстравагантность моделей.

— Какое богатство цвета, какая интересная пластика, — отмечает искушенный в изобразительном искусстве зритель.

— Но разве это можно носить? — обязательно спросит кто-то из пришедших на выставку с чисто утилитарной целью — «снять фасончик».

Что же такое художественный костюм, входящий в экспозиции почти всех последних московских выставок? Созданный в русле моды, но вне ее капризов, костюм этот — прежде всего произведение искусства. Вглядитесь в модели: в ансамблях Тамары Санчес живописные композиции созданы из цветных... лоскутков ситца. Сшивая квадратики или полоски ткани, художница буквально «рисует» ими. Черно-белые модели Ирины Алмасян подчеркнуто графичны: на белое шелковое платье-трапецию надет черный жилет-прямоугольник, затем большой полукруглый белый воротник, а скрепляется эта конструкция черными пуговицами и белым поясом. Татьяна Шихирева и Ирина Кузнецова применяют традиционный для стран Востока способ пошива одежды из тканей, расписанных в технике батика. Их произведения — это своеобразные платья-картины.

Художники владеют многими секретами преображения тканей. Они работают с простыми и доступными материалами: ситином, саржей, льном, хлопком, мешковиной, атласом. В ход идут лоскутки и обрезки, распоротые старые, отжившие свой век вещи. Прекрасным сырьем для украшений оказываются лесные орхи, косточки абрикосов и черешни. Обтянутые тканью и нанизанные на нитку, они превращаются в текстильные бусы. Вряд ли кто-то догадается, что блестящие украшениявязаного костюма Санчес «Русал-

ка» — это блесны, купленные в магазине «Рыболов». Татьяна Смирнова шьет нарядные стеганые вещи из однотонных подкладочных сатинов, а Валентина Куприна необычайно широко использует плетенку, применявшуюся еще в плетении берестяных коробов. Не только детали одежды, но и сумочки, пояса, шляпки сплетены из полосок ткани.

Фантазия художников неисчерпаема. Думается, их технологические находки заинтересуют многих, ведь движение «сделай-сшей-связи сам» у нас довольно популярно. Поднятое западной молодежью как протест против чрезмерной расчетливости и практичности, у нас оно вызывалось скорее неустроенным бытом, заставившим женщин не только шить и вязать, но и прядь пряжу, красить шерсть и даже вываривать вещи в хлорке, добиваясь модных эффектов доморощенными метода-

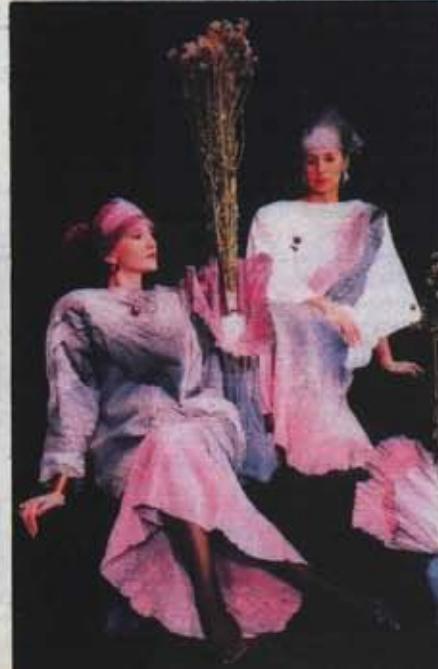
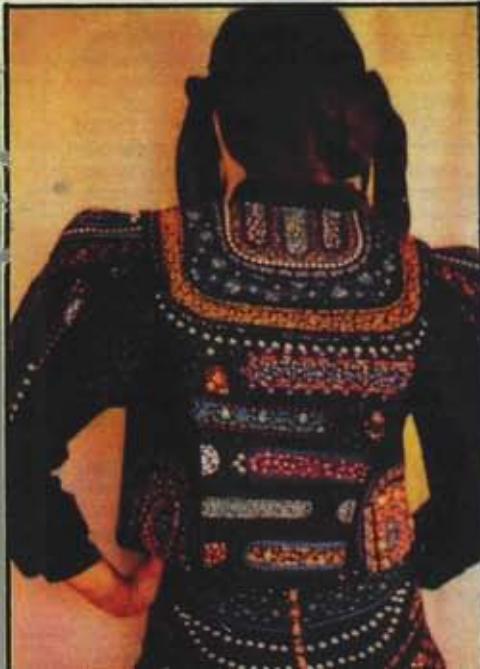
ми. Кстати, и художественный костюм своим возрождением обязан этому движению. Большинство художников начинало с того, что шили сложные модели для себя и близких. Однако вскоре их увлекли возможности костюма как искусства, и произошла удивительная метаморфоза: появились платья-картины, платья-панно и платья-скульптуры.

Это вовсе не означает, что они не утилитарны, сделаны только для выставок. Авторские костюмы могут быть использованы и как одежда, но в особых ситуациях и при условии эмоционального созвучия образа модели и ее владельца. Модельеры продают отдельные платья в художественных салонах Москвы. Стоят они дорого, и это неудивительно: в каждый такой костюм вложен не только многодневный труд, но и талант автора. Мы же порой забываем,

ИЗ ПОСКУТКОВ

что одежда может отражать внутренний мир человека. Недаром писатели и режиссеры используют ее для характеристики своих героев. Виктор Астафьев назвал костюм одного из персонажей «Печального детектива» бабской спецовой: «джинсовый сарафан — не надо стирать и черная водолазка — не надо гладить». Одежда должна быть практичной, но выдают такие моменты, когда можно забыть о практичности. Например, свадьба. Когда-то каждая крестьянская девушка на русском Севере сама шила себе свадебный наряд и вышивала неповторимым узором белый платок невесты. Побывав недавно во Дворце бракосочетания, я убедилась, что большинство не-

в технике японского бумажного дизайна. Журавлик — символ молодости и мечты — стал основой композиции модели, сшитой к фестивалю молодежи. Так работа над костюмом выводит художников на новые области творчества. Сложные «ситцевые мозаики», текстильная пластика и дизайн — это заявки на будущее, когда экспериментами художников заинтересуется промышленность и на основе их идей будут разрабатываться новые ткани и серии моделей.

Трудно загадывать, когда на помощь художникам придут компьютеры. Пока же они все делают своими руками. Сами придумывают и шьют костюмы. Сами устраивают выставки и показы, подобные спектаклям.

вест удивительно похожи друг на друга в дорогих «фирменных» кружевных платьях, в которые вложены не талант и фантазия невесты, а немалые средства родителей.

Однажды к Тамаре Санчес пришла девушка и попросила сшить ей свадебное платье. Задача, поначалу удивившая художницу, увлекла ее. И какой неповторимой, непохожей на других была эта невеста в льняном платье с яркими бусами и подвесками!

Вам приходилось когда-нибудь видеть ситцевые скульптуры? Их делает Мила Введенская. Простые белые ситцевые туники она украшает рельефными накладками из нажелатиненных тканей. Желатин придает ткани жесткость и позволяет создавать объемные детали: эффектные шляпы-бутонь, вазы и т. д. В одну из моделей художник вводит фигуру журавлика, он сделан из ткани, но

развешивая платья на стенах, расстягивая их в рамках и набрасывая на манекены. Почти не занимаясь коммерческим костюмом, молодые московские модельеры искренне служат своему искусству, работают от души. Они объединились в группу и имеют довольно редкую возможность выставляться в коллективе единомышленников, что особенно важно для художников, не связанных с домами моделей и работающих, что называется, в одиночку. Им уже удалось утвердиться не только в широкой аудитории зрителей, но и среди коллег, что порой бывает значительно сложней. Члены молодежного объединения МОСХа неплохо выступили на всесоюзном конкурсе «Таллиннские дни моды» и заставили искусствоведов заговорить о возникновении «костюмного бума»: растет интерес не только к моде как таковой, но и к культуре одежды.

ЭФИР

Юрий РАГОЗИН

У Саши Политковского все больше седых волос. «Сладкая» жизнь телевизионщика не прибавляет здоровья, сокращает встречи с друзьями и частыми разлуками портит настроение жене.

Года три назад ему и в голову бы не пришло, что на факультете журналистики МГУ кто-то будет писать о нем курсовую работу, что зрители захотят увидеть его не только на экране, но и на творческих встречах, а предпринимчивые издатели выпустят плакат с его изображением...

У нас не принято писать о журналистах. Не шахтеры ведь, не летчики. Ценностей материальных не производят, хлеб не сеют, статья не варят. Знай только «пользуются» гласностью направо и налево, критикуют кого-то,ично чем-то недовольны. Шишок, правда, получают много. Ну, так это со стороны незаметно. «Ругать легко — взяли бы да попробовали сами!..» Не только пробовали — работали! И строителями, и учителями, и врачами. Думаю, Политковский с успехом мог бы проявить себя, скажем, в комсомоле, но вот многие ли комсомольские вожаки преуспели бы, как он, на телевидении?

И почему бы не написать о нем? Рассказать, как живет он за кадром, с кем воюет, ратуя за справедливость. Тем более что справедливости этой добивается не для себя — для других.

Знакомые не первый год, мы несколько раз уставливались об этой встрече. Чтобы сесть спокойно, заварить чаю

покрепче и не торопясь поговорить о жизни.

— Папы нет дома, он уехал. — Это сын.

— Саша будет через неделю... Саша в больнице. — Это жена.

— Ты извини, вот вернусь денька через три, и сразу встречаемся! — Это он сам.

Наконец, приехал. Заварили чай с мятой. Сели. Включили диктофон.

— Поехали?

— ...В редакцию пришло письмо — в финотделах исполкомов не показывают Указ о прогрессивном налоге...

Включаем камеру и входим в райисполком, первый, что оказался на нашем пути. Сидит внизу бабушка. Спрашиваем: где тут финотдел? Поднимитесь, отвечает, на второй этаж, такая-то комната. Мы идем. Камера работает. Интересуемся: кто занимается кооперативами? Объясняют: такая-то женщина. А в это время по коридору уже: «Взгляд!» «Взгляд!..»

«Да вот он, Указ, пожалуйста!» — говорит сотрудница финотдела. Читаем, оператор снимает. Значит, это не тайный документ? «Нет, конечно. Вот вы с телевидения приехали, снимаете, значит, не тайный».

Вроде все нормально, выяснили, что хотели, должны пожать друг другу руки, сказать «спасибо» и «до свидания». И тут эта женщина говорит: «На третьем этаже — председатель райисполкома и его заместители. Может, вы все-таки зайдете туда?..» «Какой смысл? — спрашиваю.

Ведь никаких проблем. Покажем материал в эфире, пусть посмотрят кооператоры и поймут: тайн здесь нет, а инциденты — по вине местных властей».

И вот мы прощаемся, а в это время какая-то дикая команда с воем несется с верхнего этажа: «Вы должны срочно пройти за нами! Руки — за спину, хотя милиции нет. Я говорю: «Да вы успокойтесь, все в порядке». «Какой «все в порядке»! Как вы смели прийти сюда?!

Поднимаемся наверх. Зампред меня вталкивает в свой кабинет. Следом хочет войти режиссер, но перед ним закрывают дверь. Три неизвестных мне человека спрашивают у меня документы. Вытаскиваю паспорт и говорю: «Я простой советский человек, иду по улице, вот райисполком. Мне интересно было: имею ли право зайти сюда? Но поскольку я имею некоторое отношение к телевидению, то у меня была камера, и я хотел продемонстрировать, что любой советский человек вправе прийти в райисполком».

Здесь надо сделать небольшое отступление. Когда Политковский только начинал во «Взгляд», то задумывал свою работу именно так, что будет показывать ситуации, в которых может оказаться любой нормальный человек. Ну, скажем, может провалиться в прорубь, сшить из нижнего белья шапочки, обменять пластиинки...

Когда он решил испытать себя на прочность в проруби, можно было прибегнуть к помощи каскадера, которому ничего не стоило хоть несколько раз провалиться под лед и выскоить оттуда.

да. Но нормальный трезвый человек никогда не отождествит себя с этим каскадером. Хорошо йогу: взял, заткнул все дырки и не дышит два часа. Но Политковский не каскадер и не йог. И чтобы зрителю видел на экране как бы себя самого и верил происходящему, проваливаться надо было Саше самому.

Он ночь не спал: его долго инструктировали. Был единственный дубль. Дома и на работе никто не знал об этой съемке, потому что сам Политковский не был уверен, что вообще вылезет. И те, кто стоял за камерой, тоже не

были уверены. А стояли два водолаза и держали по багру. Когда Саша увидел эти багры и начал мысленно соотносить их со своим телом, ему стало очень неуютно. Хотя, когда шел по льду, на верно, был самым спокойным из всех собравшихся, потому что теоретически был подкован.

Он шел и видел, а точнее, не видел, а слышал, как все замерли. Потому что лишь приблизительно знали, где он может ухнуть в воду. Ибо проруби как таковой не было. Он тоже, приблизительно знал, что где-то в радиусе семи метров лед должен проломиться. И шел на это место.

Когда начал вылезать из воды, было тихо-тихо. Если бы летела муха, ее бы услышали. Но мухи не было, ведь зима все-таки, и он слышал, как стрекотала камера. Во время съемки этого никогда не слышишь, потому что есть всякие посторонние шумы. А здесь, на открытом воздухе, днем стало так тихо, что был слышен стрекот камеры...

— ...У нас работал радиомикрофон. Мы предугадали, что, возможно, я буду оторван от камеры, и поэтому все, что происходило в кабинете, за дверью и в приемной, записывалось на пленку.

И вот я говорю: «Я простой советский человек...» А на меня зампред начинает кричать: «Разве вы не понимаете, что необходимо разрешение снимать в здании райисполкома?! А вы знаете, кто хозяин района?!» Я говорю: «Извините, вы, на верное, что-то не так сформулировали. Хо-

зин — это народ, который живет здесь. А вы — его избранник, и поэтому народ может прийти к вам, когда понадобится». А он: «Это так говорят!..» И осекся.

Этот человек для меня — олицетворение бюрократического аппарата. «Так говорят...» Уверен, что он до сих пор так считает: хозяева района — председатель и он. «А кто санкционировал вашу съемку? Кто вас послал? Вот сейчас позвоню председателю вашего комитета!..» «Пожалуйста, — говорю, — вы можете позвонить. Я не нарушил ни одного положения конституционного права. Существуют военные объекты, заводы, где надо разрешение на съемку, но райисполком к этой категории не относится».

И вот такая идет перепалка.

Когда я попадаю в конфликтную ситуацию, у меня ощущение, будто внутри начинает работать компьютер, вычисляющий, что и как отвечать. Поэтому очень легко работать, предположим, с постовым милиционером — младшим сержантом, потому что он в конфликтном разговоре где-то минут через пять — десять в большинстве случаев начинает нарушать свой устав и закон...

...Тут вбегает какая-то женщина и заявляет, что мы ворвались сюда без всякого разрешения. Я говорю: «Камера-то у нас работает, можно отмотать плёнку и показать, как я подошел к бабушке, которая сидит внизу, и сказал, что мы с телевидением, и спросил: где финиш и так далее».

То есть каждый раз их доводы мне удавалось опровергнуть совершенно спокойно, и это только за счет того, что у меня все время работала камера. Зампред стал угрожать: мол, этот материал не должен попасть в эфир! Вот сейчас он позвонит кому надо!.. А тут секретарь райисполкома стала злорадствовать: вот до чего дошло телевидение — теперь они имеют право куда угодно ворваться, что угодно делать!.. В ее устах это звучало, как вопиющее безобразие. И вроде бы ничего с этим не поделаешь, вот и получите вашу демократию в лице этого негодяя, который перед вами сидит!..

В итоге же, когда я спокойно объяснил зампреду ситуацию, то он, поняв, что тут вообще нет никакого предмета для разговора, спросил у своих подчиненных: «Кто его сюда привел? Кто посыпал его сюда привести?!»

Потом переписал все данные из моего удостоверения. Я подал ему руку и сказал, что не знаю, будет ли этот материал в эфире или нет. Он воскликнул: «Я вам покажу — в эфире!..»

— Он все-таки остался при своем мнении?

— Да. Хотя понял, что не прав. Но он уже был подставлен! И все равно ощущал свою полную безнаказанность и силу. Все-таки центральный район Москвы.

— Предполагал, что позвонит куда надо и материал остановят?

— В том-то и беда, что его окружение так и думает до сих пор...

Когда мы вернулись в студию, устроили просмотр для техников. Двадцать пять техников смотрели эту плёнку, как художественный фильм. Сыграть все это было невозможно! Жизнь поставила спектакль с сюжетом, кульминацией, катарсисом. Единственное, что плохо — не было нашего изображения. Но режиссер сразу же придумал — можно сделать стоп-кадр: раздраженное лицо зампреда и мое лицо... Это был уникальный материал! Со мной подобное случилось второй раз в жизни. Первый раз — при попытке обменять пластики, когда сюжет развивался просто фантастически — мы не знали, чем все это кончится...

— Я, кстати, ждал, что тебя начнут бить потихонечку...

— Но этого, слава богу, не произошло.

...Через три дня мы заказали материал о райисполкоме себе для работы, но оказалось, что уже на следующий день после съемки он был размагнечен нашим же коллегой.

— Случайно?

— Будем считать, да. Полагаю, он не знал, что там есть. Дело в том, что мы испытываем постоянный дефицит плёнки. Любая западная страна имеет такое количество плёнок, что может записывать на каждую только один материал. Пленка

для них ничего не стоит. Она стоит только для нас. И поэтому после эфира ее тут же пускают в работу.

— То есть у тебя нет архивов?

— Моего архива нет. И если в первое время у меня вызывало недоумение, когда мои материалы размагничивали, то потом появилась ярость: в любой ситуации я был готов усмотреть преднамеренное уничтожение! Теперь же, десять лет спустя, стал к этому безразличен: привык...

Нам было совершенно неважно, какой это райисполком. Уверен, что в любом райисполкоме происходит то же. Мы даже специально снимали вход без вывески, и хотели дать лицо зампреда, не называя его имени. Главное, что он есть. Он-то себя узнает.

Роялный король, он понял, что попал в лужу...

Ситуация с лужей уже была однажды, когда меня забирали в милицию вместе с телевизионщиками из японской фирмы «Асахи».

На Патриарших прудах поклонники Булгакова разрисовывали стену, оставшуюся от старого дома, — готовились к юбилею любимого писателя. Мы снимали.

Пока они рисовали, японцы снимали сюжет о том, как работает «Взгляд» (это был лишь кусок из фильма о нашей перестройке).

Через пять минут после начала съемки Бронная была запруженна милицией, которая без церемонии стала заталкивать телевизионщиков в машину.

Японцев — оператора и звукооператора, не знающих ни слова по-русски, — засунули в отдельную машину. Они потом рассказывали, что были в шоке и ждали по крайней мере Лубянку и Сибирь. Не будем строить иллюзий по поводу того, как нас представляют в капиталистических странах...

Японцы были очень профессиональные и хорошие ребята. Не сотрудники ЦРУ. Потом мы нашли с ними взаимопонимание.

Привезли их в милицию, запихнули за барьер, где сидят алкоголики. Японцы, естественно, ничего не понимают. (А камера и микрофон у них работают.) И вот милиционеры между собой разговаривают, обсуждают, откуда эти телевизионщики взялись. Наверное, говорят, «Добрый вечер, Москва!» или, может, какие-то казахи. А японцы молчат, сказать ничего не могут, потому что всего боятся. Уникальный, конечно, материал они получили. Потом, наконец, дежурный по отделению офицер спрашивает у них: кто такие? Они бормочут по-своему, и тогда он говорит: «Ребята, по-моему, это японцы...» (Мы потом эту плёнку видели.)

Бедные, перепуганные японцы поняли, видимо, какое-то слово, может быть, «японцы», закивали, выдавили из себя: «Джапан, Джапан!»

Сразу ситуация изменилась. Их из загончика проводили в комнату. Приехали дежурный по городу и человек в штатском, потому что было уже понятно: милиционеры попали в неприятную прохладную лужу. Как можно быстрее японцев выпустили, но никто перед ними не извинился. Извинения потом приносили им.

Они не верили, что этот материал может быть показан у нас по ЦТ. Я объяснял им, что меня не каждый раз во время съемок забирают в милицию, просто милиция не поняла, зачем ребята разрисовывали стены...

Я пошел к нашему главному редактору и сказал: «Давайте поменяемся с японцами материалами, мы им — свой, они нам — свой; получится очень богатый материал. И главный согласился. И такой обмен был сделан.

Лет пятнадцать назад вся страна «знала» бы, что мы на службе ЦРУ, а сегодня — ничего, все прошло нормально.

В день эфира к нам приехали большие милиционские начальники и стали на нас давить. Дескать, ничего плохого милиция не делала, всем спокойно предложили: «Пройдите в машину».

Разговор происходил в кабинете главного редактора. И тогда мы сказали милиционским начальникам: «Пройдите» — и довели их до аппаратной, где и показали наш материал. И начальник отделения милиции, который утверждал, что его подопеч-

ные вели себя крайне интеллигентно (он был в кадре, кричал: «Всех в машины!», а нам заламывали руки), сразу скис...

Но самое интересное было еще впереди. Мне сказали, что есть договоренность с японской телевизионной фирмой, — мол, звонили из Японии и просили не упоминать, что во время съемки присутствовали японцы. И мы упоминать не стали...

Прошел эфир, и японцы спросили: «Почему же вы ничего не сказали про нас?» Я им говорю: «Вы же сами не хотели этого». «Как? Никакого звонка в редакцию от нас не было!..»

А их собственный материал был показан не только в Японии — во всем мире. Цветов во время эфира находился в Японии и привез интервью с руководителем фирмы. Никаких звонков оттуда действительно не было. Звонили, оказывается, из Главного управления внешних сношений, которое как бы виновато в том, что произошло, и сказали, мягко говоря, неправду... А, кстати, праздник Булгакова власти Краснопресненского района не разрешили проводить и в этом году. Третий год подряд...

Чем мне нравится Политковский, который смотрит с экрана и с которым я, зритель, лично не знаком? Не красавец, не атлет. Не изображает философии или полиглота, не сверкает эрудицией «знатоков» из «Что? Где? Когда?». Не во фраке, не в «варенке» и вроде даже лохматее остальных на экране. А ведь поди ж ты, мил телезрителю! Наверно, потому и мил, что не играет чужих ролей. И вообще не играет. До икоты надоели смокинговые ведущие, импозантные, все знающие политбозреватели, несущие в эфир официальное мнение и не высказывающие мнения своего.

— ...В начале августа прошлого года около могилы Неизвестного солдата спецподразделением милиции были избиты «афганцы». Они пришли ко мне в студию, показали исполосованные дубинками спины, принесли медали «За отвагу».

Ребята были «подогретые», человек семьдесят. Они шли к могиле Неизвестного солдата, вход к которой закрыт после десяти часов. Прекрасно понимают их состояние: они хотели положить цветы на могилу. Можно было эту толпу и остановить, сказать: ребята, пусть несколько человек пройдут, возложат цветы — и до свидания. Потому что запускать всех нельзя. А если бы что-нибудь случилось? С кого спрос? С УВД Мосгорисполкома. И, естественно, там перестраховались, не стали искать компромисса, а вызвали отряд специального назначения. И по стране разнеслось, что «афганцев» отбирали около Красной площади...

Ну, естественно, органам МВД стало известно, что я готовлю такой материал. Они сказали, что у них тоже есть материал. Приехали к нам. Мы записали с ними беседу. Они нам показали фотографии и рассказали о поведении «афганцев» в Парке культуры имени Горького. Ребята были в крови, пьяные. Там творилось что-то невообразимое. Но речь шла о двух совершенно разных ситуациях — у могилы Неизвестного солдата и в парке! И в парке-то, были не «афганцы», а бывшие десантники...

Я побывал в отделении милиции, куда доставили «афганцев». Мы туда вошли с камерой, но не снимали, а просто записывали звук. И человек, исполняющий обязанности начальника отделения, это увидел. Он сказал: надо заранее предупредить о съемке. Но я прекрасно знаю: когда предупреждаешь, люди отказываются говорить в камеру. А потом могут сказать, что я там вообще не был или вел себя по-хамски. То есть каждый раз мне нужно иметь какое-то подтверждение.

Однажды на Украине я делал критический материал и попросил прокомментировать его одного из руководителей области. Ничего разумительного на мои конкретные вопросы он ответить не смог и попросил интервью в эфир не давать. А через некоторое время он неожиданно заявил, что я задавал ему провокационные вопросы! Пленка была не наша — украинская, и нам ее не дали. Хотя мне она была нужна лишь как документ. Мы и не собирались пускать ее в эфир, существует же этика журналиста! Меня спасло то, что

наш главный редактор эту видеозапись видел...

Представляю себя на месте этого руководителя. Или на месте зампреда райисполкома. Начальника милиции. Постового... Находиться под прицелом камеры не очень-то уютно, а отвечать на вопросы, особенно острые, да еще и без предупреждения — тем более.

У Конан Дойла есть рассказ, в котором Шерлок Холмс начинает подозревать женщину в причастности к преступлению по той причине, что при разговоре с ним она очень волнуется. Позднее выясняется, что дама просто не успела напудрить нос и поэтому сильно переживала. А если бы ее — с помощью Центрального телевидения — рассматривали сто тридцать миллионов человек? Боюсь, она вела себя еще более нервно (а может, наоборот, «деревянно») и вряд ли вызвала бы симпатии у телезрителей.

Всегда ли тележурналисты корректины по отношению к тем, кого снимают? Да, нужно назвать белое белым, а черное черным. Нужны доказательства, чтобы потом никто не мог обвинить в том, что «были заданы провокационные вопросы». Но как найти эту золотую середину, чтобы и документ иметь, и самолюбие людей не задеть?

Когда-нибудь, наверное, мы привыкнем давать интервью и на улице, и на работе, кинокамера не будет шокировать нас. Наверно, и телерепортеры со временем повысят свою профессиональную культуру, и многих конфликтов и взаимных неудовольствий удастся избежать.

Но вряд ли это произойдет очень скоро. И потому я стараюсь понять и Политковского, и тех, кого он снимает, и пытаюсь встать на их место. Тем и другим нелегко.

— Ну, а что было после того, как прошел афганский материал?

— На летучке Гостелерадио был серьезный разговор. Политический обозреватель спрашивал: почему не сделали партийный комментарий — за кого выступает корреспондент? Я на этой летучке не был. Один из зампредов меня поддержал: а что можно было сказать в передаче? Что ребята не правы? Или, наоборот, правы? У меня, конечно, есть своя точка зрения на этот факт и на то, как Министерство обороны и ЦК комсомола отстали от праздника десантников, и каждый год во многих городах происходят подобные вещи. И еще будут, если мы не займемся этой проблемой.

Вот что происходит за кадром.

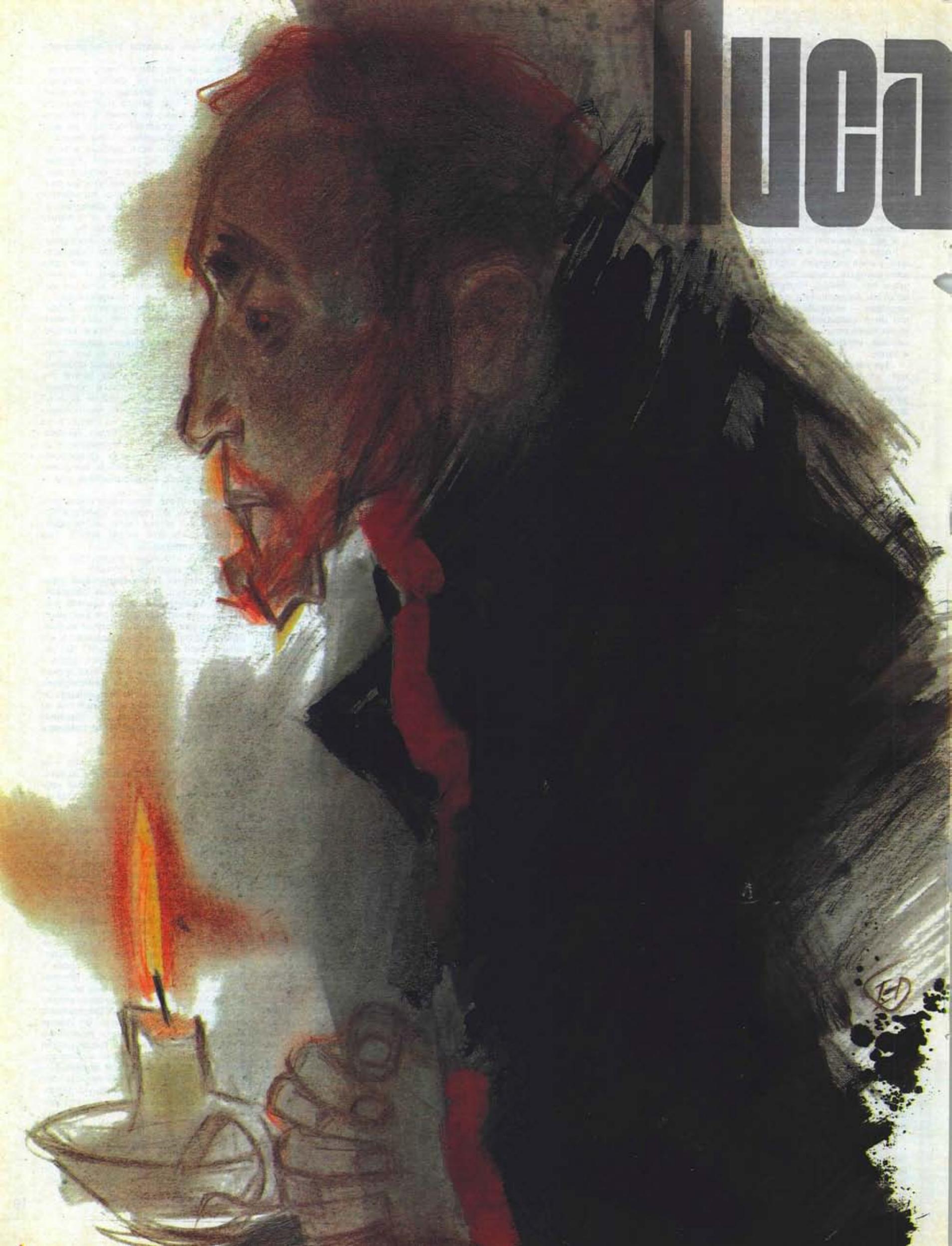
Возможно, телезрители не поняли — за кого мы. Но дело даже не в том — за кого. Мы показали очередное проявление «афганского синдрома». Думаю, будем сталкиваться с ним в ближайшие двадцать — тридцать лет. Говорим, необходимо построить Центр реабилитации, лечить «афганцев». Собираем деньги. Это — с одной стороны. А с другой, есть «афганцы», которые уже сидят в наших колониях, уходят в монастыри... Совершенно разные проявления «афганского синдрома». И рассказывать об одном, не имея в виду другое, нельзя.

Я встречался с парнем, который отсидел срок и в день выхода из зоны надел свою медаль «За отвагу», а вот орден не надевал. Начальник зоны спрашивал: «Почему же ты не надевала свой орден?» Парень отвечает: «Он красный». Понимаешь, ему стыдно надеть красный орден, за который он проливал свою кровь, потому что у него в зоне воспитано отрицательное отношение к красному цвету!.. Во Львове мне рассказывали работники уголовного розыска про «афганца», предводителя банды, который изнасиловал и убил девушки. И что, обо всем этом молчать?..

В 1979 году, когда Политковского пригласили работать в Главную редакцию спортивных программ, друзья говорили ему: «Как здорово! Ты не будешь заниматься политикой!» Мы действительно долгое время твердили: спорт вне политики. А «оказалось», что очень даже тесно связан. В 80-м была Московская Олимпиада. Бойкот. Потом наш ответный бойкот Лос-Анджелесу.

Окончание на 24-й стр.

UGA

Игорь ТАРАСЕВИЧ

В коридоре горела свеча. Медный шандал, укрепленный в круглом проеме над дверью, после инспекторского смотра коменданта Петропавловской крепости, генерал-лейтенанта Сорокина, приказано было почистить, но свечи оставались прежние, и колоть, оседая на тусклый блеск чищеного металла, с треском летела от огня. Неизбытный запах сырости — куртина подходила к самой воде, — горячего воска, нагара смешивался с острым ароматом детия и табака; в затхлой атмосфере куртины витал характерный дух казармы. Тускло блестел шандал, трепещущий огонек только сгущал мрак. Обычно света приводили печной огонь, но сейчас дрова прогорели, изразцы почти не излучали тепла, угли, багрово мерцавшие еще полчаса назад, покрепели, потухли...

Часовой с крахтением встал, отвел железную шторку на двери камеры.

— Пишешь, — сказал часовой вполголоса, — пишешь, бисов сын.

«Ваше превосходительство, милостивый государь Александр Федорович**, позвольте мне обесокоить ваше превосходительство следующими почтительными просьбами: 11 января нынешнего года издатель «Русского слова» г. Благосветлов заказал мне для своего журнала срочную работу, и 20 января г. Благосветлов доставил господину полковнику Сабанееву те книги, русские и иностранные, которые необходимы мне для выполнения указанной работы. Я просил господина полковника передать мне эти книги и получил от г. полковника ответ, что об этих книгах послан запрос в канцелярию господина военного генерал-губернатора. 1 февраля я снова виделся с Благосветловым и узнал от него, что от г. военного генерал-губернатора уже прислано разрешение выдать мне эти книги. Тогда я снова обратился с просьбой к г. полковнику, но г. полковник ответил мне, что он не имеет разрешения от вашего высокопревосходительства. Вследствие этого я имею честь убедительно просить ваше высокопревосходительство о разрешении иметь у себя необходимые книги, доставленные г. Благосветловым...»

Маленькая фигурка заключенного дрогнула, и он повернулся к часовому стриженую рыжую голову. Часовой отпрянул, шторка с железным скрежетом опустилась, тяжелым стуком отозвалась приклад, удариивший в каменный пол.

— Пишешь, — еще раз сказал солдат в темноте, доставая кисет.

...Теперь, ваше превосходительство, следует вторая моя просьба. 7 января нынешнего года я просил г. Спасского исходатайствовать мне у г. военного генерал-губернатора разрешение читать «Московские ведомости» за текущий год, 11 января г. Благосветлов привез это разрешение к г. Сабанееву. Когда я стал просить г. полковника о том, чтобы мне было предоставлено право пользоваться этим разрешением, то г. полковник ответил мне, что он не имеет разрешения от вашего превосходительства. Вследствие этого я имею честь убедительно просить ваше превосходительство о дозволении читать

«Московские ведомости» за текущий год. С глубочайшим уважением имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Дмитрий Писарев».

Усмехнувшись, узник мгновение помедлил и, макнув перо, приделал к четкой подписи широкую наглую завитушку.

Писарев был арестован 2 июля 1862 года, как автор революционной прокламации. Инженерный генерал Сорокин доносил рапортом непосредственно Александру II о заключении обвиняемого в государственном преступлении кандидата С.-Петербургского университета Дмитрия Писарева в каземат Невской куртины...

Революционная ситуация 1859—1861 гг. не привела к революции. Силы реакции возросли. В обществе произошло ясно видимое расслоение. Летом 1862 года в связи с массовыми пожарами в Петербурге начались широкие репрессии, направленные против демократической, революционно настроенной интеллигенции.

«Студенты жгут» — этот слух, пущенный, возможно, не без участия III Отделения, был на руку реакции. К сожалению, даже весьма неординарные люди поддались его влиянию. Например, известен такой факт: Ф. М. Достоевский лично приезжал к Чернышевскому, чтобы просить его «прекратить пожары»!

Лето в столице стояло бесконечно сухое, жаркое, душное, пыльное. Над городом висела пепельная туча — пожары не прекращались. Как горел Апраксин двор — огромный рынок, городское торжище, представляющее собой много квартирный конгломерат деревянных будок, прилавков, закутов, лотков, теснящихся один на другом! Полиция неистовствовала. Обыватель, сидя на узлах и глядя на скачущие с трубным гласом пожарные обозы, злобствовал и дрожал...

1862 год стал поворотным для Писарева. Поворотным во всех отношениях. Он выплыл наружу весь поток необузданых писаревских страстей...

Писарев переживал личную драму — ему отказала невеста, Раиса Коренева, двоюродная сестра, с детских лет воспитывавшаяся в доме Писаревых. Она выходила замуж за Е. Гарднера, их общего знакомого, отставного офицера без определенных занятий. Гарднер был полнейшим ничтожеством, но высок, статен, имел великолепные усы, красивейший голос и всем видом своим, как говорили, чрезвычайно напоминал незабвенного государя Николая Павловича. А Писарев был мал ростом, рыхл, быстр, и усы у него толком не росли. Рабская влюблённость в Кореневу, поразительная в человеке, являвшемся воплощением внутренней свободы и независимости, довершала неудачу, но он не желал примиряться с тем, что не может привязать к себе любимую женщину, и умолял Кореневу отложить замужество. Отказ был окончательным.

Писарев решил действовать кардинальными средствами и состряпал такое письмо:

«Милостивый государь, Евгений Николаевич!

Как Вы легко можете представить, я вовсе не рад тому, что вы женитесь на моей двоюродной сестре. Не имея высокого понятия о вашем уме и характере, я просто считаю вас за дурака и за фата и со свойственной мне откровенностью выражают вам это мнение. Я выражал его и другим, говоря по поводу вашей свадьбы русскую пословицу: «Не в коня корм», и варьируя ее иногда так: «Не в осла корм».

Получив это письмо, вы не будете знать, что с ним делать. Я укажу вам три образа действия:

1. Или вы можете спрятать это письмо в карман, притвориться, как будто вовсе его не получали. Можете даже повелено-

* Название отдельной укрепленной части крепости. — Здесь и далее примечания автора.

** генерал-лейтенант Сорокин.

душничать со мною, оставаясь в прежних отношениях, и даже видеть меня шафером на вашей свадьбе.

2) вы можете вызвать меня на дуэль, и я буду к вашим услугам.

3) вы можете донести на меня 3-му отделению, и меня посадят под арест.

В первом случае мне будет приятно знать, что вы проглотили непозолоченную пиллюлю. Во втором мне приятно будет сорвать зло на вас или на себе. В третьем мне будет приятно, что вы сделали подость. Во всяком случае мне приятно подлить каплю горечи в ваше незаслуженное счастье, которое дается вам на долю только потому, что теперь весна пробуждает чувственность женщин и усыпляет мозговую деятельность.

Предупреждаю вас, что я оставил у себя копию с этого письма и, когда мне вздумается, покажу ее кому мне угодно.

Если бы я вас уважал, я не написал бы этого письма. Письмо это, в сущности, не дерзость, это только откровенно выраженное мнение. Если вы с ним согласны, то проглотите пиллюлю и смолчите, если паче чаяния не согласны, то протестуйте. Мы даже можем назначить*. Может даже затеять диспут, в котором я буду доказывать, что вы дурак и фат; вы же можете утверждать совершенно противоположное.

Готовый к услугам вашим
Д. П.

Перед этим чудовищно хамским письмом стоял эпиграф: «Дуракам счастье».

Получив подобное послание, дворянин неизбежно вызвал бы обидчика на дуэль. Однако Гарднер трусливо оттягивал ее, выдвигая различные предлоги, что не помешало ему на квартире Писарева, без свидетелей, ударить его хлыстом. В отместку Писарев подстерег Гарднера на вокзале и тоже ударил его хлыстом, но уже в присутствии многочисленных зрителей. Но дуэль не состоялась — сама Коренева употребила все свое влияние на Писарева из боязни потерять мужа...

В середине мая 1862 г. в Петербурге появилась прокламация «Молодая Россия» — самая яркая революционная декларация того времени, обещавшая уничтожение всей императорской фамилии и в случае сопротивления императорской партии. Молодежь и армия призываются к восстанию. Пожары, о которых мы упомянули, начались почти одновременно с появлением возврата. Неудивительно, что власти постарались связать одно с другим.

Вот письмо министра внутренних дел П. А. Валуева управляющему III Отделением А. Л. Потапову:

«Сегодня решено, что университет не будет открыт, кроме математического факультета (в Петербургском университете проходили серьезнейшие волнения студентов, кончившиеся правительственным закрытием университета). — И. Т.), воскресные школы закрыты по всей империи до преобразования их, отделы помощи студентам будут закрыты, и журналы «Современник» и «Русское слово» приостановлены на 8 месяцев».

«Современник» Некрасова и Чернышевского и «Русское слово» представляли такую опасность для правительства, что решение об их «приостановлении» ставилось в ряд с важными государственными мерами « успокоения».

Россия лишилась прогрессивных изданий, Писарев — средство к существованию, на которые он содержал мать и сестру.

Благосветлов писал:

«Первое впечатление еще слишком живо и во рту слишком горько, чтобы рассказывать подробно об этом факте. Значение еще не взвешено нами, последствия впереди, на руках так много дела, что ограничусь одним простым извещением о предательстве Головнина (министр народного просвещения, в ведении которого находилась печать). — И. Т.) и шалостях Ва-

луева. Оба они — ребята терты и знакомые с бюрократическим изутизмом. Соединив предупредительную цензуру с карательной, они изобрели кнут о двух концах — не тем, так другим, не по литературе, так по карману литератора можно стегнуть в любое время, но во взаимном соглашении двух ослов. Ни суда, ни объяснения, а так просто взяли и запретили два журнала на 8 месяцев».

Оба редактора, Чернышевский и Благосветлов, посетили Головнина. Сын великого русского адмирала принял их по одиночке:

— Я советую считать издание конченным и ликвидировать это дело.

В то же время догадливый Сорокин представил Потапову «опись помещений для лиц, предположенных к арестованию». 38 камер Петропавловки оказались занятыми, но еще целых 30 — совершенно свободными! Энергичный комендант брал обязательство в двухнедельный срок подготовить еще 33. Только вези!

Генерал Потапов наложил на «опись» многозначительную резолюцию: «Иметь в виду».

Писарев оказался между небом и землей. На допросах он объяснял свое авторство полным крахом личной жизни. Дескать, требовалось выплыть желчь и высказать свое «фэн» окружающему. Не подумал о последствиях, молод еще. «Я, действительно, человек впечатлительный и сильно увлекающийся», — с изумительной непосредственностью уверял Писарев следственную комиссию, письменно отвечая на предложенные ему вопросы.

Эта тактика никого не обманула. Не обманула и «высокий суд» Сената, председателя суда, тайного советника М. М. Карниолина-Пинского, и членов оногого, не обманывают и сегодняшних читателей и поклонников мыслителя-материалиста. Написанные и опубликованные статьи Писарева представляют его как убежденного противника старого государственного устройства, всех рутинных форм его жизни, страстного проповедника освобождения личности, прогресса, всеобщей свободы. Писарев «краснел» на глазах.

В 1860 году он знакомится с Петром Баллодом, революционером, владельцем «карманной типографии», принимает активное участие в деятельности кружка Баллода, в работе так называемого Шахматного клуба Петербурга, объединившего прогрессивно настроенных литераторов (Шахматный клуб, не просуществовав и года, был закрыт Александром II. — И. Т.). Писарев — в центре событий, в числе организаторов, подписчиков или по крайней мере участников большинства общественных событий в Петербурге. Было бы весьма наивным полагать, что разрыв с невестой толкнул трезвого и беспощадного логика на такие, например, слова:

«Посмотрите, русские люди, что делается вокруг нас, и подумайте, можем ли мы дольше терпеть насилие, прикрывающееся устаревшей формой божественного права?.. В наше время каждый неограниченный монарх поставлен в такое положение, что он может держаться только непрерывным рядом преступлений... Примирения нет. На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выживаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, что способно мыслить и действовать... Династия Романовых и петербургская буржуазия должны погибнуть... То, что мертвое и гнилое, должно само собой свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы...»

II

Заключенный встал и, подойдя к двери, стукнул в нее кулаком.

— Я желаю видеть плац-адъютанта, — спокойно сказал он в возникшие перед

глазами усы, перечеркнутые решеткой глазком.— Штабс-капитана Пинкорнелли.

Усы не отвечали.

— Ты понял?

Шторка на глазке опустилась, Писарев вернулся к столу и снова начал писать.

«По вопросу о том, какие книги нужны Писареву для его работ:

Я желаю продолжать статью «Исторические идеи Олюста Конта», которой начало было напечатано в «Русском слове». Для этой работы мне нужно иметь:

1) «Русское слово» за ноябрь 1865 года, чтобы видеть, на чем я остановился, и не сделано ли в этой статье каких-нибудь изменений.

2) Auguste Conte. Cours de philosophie positive. Volumes V et VI.

3) Бокль. «История цивилизации в Англии».

4) Tocqueville «L'ancien régime et la révolution».

II. По вопросу о том, кто позволил Писареву видеться с матерью от 10 час. утра до 2-х часов пополудни.

По чьему позволению это делалось — этого я не знаю, знаю только, что меня обыкновенно уводили в каземат в 2 часа или в начале 3-го. Канд. университета Дмитрий Писарев».

Писарев поднял голову от письма и усмехнулся. Заянто, что Сорокин приказывает письменно донести, почему и как он, заключенный № 9, получил разрешение на свидания, продолжающиеся по 4 часа, — льгота исключительная. Выходит, Пинкорнелли провернул дело совсем втихую. А генерал-лейтенант не ведает, что у него в крепости делается. И Сабанеев не старался, не вынюхал еще...

Писарев взглянул на непозволительную свою подпись — «канд. университета» — и подумал, что игра с огнем до добра не доведет, с таким трудом выхлопотанное разрешение писать — одно и поддерживало душевые силы. Но не быть самим собою он не мог...

Мука отобразилась в ровных чертах его, маленько личико сморщилось. Сильно зажмурил глаза, он провел по скжатым векам пальцами. Теперь могли прекратиться и свидания, и переписка, и работа. Останутся тайные пересыпки с помощью Пинкорнелли. А останется ли сам Пинкорнелли? Иван Федорович — стар. Поставит Сорокин нового плац-адъютанта — что тогда?

Писарев вскочил, сжал виски руками, страшным усилием воли подавил крик, готовый сорваться с уст. Глухое грудное урчанье — так собака стонет во сне — на миг повисло в камере и пропало.

В коридоре застучали начальственные шаги, загремел ключ в замке, дверь распахнулась. Вошел человек в полной жандармской форме, ступил в полосу света, и стало ясно, что посетитель совсем еще молод. Скуластое лицо его со щеточкой усов выражало государственную твердость.

— Ротмистр Борисов, — представился жандарм и слегка поклонился. — Помощник смотрителя Алексеевского равелина.

— Кандидат Санкт-Петербургского университета Писарев, — ответил Писарев со всей возможной учтивостью, словно они представлялись друг другу на светском рауте. — Я ждал господина Пинкорнелли, но это, право, все равно... Изволите присесть, господин ротмистр? Будьте как дома, милости прошу.

Губы у жандарма чуть дрогнули, но он не улыбнулся, а лишь кивнул часовому, чтобы тот вышел. Бумм! — дверь захлопнулась. В тишине куртины Писарев со скрежетом придвинул к столу табуретку и сел. Усталость наваливалась на плечи, не было больше сил валить дурака. Ротмистр неотрывно смотрел на заключенного, и, казалось, никакая мысль не отражалась в этом взгляде. Писарев сидел, подперев голову руками.

— Дмитрий Иванович! — сказал наконец жандарм, и заключенный вздрогнул. — Дмитрий Иванович, вы знаете, что такое Алексеевский равелин? Вас могут туда перевести. Вы... вы знаете, что это такое?

Борисов протянул руку и ловко снял со свечи нагар, камера осветилась. Писарев молчал.

— Алексеевский равелин в непосредственном ведении его сиятельства князя Василь Андреевича, — продолжал Борисов

с чересполосицей именитого и родительного падежей.

Князь Василий Андреевич Долгоруков еще в июне 1856 г. сменил Орлова на посту шефа жандармов. Взгляды его в Петербурге были хорошо известны.

Писарев поднял голову, и жандарм увидел, как побледнел заключенный.

— Вы неоднократно обращались к господину военному генерал-губернатору. Вы понимаете, что в Алексеевском равелине он уже не сможет вас защитить?

Писарев, стараясь понять, что значит этот визит и неподвижный взгляд посетителя, не отвечал ничего. Ротмистр смотрел в стену, словно видел за нею широкую перспективу уготованной будущности.

Суворов, генерал-губернатор и внук великого полководца, был личным другом Александра II и пользовался репутацией либерала. Назначение его в 1861 году генерал-губернатором Петербурга было уступкой общественному мнению. «Наше желание, — гласил изданный при назначении высочайший реескрипт, — чтобы правящие и управляемые соединились узами взаимной привязанности и взаимного доверия».

Суворов, насколько возможно, старался сгладить меры III Отделения. А комендант Сорокин, крайне раздраженный невиданным в крепости пишущим заключенным, его бесконечными свиданиями, сношениями с издателем и идущими от него беспокойствами, комендант, подчиненный и Суворову, и Долгорукову, никак не мог стравить губернатора с шефом жандармов. Сорокин запрещал, Долгоруков утверждал запрещение, а Суворов разрешал. Сказывалось, несомненно, и должностное самолюбие — губернатор при всем своем либерализме не терпел противодействий.

Письма Писарева представлялись перед отправкой по начальству. А начальство делало вполне определенные выводы.

Потапов — Долгорукову:

«Представляемое письмо передано генерал-лейтенантом Сорокиным. Письмо это обращает на себя внимание, потому что Писарев сообщает своей матери, что он самый деятельный сотрудник журнала «Русское слово», известного своим дурным и вредным направлением. При этом генерал-лейтенант Сорокин сообщил, что Писарев пишет очень много». Статьи его передаются прямо Санкт-Петербургским военным губернатором Благосветлову, который весьма часто посещает Писарева. Писарев содержится в Екатерининской куртине, в отдельном каземате и потому как переписка, так и свидания его не подлежат ведению III Отделения. Писарев по своему преступлению подлежит лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы, а потому, во избежание, чтобы статьи Писарева не произвели бы тех последствий, какие произошли от романа Чернышевского «Что делать?», я полагал бы снести с министром юстиции, не признает ли он нужным переместить Писарева в Алексеевский равелин и тогда как выпуск его статей, так и неуместные свидания могут быть прекращены».

Пометка Долгорукова на записке Потапова:

«Переговорить при свидании».

Видимо, князь Василь Андреевич собирался лично говорить с Суворовым, не желая затевать официальной переписки. В состоявшемся разговоре Суворов, конечно, уяснил, что перешел предел допустимого и превысил полномочия. Но отменять уже данное разрешение было невозможно. Это понимал и главный жандарм империи — Долгоруков.

Новая пометка Долгорукова:

«Оставить без последствий, приобщить к делу».

Тем не менее Сорокин на разрешении Писареву писать, присланном из управления военного генерал-губернатора, наложил следующую резолюцию:

«Объяснить в донесении, что просьба г-жи Писаревой надлежит разрешению правительствующего Сената, в который

должны препровождаться и рукописи для дальнейшего распоряжения. Разрешение такого есть как особенная высочайшая милость. Но заниматься литературным трудом в казематах высочайше воспрещено».

Сорокин был упрям, но Суворов стоял на своем. Снесшись с Сенатом, он уже официально уведомил Долгорукова, присовокупив, что литературный заработка является единственным источником существования семьи Писарева...

...Ротмистр все глядел в стену, потом перевел взгляд на арестанта. С тем же отрешенным лицом жандарм снял с головы каску, выплеснув на лоб русые мальчишеские пряди.

— Я скажу все, чему поклонялся, — беспристрастно сказал Борисов, — и возврата к прошлому нет. Мне... сказал Иван Федорович. Он сейчас не может прийти. Давайте записку, Дмитрий Иванович.

Писарев молчал, веря и не веря, стараясь прочитать что-либо на каменном лице тюремщика. Записка к Благосветлову была готова, передать ее должен был Пинкорнелли. Отдать записку... этому? Возможно ли, боже мой?

— Понимаю, — Борисов не изменил ни интонации, ни выражения лица, — понимаю. Но я даже знаю, где лежит записка. Вот здесь, под подушкой.

Писарев сделал движение, но длинная рука ротмистра уже вытащила сложенный в несколько раз бумажный комочек.

— Вам ничего не остается, как довериться мне, Дмитрий Иванович. Вы понимаете?

Писарев кивнул.

— Я, собственно, пришел сказать: не извольте беспокоиться. Даже... если равелин. Разум нельзя заточить. Его превосходительство господин комендант напрасно хлопочет.

Теперь Писарев смотрел на диковинного жандарма неподвижным взглядом.

— А как же, — он кивнул на дверь, — часовей? Ведь вы не должны были приходить?

— Бросьте, Дмитрий Иванович! Что они понимают!

Тут на лице Борисова впервые отобразилось какое-то чувство.

— Чурбаны! — презрительно бросил он и закричал: — Открывай!

Дверь со скрипом отъехала в сторону, ротмистр перешагнул через порог, в колеблющемся от движения воздуха свете мелькнула плоская морда часового, и дверь снова захлопнулась.

«Лицо человечества — каменное лицо Борисова», — подумалось тогда Писареву. Появится ли вновь?

Дверь камеры открывалась и закрывалась несколько раз в день: караульные приносили завтрак, обед и ужин, заключенный выпускался в церковь, на прогулку или на свидание.

После покушения Каракозова тюремный режим существенно ужесточился. Офицеры Петропавловской крепости частично были заменены новыми, все свидания отменены, а о литературном труде не было и речи. Сорокин достиг идеала своего заведения. Дверь заключенного № 9 стала открываться гораздо реже...

Но однажды стечением обстоятельств она открылась навсегда. В связи с рождением наследника, будущего Александра III, ныне благополучно здравствующий монарх Александр II милостиво повелел соизволил: сократить всем заключенным срок заключения на треть. К этому времени (конец 1866 г.) Писарев уже отсидел две трети назначенного срока. Жандармы допустили служебный просчет — проглядели, как Писарева, политического заключенного, подвели под общую амнистию.

И дверь открылась...

Вскоре Дмитрию Ивановичу стало казаться, что эта дверь выводит его в далекую-далекую, долгую-долгую жизнь, наполненную работой и любовью. Чувства Писарева к Марии Маркович, совместный труд писателей-единомышленников — так прошел 1867 год.

Летом 1868 года Писарев получил разрешение III Отделения выехать на отдых

в Дуббельн*. Они отправились втроем, с ними ехал сын Маркович Богдан — подросток, ставший младшим товарищем Мити.

Купание! Отдых! Блаженство!

В первые дни по приезду они полюбили заходить в кофейню толстого, добродушного Земмеля, стоящую прямо на берегу.

— Оле! — закричал Земмель, когда они пришли в первый раз. Кафе!

— Ее зовут Оля? — шепотом спросил Богдан, указывая подбородком на быструю служанку, — да?

— Mein kleine **, — говорила та пятнадцатилетнему Богдану, ставя на столик дымящийся кофе, — о, mein kleine!

— Ее зовут майнэ кляйне, — смеясь, сказал Писарев...

Море открылось Писареву, словно новая жизнь, далекая и прекрасная.

Пляж тянулся, не прерываясь, далеко-далеко; белесый песок переходил в белесую морскую гладь; дымка, сворачиваясь и расставляясь по небосклону, жила над водой; за спиной, на косогоре, посвистывал ветерок. Когда проглядывало солнце, море легко блестело, иглы сосен загорались, пляж тяжелел, наливаясь здоровой силой и жестизной...

...Они сбежали по откосу, осыпая песок. Богдан набрал песок в сандалии, запрыгал на одной ноге, уронил полотенце и чиркнулся. Тут солнце, словно желая показать, как прекрасен божий свет, выпустило на них пучок лучей. Видно было, как «майнэ кляйне» выносит на воздух скамечки.

— Холодно, Митя. Не надо, а?

— Я только туда и обратно, — Писарев выскочил из раздевалки в плавательном костюме, — а ты не хочешь, так не купайся. Иди к Земмелю, я сейчас.

Он энергично развел и скрестил перед собой руки, несколько раз присел, выставил бородку, потом пружинисто сжал кулаки и подбросил их к плечам. Зеленая точка на далеком обрезе воды подмигнула солнце, слабая пена прибоя запыхала. В установившемся в этот миг свете вода показалась красной, как донское вино; кровавой пеной пузырился прибой. Писарев пошел, поворачиваясь телом при каждом шаге, преодолевая сопротивление не желающего впускать его к себе моря. Отмель наконец кончилась, он бросился в воду и поплыл саженками. С морем, как и с жизнью, можно только враждовать, бороться и побеждать. Только так — преодолевая, преодолевая, преодолевая — можно двигаться вперед.

Отыскиваясь, как левиафан, он с всхлипом набирал в легкие воздух вместе с брызгами растворенной соли, равномерно выбрасывая руки, чувствуя, как от этого рывком продвигается вперед тело.

Наконец колени ударились о дно, и тут же руки въехали в ребристый поддон Дуббельна. Началась вторая отмель.

Он поднялся, счастливый, задыхающийся, помахал рукой Богдану, все еще стоявшему на старом месте с полотенцем на плече, хотел даже показать ему на пальцах «цай кафе», но побежденное море ждало, требовало его к себе, возбуждающее ласкало. Не было сил терпеть. Он побежал через отмель, с шумом поднимая каскад сверкающих капель, и поплыл к далекой зеленой точке на горизонте, радиусом чувствуя победы, уже много дней не покидающему его...

Богдан пошел к Земмелю, заранее улыбаясь предстоящей встрече с «майнэ кляйне».

— O, mein kleine! — она бросила тряпку на стол. — Heute bist du der erste. Guten morgen! Und warum bist du allein? ****.

Богдан обернулся, все еще улыбаясь, показал рукой на светлую точку посреди моря.

— Mein Gott! Wo ist er denn? ****

— Митя! — закричал Богдан. — Митя! Ми-и-и-я!

Истошный крик, удаляясь, запрыгал по неглубоким волнам и погас...

* Современные Дуббельты в Юрмале.

** Непереводимое немецкое восклицание типа русского «эй!».

*** Малыш, малютка (нем.).

**** Ты первый сегодня. Доброе утро! А почему ты один? (нем.)

***** Боже мой! Где же он? (нем.)

Юстинас
МАРЦИНКЯВИЧЮС

“БЕСЦВЕТНОГО ВРЕМЕНИ СОЛЬ”...

НАЧАЛО ЭПОСА

Поднялось вдруг нежданно слово,
в горле встало слезою горькою.
Оплачим себя, оплачим.

Пора.
На камнях — огонь,
Над огнем —
вьются ястреб и голубь.
Над вечным огнем —
вечные
ястреб и голубь.
Но вечен один только камень —
железо и медь его заменили.

Не имели названий озера.
И все реки дунаями¹ звались.
А детишки с ужами играли,
как теперь, молоком пахли.

Вырубки мужики выжигали.
Вечерами думали трудно
обо всем, что увидели за день,
смысл пытаясь постичь и причину.

Этим летом курган раскопали
и все то, что нашли,
вторично
погребли под стеклом музейным.
И когда я один остался,
по обычью дедов наших
я оплакал вторично их.

КТО СЛЫШИТ МОЛЧАЩЕГО

Молчащего кто слышать может,
когда его взыскует тыма,
бросая на колени ночью?

Мне в душу тень его проникла,
в моей руке его рука,
а слово — на моих устах.

Ты мною думаешь и дышишь,
во мраке тонущий осинник.
И дрожью я твоей дрожу.

Я сложен из воспоминаний,
я весь из памяти своей.
Сумеюль дальше я так жить?

Создайте лозунг, чтобы спас
меня, но — — —
нены, молчаливы
осина, птица, человек.

ВЫВОД

Здесь нашего нет, но все
по праву нам принадлежит.
Бесцветного времени соль
маской на лицах лежит.

Сорвешь и — мрак, ни луча,
под грудою комьев лишь стон.
Не спрашивай: правда чья?
И не гадай больше: кто?

— Все, — прошептала бы тиши.
— Всех, — так ответил бы мрак.
— Есть я... — робко ты говоришь.
— Аз есмь... — говорю я так.

¹ Предполагается, что в период переселения народов некоторые балтийские племена жили на берегах Дуная. С той поры в литовских народных песнях поется о реках, называемых дунаями (дуноэля). — Прим. переводчика.

ПИР ПЛАТОНА

Да, да, повторяю:
от этого нас не спасут
ни ум и ни знанье,
ни книги, ни лютни... И даже
оливки в твоих вертоградах,

Аполлодор,

ни чары прелестной Медеи,

Алкивиад...

Что, боги? Ты вновь о богах,

Агафон?

Молчу, чтобы их ответом своим

не обидеть.

Друзья, мы пред входом

в пещеру сидим,

темнота бесконечная

в недрах пещеры таится.

Сколько силы позволяют,

поддерживать будем огонь,

только он бытие наше с вами

определяет,

защищает пока что от зверя,

который сидит в темноте

у раскрытого зева пещеры

громадной.

Неизвестно, узнаем ли имя его...

Вечность? Небытие, говорите?

Эй, винч мне, Аристодем!

Покажу,

что есть жизнь. Видишь,

сделал глоток.

Этот жгучий глоток пьет

моими губами

неведомый кто-то.

И бросает нас,

как опустевшую чашу, во тьму.

Только так!

Черт возьми, есть ли еще у нас

кубки?

СТОЛ

Локтями в столешницу врос я.
Да, стол, словно некий идол:
за ним задавал вопросы,
молился, нес жизни иго.

Бывала и радость во взоре,
мой верный четвероногий!
Ах, стол, соты ящиков черных
втянули в себя так много.

Теперь ты наполнен, но пуст я,
когда я веселый — ты грустен.
Порой кулаки даже хрустнут:
толь жизни — неужто искусство??!

Твоя терпеливость бесит,
в ней тупость одеревенела;
ведь столько стреляли
в честность,

что стонет от муки тело.

А ты, судия равнодушный,
хромавший на правую ногу,
как я, был порою послушным
и шел по неверной дороге.

Друг друга судить довольно,
пред идолом слова мы вместе.
Я в жизнь врос локтями до боли,
как в стол, мне служащий честно.

ПЛЕМЕНИ ТИХАЯ ПЕСНЯ

Негромкий гимн племени
плыл через поле,
струился по жизни в колдобинах.
Какое-то слово упало,
возможно,

в плач или песню:

листок в потемневшие воды.

Здесь дети рождались.
И здесь умирали.
Испуганно время обегало
четыре стороны света:
но никого не нашло

из не повстречавшихся с кровью.

И песня в дверь

молотила

винтовкой, слезой, кулаком.

В зрачках у младенца пылала,

вздрагивала пожаром.

И, падая, мы взывали
к старушке-соседке Правде:
— Жива ли ты? Неужели
никто отстирать не сумеет

оскорбленное платье Любви?

И, встав, принялась за работу
племени тихая песня:

... белы руки небельы,

виноваты без вины...

КАРА

Да, я любил,
любил, не отрекаюсь.
Но не настолько,
сколько был любим.

Виновен, что
любовь я не возвысил
и не умножил...

Почему рука
не обняла ни кровь, ни пот,
ни слезы,
зачем мой рот
на пиршество вранья взирал угрюмо,
молча
и бегали глаза трусливо
от безумств постыдных?
Мы задыхаемся
от умолчаний,
сгибает спины
несвершенное.

Но истинный палач наш —
все же тело:
неумолимое,
греховное,
слепое.
Оно одно лишь направленье знает,
и ведома ему одна дорога.
И впрямь виновен:
не возвысил я
любви...
Виновен,
раз за бренным телом
я, как за личным палачом,
иду.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПУЩЕ

1

Оно из семени восходит,
выходит из земли и влаги,
о дерево: оно прекрасно,
оно бессильно, безоружно.

Не говорю: ему не больно,
когда ломаем, рубим, режем,
когда цветущее бросаем
в огонь, возможно, что вернется,
как будто бы с войны...

Ах, утром
заплакала трава, увидев,
как дерево идет, хромая,
опершись на сухой костыль.

2

Зеленая мать пущи склонилась
над зарослями малины, под ними
тропа муравьев, над ними свист
птичий,
цветок земляничный в желтом
обличье —
о, как ты ласкающе входишь во взор,
как страшен сын человечий — топор!

Перевод с литовского
Юрия КОБРИНА.

Окончание. Начало на 18-й стр.

И — поехало. Международная политика! А человек, бегущий по загазованному городу, он что — просто единичка в физкультурном отчете? В какой экологической обстановке он бегает? Нет, от политики никуда не уйдешь... Это Политковский понял давно.

Потом его пригласили в молодежную редакцию, в «Мир и молодежь». А потом родился «Взгляд».

Помню, в передаче, которую вел Политковский после 1 августа 1988 года, впервые в эфире прозвучало, что ограничение подписки — это лимит на гласность. «Взгляд» получил за это по шее. Политические обозреватели целый месяц встречались с полиграфистами, министрами связи и бумажной промышленности и спокойно доказывали телезрителям, что не хватает бумаги, слаба производственная база, нет пятого, десятого. Но «комок», который запустил «Взгляд», покатился дальше. Его подхватили газеты. И оказалось, что можно достать бумагу, найти полиграфическую базу.

Как воспринимать тот материал? Как жареный факт? Погоню за сенсацией? Но ведь о привычных уже лимитах на подписку в прессе никогда не говорили именно как о лимите на гласность. А «Взгляд» заговорил! И главное не то, что «Взгляд» не получил официального письма, мол, вопрос, который вы поднимали, наконец, решен. Главное — решен! И таких примеров немало.

— ...Мне было бы стыдно сейчас выложить перед камерой нижнее индийское белье и учить людей шить шапочки, как два года назад. Если сейчас возьму эти кальсоны и начну из них что-то шить, какой же я тогда буду журналист?.. Влетел в такую серьезную борьбу, такие серьезные темы — и предполагать не мог раньше, что буду ими заниматься, а полгода назад еще не предполагал, что смогу их осилить.

С появлением «Взгляда» телевидение стало у нас более персонифицированным. У «Взгляда» больше потенциала, чем у любого политического обозревателя, даже такого, как Владимир Молчанов. Уровень «До и после полуночи» ограничивается личностью автора. Во «Взгляде» же ограничений в этом смысле нет, потому что в нем много личностей. У Молчанова блестящие журналисты, ему делают хорошие материалы, у него высококлассные клипы, он может все время лидировать, но конкурировать — только с собой. У ребят из «Взгляда» все время бег наперегонки.

Изменения происходят в каждом из тех, кто работает над программой. У некоторых появились признаки «звездной» болезни. Но у кого-то и просто болезни. И уже по месяцу люди лежат в больнице. И Политковский лежал. Но ребята стали увереннее в себе. Помните, как поначалу раздражала во «Взгляде» именно неуверенность? Трое ребят сидели перед камерой и не знали, как говорить и что. Они произносили какие-то слова, это была связная речь диктора или политического обозревателя. Но как только они стали говорить то, что думают, не боясь ошибиться, когда у них действительно появился свой — личный — взгляд, они стали интересными, а передача — настоящему публицистичной.

— Меняется все. И стены, и люди, и наше начальство. Но вот в последнее время появилась странная тенденция — как можно больше контролировать то, что происходит в эфире. Боясь, что нас ведут в хорошо отредактированному спектаклю в эфире. Но ведь не время нам пятиться назад!..

Нет, не время.

Лидия АЛЕКСАНДРОВА

Василий Малышев. «Избранные фотографии».

Альбом, вышедший в издательстве «Планета», объединяет более двухсот фотопортретов. Лица людей... Разных людей, но больше — представителей интеллигенции: академиков, писателей, режиссеров, актеров. Именно они определяют, если можно так выразиться, зрительный круг старейшего мастера фотографического портрета.

Малышев хранил верность постановочной фотографии. Именно этим и объясняется тот факт, что в альбоме преобладают снимки людей науки, творческого труда.

Он соглашался с тем, что в репортажном портрете больше достоверности, выразительнее динамика. Но добавлял: «В репортажной съемке человек не снимается, его снимают, и чаще всего тогда, когда он об этом не знает. Таким образом, этот портрет как бы подсмотрен фотографом. Общение между автором и объектом здесь исключено». А такое общение, считал мастер, необходимо. И достигается оно, конечно, не в результате конвейерного «Внимание — снимаю!», а через отвлеченную сюжетную беседу, в поиске, нащупывании человеческого «стержня», неповторимой индивидуальности. Только так, в студийной съемке, можно сохранить естественное положение фигуры и живое выражение лица. Так считал Малышев.

Портрет, сделанный едва ли не в любом ателье в конце прошлого — начале нынешнего века, вплотную приближается к подлинному искусству. Вспомним хотя бы дагерротипы из старых семейных альбомов, снимки в изящных рамках, украшавшие квартиры горожан. И смысл портретов предков, родных и друзей, с дарственными надписями прямо на фото, был не только в том, чтобы украсить стены, но в том, чтобы приблизить отсутствующих, окружить себя портретами дорогих лиц, обогатить себя высоким чувством памятливости.

Увы, эта нравственная национальная традиция сейчас едва теплится. Как-то незаметно утвердили мы сообща, что фотографии на стене бабки, деда, не говоря уж о близком товарище, — дурной вкус, признак сентиментального мещанства, а то и дурное наследие «ихних благородий», кичившихся какой-то там генеалогией. Мол, у рабочих и крестьян и родство рабоче-крестьянское, как бы с нуля все начинается. Смахнули со стен портреты близких и страшные тридцатые годы. Да как чудовищно: сын за отца не отвечает...

Фотографии почти исчезли со стен наших квартир. Рамку купить и то проблема. Да и портретная фотография, ее искусство подешевели. Старые фотографии наклеивались на паспорт каким-то необыкновенным kleem. Нынешние хранятся в домах в кулях, постепенно желтят, несмотря на химический прогресс, раутятся, теряются — словом, ценны не имеют.

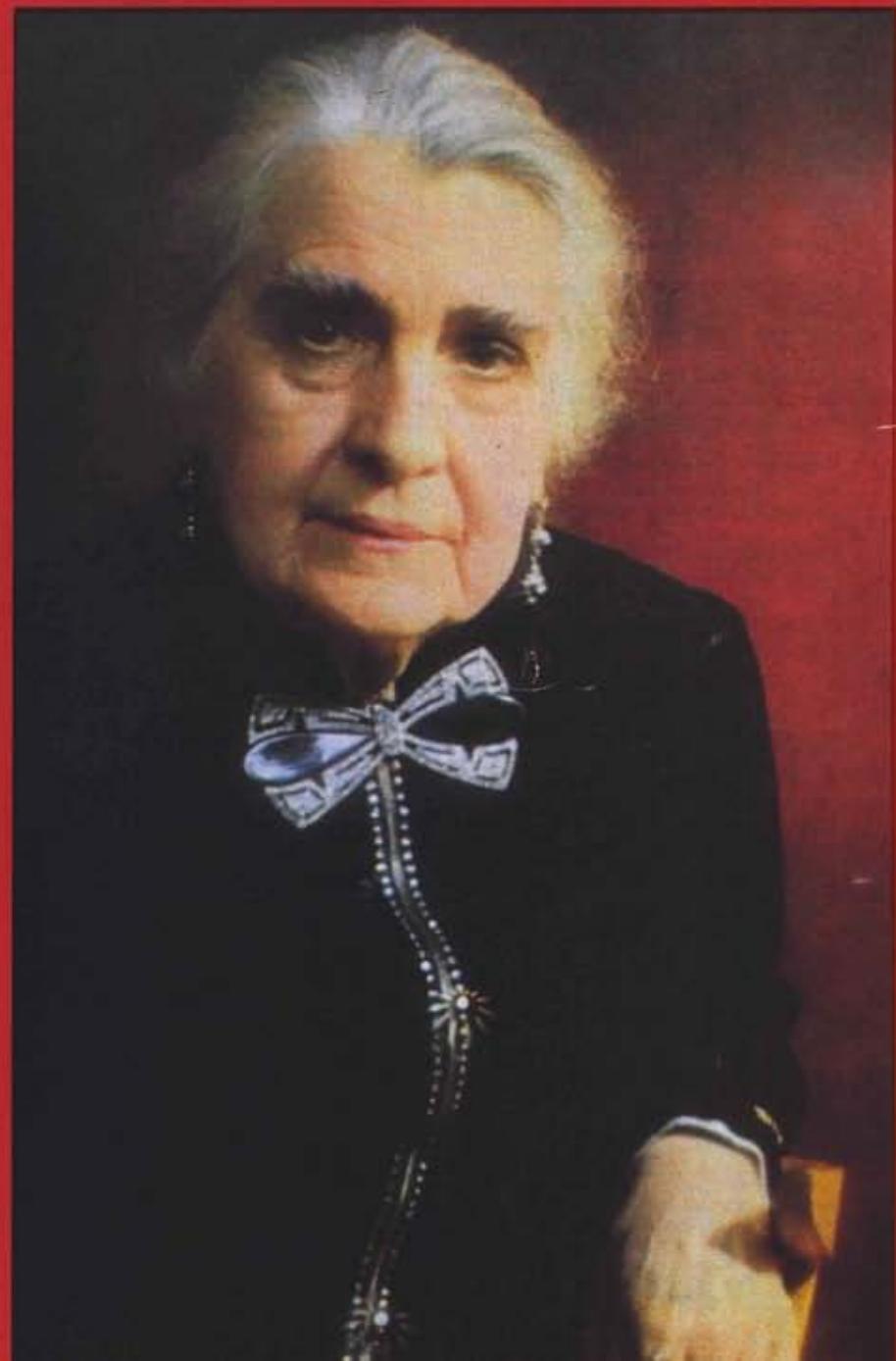
Замечено, что вещи переживают человека. Боюсь, что фотографии детей, особенно цветные, сделанные, например, современным «Полароидом», выцветут раньше, чем ребята пойдут в школу.

Вернуть фотографическому портрету его техническое и художественное достоинство, вернуть сам портрет в сферу постоянного человеческого обитания не блажь, но благо. Ведь как важно, чтобы далекие черты не только деда, но и прадеда, и пра-прадеда таились не в полуваренных пакетах или неопрятных альбомах, в былии-блажи, в пространстве людского бытия и чтобы не раз, не два спохватывался, глядя в далекие глаза, и стар, и млад во всяком доме: погоди-ка, а так ли я живу? То ли думаю? Не измельчали ли до стыдности перед памятью и делами предков — дальних и близких? Разве портрет близких не укор человеческой совести, если, конечно, она есть?

Но вернемся к альбому покойного мастера Василия Алексеевича Малышева. Начав в поры военных, отмечавших далекую дорогу Великой Отечественной, был он, как и все, сыном своего времени.

Своевобразной внутренней осью книги мне представляются два

1975

Вы предложили откликнуться на публикацию («Смена» № 5) профессиональным военным. Я 17 лет прослужил на боевых кораблях Северного флота и обо всем написанном в статье знаю не понаслышке. Попробую преподнести вам свою точку зрения на те негативные явления, которые ныне загнаны в глубину флотской жизни. Смещение акцентов началось на рубеже 60-х и 70-х годов, когда без явной необходимости начал резко увеличиваться штат политработников. Морские училища их в то время практически не готовили, поэтому, всячески раздувая заслуги «великого комиссара» Отечественной войны Л. И. Брежнева, политапарат призвал всех «сознательных» офицеров оценить свои возможности и способности и предложил сменить военную профессию. Желающих нашлось достаточно. На моем корабле замполитами двух ведущих боевых частей оказались интенданты, которые на своих кораблях едва избежали демобилизации с флота за различные нарушения, а парторгом самого современного в те годы на ВМФ корабля — механик вспомогательного флота. В эту когорту не пошли ни умелые ракетчики, ни опытные штурманы. В то время не было еще ясно сформулированных концепций политработы в низовых подразделениях, целей и задач развернувшейся уже в то время «борьбы». Новый контингент политапарата не обладал даже минимумом политических и педагогических знаний и навыков. Началась самоактивность.

В год 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Северный флот подхватил 14 починов, шедших сверху и снизу. Столько же раз переписывались социалистические обязательства под новыми девизами. Началась безудержная гонка за показателями. Мы соревновались за то, чтобы пройти как можно больше миль на сэкономленном топливе, которое никто не считал. Стремительно росло число отличников и классных специалистов, превышающее даже арифметически допустимое количество матросов. Рождались немыслимые и неосуществимые планы партийно-политической работы, невероятные и надуманные формы воспитания, множились письменные отчеты о никем не проделанной работе. В короткий срок политапарат овладел всеми аспектами корабельной службы настолько, что началось фактическое двоевластие. С одной стороны — власть командиров, с другой — более могущественная власть политаппарата. Судите сами: на экипаж в 320 человек оказалось 6 политработников — целый район. Должности, которые раньше занимались по совместительству, оказались заняты людьми освобожденными. В короткий срок они «взвалили» на свои плечи распределение жилплощади, заняли лучшие каюты, принимали пищу в кают-компании в первую смену, ежедневно ходили домой, то есть приобрели те блага, о которых остальные офицеры могли только мечтать. До сих пор у этой категории лиц нет только одной обязанности — конкретного места на корабле по боевой тревоге. Конечно же, такое положение не могло не расстроить офицерский коллектив.

Служба на корабле перестала быть романтической, все чаще о ней говорят с раздражением. Характерный факт: раньше большая часть матросов еще долгое время поддерживала связь с кораблем после увольнения в запас. Моряки писали командрям письма, рассказывали, как устроились на гражданке, писали наказы молодежи: «Саша, не забывай каждую неделю доливать масло в насос, и он еще прокрутится без стука до твоего ДМБ...» Это про тот насос, который уходящий в запас трюмный машинист в последний раз любовно вычистил, смазал и передал новой смене. Увы, в последние годы я о таких письмах почти не слышал.

О престиже. В Вооруженных Силах, как ни где, пустили глубочайшие корни протекционизм и семейственность. Никакие красивые слова о военных династиях уже

давно не могут скрыть истинного положения дел. Мне приходилось встречать огромнейшую плеяду отпрысков, включавших и внучатых племянников Брежнева и сыновей наших военачальников. Я бы разделил их на две категории. Первая: те, кому уготована судьба отслужить на кораблях три — пять лет, получить некий «корабельный ценз» и быть переведенными в части центрального подчинения (Москва, Ленинград, НИИ и пр.). Вторая: те, кому суждено пройти значительную часть службы в войсках и на флоте под неусыпным оком покровителей. Последние следят не только за своевременным или досрочным присвоением званий и продвижением по служебной лестнице своих протеже, но и продвигают тех, на чье место они должны сесть. лично я примеров протекции по обеим категориям могу привести не один десяток только по Северному флоту. Какое же настроение у тех офицеров, чей папа просто рабочий или колхозник? Поверьте, противно видеть рядом с собой барчука, которому с неба падает то, что другимается потом и кровью. Какое уж тут желание служить добровольно! Ведь знаешь, что в той пирамиде — от главкома до лейтенанта — тебе все равно достанется место не выше середины. Поэтому все чаще офицеры с тремя-четырьмя звездочками на погонах пишут рапорты с просьбой об увольнении в запас. Но это не так просто; в наших законах даже нет понятия «увольнение в запас по собственному желанию». Отчаявшиеся совершают противоправные действия, лишаются партийных билетов, проходят суды чести и все равно уходят.

Вооруженным Силам нужна радикальная реформа. Для перехода на вольнонаемную систему страны пока создать условий, на мой взгляд, не может, однако двигаться в этом направлении необходимо. Я не экономист, но могу поспорить с противниками такого перехода по чисто финансовым моментам. Стоимость устранения последствий аварий и поломок по вине экипажей кораблей не меньше величины зарплаты нынешнего числа военнослужащих. Добавим к ущербу от аварий стоимость боезапаса, истраченного на обучение молодежи, стоимость выпущенных ракет, не дошедших до цели по вине неумелых операторов. Переход к профессиональному армии можно совместить с увеличением продолжительности службы офицеров в должности и получить тем самым скрытое сокращение численности этого контингента с повышением пенсионного возраста хотя бы младшего и среднего офицерского состава. При этом сократится количество учебных подразделений для солдат. Народное хозяйство получит большее количество молодых рабочих рук.

С другой стороны, переход на профессиональную армию потребует непомерного жилищного строительства, с которым флот и сейчас не справляется. Увеличиваются масштабы «скрытой» безработицы за счет притока членов семей.

Тем не менее надо уже сейчас создать в порядке эксперимента ряд подразделений на профессиональной основе. Легче всего это сделать на атомных подводных лодках, в ракетных войсках стратегического назначения. Они уже во многом профессиональные...

Как обеспечить правовую защищенность военного в условиях единонаучия? Могу ответственно сказать, что юридическая незащищенность нет, также нет и единонаучия. Есть правовая безграмотность, есть круговая порука, есть безответственность.

Должен сказать, что в отличие от принимаемых ныне в государстве законов воинские законы и уставы гораздо более совершенны. Другое дело, как и кем они выполняются. От самодурства защиты нет, так как любой командир может изничтожить подчиненного в «строгом соответствии с уставными требованиями».

В. БАУДЕР,
капитан-лейтенант, Ленинград

1940

портрета прославленной актрисы Е. Н. Гоголовой. Первый снимок сделан в 1940 году. На груди — три знака лауреата Сталинской премии. Во взгляде — уверенность состоявшегося таланта, сама фигура несколько напряжена, что ли. Словом, человек несет в себе какую-то тайную готовность, и нам остается гадать, что именно в этом смешении уверенности и напряженности. Второй портрет Гоголовой сделан спустя тридцать пять лет. Многое изменилось за эти годы... Спокойная умиротворенность, усталость взгляда, отсутствие аксессуаров, свидетельствующих о профессиональном признании, хотя, мы знаем, их заметно прибавилось. И еще отсутствие той готовности, которая так бросалась в глаза на первом снимке. Да, контраст между вершинами славы и мудрости разителен. Особенно если речь идет о большом художнике.

Да простишь мне этот калибр, но человек с объективом всегда объективен, и если по прошествии времени мы обсуждаем дух той или иной работы, то мы не должны распространять это ощущение на самого фотографа. Стиль и смысл его работы — это стиль и смысл времени, в которое он снимал.

Коллективный портрет жизнерадостных девушек, датированный 1938 годом, и портрет лесоруба года сорокового, колхозницы в том же году... Безмятежность улыбок, беззадумчивая уверенность этих людей напоминают декорации, прикрывающие и бедность, и неуверенность, и неизвестность завтрашнего дня...

Мы все сильны, конечно, задним умом. Но принеси фотограф портрет с признаками печали, безысходности

и трагизма в ту пору — какая редакция, какая выставка пустила бы такие чувства на свой порог?

Конечно, человек интеллектуального труда более предрасположен к имитации разнообразных состояний. И это опять же не обвинение, а лишь констатация существующего положения вещей. Жанр постановочного портрета имеет, так сказать, и свои «внутренние» ограничения. Вряд ли человек, приготовивший к портретной съемке, способен смоделировать чувства трагические, драматические. И портреты жизнерадостной девушки в красном платье и украинской расшитой кофточке на фоне красных цветов или трактористки в красном же костюме с геройской звездочкой, пауретским знаком и депутатским флагом неспособны вызвать каких-либо других чувств, кроме недобрых воспоминаний о лживоулыбчивом благополучии эпохи застоя.

Документ прошлых десятилетий. Задумчивость и глубина, психологизм и характерность портретов последнего времени — свидетельство раскрепощения человеческой личности, расширения гаммы личностных чувствований. И это несомненный факт перемен, происходящих в обществе.

Альбом фотографа В. А. Малышева — это строка нашей жизни, калейдоскоп человеческих индивидуальностей и безликости страшных лет... Но и сиюминутность иногда обобщается обобщением, и тогда рождаются фотографии, сходные с лучшими живописными портретами...

Впрочем, живопись и светопись — а именно так называлась фотография — сходны в своих лучших образцах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Через дверь, соединяющую кабинет Мейсона с приемной, вошла Делла Стратт. Глаза ее искрились.

— Он здесь, шеф, — сообщила она.

— Кто? — хмуриясь, спросил Мейсон.

Секретарша засмеялась.

— Не надо хмуриться. Нашу контору сейчас может интересовать лишь один мужчина.

— Дейн Гроувер?

— Конечно.

— Каков он из себя?

— Высокий и, судя по внешности, чувствительный. Волнистые темно-каштановые волосы, мечтательный взгляд, в нем есть что-то поэтическое. Разумеется, он ужасно переживает.

Секретарша вышла и через несколько мгновений ввела в кабинет Дейна Гроувера. Мейсон пожал гостю руку и пригласил его сесть. Гроувер сомнением посмотрел на Деллу Стратт. Адвокат улыбнулся.

— Эта женщина, Гроувер, моя правая рука. Она записывает мои мысли, а свои держит при себе.

— Боюсь показаться вам чересчур впечатлительным, — заговорил Гроувер, — но я терпеть не могу снисходительности, нравоучений или соболезнований.

Мейсон кивнул головой.

— После того как вышли сегодняшние газеты, — продолжал посетитель, — мне всюду мерещатся все эти оттенки отношения ко мне.

Адвокат снова кивнул.

— Однако я пришел заверить вас, что не сдам своих позиций.

Услышав это, Мейсон немного задумался и посмотрел Гроуверу прямо в глаза.

— Как долго продержитесь?

— До самого конца.

— Невзирая на факты?

— Ваши факты говорят о том, что любимая мною женщина состояла в содружестве у Карвера Клементса. Значит, это не факты, а ложь. Я, к вашему сведению, люблю Фей и не отступлюсь от нее, так ей и передайте. Вам остается лишь брать у меня деньги. Вы не должны останавливаться ни перед чем и расплачиваться деньгами — всеми деньгами, которые могут вам понадобиться.

— Прекрасно, — ответил Мейсон, — хотя моральная поддержка — прежде всего; теперь я могу сообщить Фей Эллисон о вашей верности. Кроме того, мне нужны некоторые факты.

— Какие?

— Например, сколько времени вы встречались с Фей Эллисон?

— Порядка трех-четырех месяцев. До этого я... Ну, вроде бы ухаживал за обеими девушками сразу.

— Вы имеете в виду Аниту Бонсал?

— Да. Сначала я познакомился с Анитой и некоторое время встречался с ней, затем с ними обеими, но позже стал тяготеть к Фей. Я думал, что встречаюсь с ней просто так, а на самом деле влюблялся в нее все сильнее и сильнее.

— А как Анита реагировала на это?

— Во всей этой истории никто бы не смог проявить больше благородства, чем Анита. Она обещала сделать для Фей все, что в ее силах.

— Могла ли Фей Эллисон сожительствовать с Карлом Клементсом?

— Физическая возможность у нее была, если вы это имеете в виду.

— Вы не каждый вечер с ней встречались?

— Не каждый.

— А что думает Анита?

— Она считает это обвинение просто смехотворным, совершенно абсурдным.

— Вы случайно не знаете, могла ли Фей Эллисон иметь доступ к цианистому калию?

— Об этом как раз я и хотел вам рассказать, мистер Мейсон. Этим ядом пользуется мой садовник, не знаю точно, для каких целей. На днях, когда он водил мою невесту по саду...

— Да, да, — нетерпеливо проговорил Мейсон, видя, что Гроувер замялся, — продолжайте.

— Так вот, садовник в моем присутствии объяснял ей что-то об этом веществе. Он предупредил ее, чтобы она не притрагивалась к мешку с цианистым калием, и, помнится, Фей задала несколько вопросов о применении этого яда, но я не очень внимательно слушал их разговор. Цианистый калий используют, кажется, для опрыскивания растений.

Эрл Стенли ГАРДНЕР

ДЕЛО ОБ ОТПОЧОТКЕ ИД

— Кто еще присутствовал при этом разговоре?

— Только мы трое.

— Ваш садовник читал газеты?

Гроувер утвердительно кивнул.

— На него можно положиться?

— Лично я доверил бы ему даже собственную жизнь. Он чрезвычайно нам предан — работает у нас лет двадцать.

— Как его зовут?

— Барни Шефф. Моя мать приняла большое участие в его судьбе, можно сказать, перевоспитала его.

— У него были неприятности?

— Да.

— Сидел в тюрьме?

— Совершенно верно.

— А потом что?

— Потом вышел на свободу, моя мать предоставила ему эту работу, и с тех пор он безмерно предан нашей семье.

— У вас имеется оранжерея?

— Конечно.

— А вы досконально исследовали возможность выращивания орхидей?

— Нам нет нужды выращивать орхидеи, мы их покупаем и...

— Меня интересует, — повторил адвокат с прежней интонацией, медленно произнося слова, — досконально ли вы изучили возможность выращивания орхидей в вашей оранжерее?

— Я же вам ответил, что мы...

— Досконально ли вы изучили возможность выращивания орхидей? — снова произнес адвокат.

— Вы имеете в виду... А-а, вы хотите, чтобы я отоспал Барни...

— Тщательно изучить возможность разведения орхидей.

Дейн Гроувер в течение нескольких секунд молча смотрел на Мейсона, затем резко поднялся с кресла и полез в карман со словами:

— Я принес немного денег и думаю, что вам они понадобятся.

Он небрежно бросил на стол конверт.

— А что по этому поводу думает ваша матушка? — поинтересовался адвокат.

Гроувер облизнул пересохшие губы и сжал челюсти так, что его рот вытянулся в прямую линию.

— Мать, — наконец произнес он, — естественно, испытывает смятение. Однако я полагаю, что сейчас не время разбираться в ее чувствах. — С этими словами он вышел из кабинета.

Мейсон взял в руки оставленный Гроувером конверт — он был набит стодолларовыми банкнотами. Делла Стратт приблизилась к шефу, чтобы забрать деньги.

— Я настолько растрогалась, что совершенно забыла посчитать задаток, — сказала она. — Вот уж не думала, что могу так безнадежно впасть в сентиментальность! Сколько там, шеф?

— Предостаточно, — ответил Мейсон.

Делла Стратт пересчитывала деньги, когда на ее столе резко зазвонил телефон. Она сняла трубку и услышала голос Дрейка:

— Привет, Пол, — отозвалась она.

— Приветик, Делла. Перри у себя?

— У себя.

— Хорошо, — утомленным голосом продолжал

Дрейк. — Сообщают о результатах проделанной работы. Передай Мейсону, что лейтенант Трэгг зацепил садовника, работающего у Гроуверов, — чудака по фамилии Шефф. Его задержали как важного свидетеля. Полицейские вне себя от радости, но я так и не смог узнать, что же именно они раскопали.

Прижал трубку к уху. Делла Стратт застыла у стола.

— Алло, алло! — закричал Дрейк. — Ты слышишь меня?

— Слышу. Я передам ему, — ответила Делла и повесила трубку.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В десятом часу вечера Делла Стратт снова вошла в скоростной лифт, расписалась в журнале и мигом взлетела на этаж, где находилась адвокатская контора Перри Мейсона.

Сыскное агентство Дрейка размещалось рядом с адвокатской конторой. Оно было открыто круглые сутки, и в этот поздний час сквозь продолговатую полоску матового стекла на его двери пробивался свет; за этой простой, ничем не примечательной дверью скрывался целый лабиринт помещений, в котором даже ночью не прекращала кипеть работа.

Делла Стратт хотела было заглянуть к Полу Дрейку, но передумала и продолжила путь по скучно освещенному коридору, оглашавшему его торопливым стуком каблучков. За поворотом она увидела, что у Мейсона тоже горит свет. Делла отомкнула приемную и, пройдя через нее, открыла дверь кабинета Мейсона.

— Хэлло, шеф, не могу ли я чем-нибудь помочь?

От неожиданности адвокат вздрогнул и, увидев ее, спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Я подумала, что вы работаете и, может быть, нуждаетесь в моей помощи.

Он улыбнулся.

— Я не работаю, Делла. Я бегаю по кабинету в поисках выхода, как зверь в клетке.

— Обедали?

Он взглянул на свои наручные часы:

— Нет еще.

— А сколько сейчас времени? — поинтересовалась Делла.

Чтобы ответить ей, адвокату снова пришлось взглянуть на часы.

— Девять сорок.

Секретарша рассмеялась.

— Я знала, что когда вы в первый раз посмотрели на часы, то ничего не увидели. Будет вам, шеф, пора поесть. Дело от вас не убежит.

— Лично я не очень в этом уверен,— усомнился Мейсон.— Мне звонила сегодня Луиза Марло — она уже виделась с Дейном Гроувером и познакомилась с его матерью. Ей Гроувер тоже сказал, что не сдаст своих позиций. Откуда ему знать, как он поступит? Сейчас из тайных глубин души станут всплывать неведомые качества его характера. Друзья и родственники своим сочувствием непрестанно поворачивают нож в его душевной ране, в каждом их взгляде ему мерещатся насмешки и немое осуждение. Откуда, черт побери, этот молодой человек может знать, как он в конце концов поступит? Сдаст он свои позиции или не сдаст — этого сейчас никто не может сказать!

— И все же,— возразила Делла Страт,— нужно надеяться, что он достойно выдержит это испытание.

— Вы говорите так, чтобы прогнать пессимистические мысли,— сказал Мейсон.— Мне это знакомо — не раз приходилось разглагольствовать перед присяжными в подобном ключе. Но можно ли всерьез уповать на закалку души, на очистительную силу превратностей судьбы? Надеяться на то, что столкновение с реальностями жизни сгонит с него жирок обеспеченного самодовольства? Какая чепуха!

Секретарша слабо улыбнулась.

— Парень испытывает муки обреченного на смерть,— продолжал Мейсон.— Подумать только! Женщина, которую он любит, в ночь накануне свадьбы неудачно пыталась выбраться из мерзких объятий мужчины, дававшего ей деньги и определенное чувство уверенности в жизни.

— Шеф, вам непременно следует поесть.

Адвокат подошел к столу.

— Посмотрите на это,— сказал он.— Фотографии! Дрейк с жутким трудом раздобыл их — это копии снимков, сделанных полицейскими экспертами. Видите — тело на полу, стакан на столе, опрокинутый стул, до половины просмотренная газета на журнальном столике. Средней руки, заурядная квартирка, такая же грязновато-пошальная, как и те гнусные делишки, которыми в ней занимались. И среди этих фотографий я должен отыскать свидетельство невиновности женщины; я должен доказать не только ее непричастность к убийству, но и то, что она неповинна в измене мужчине, которого любят.

Мейсон перешел к другой стороне стола, взял лупу, прислоненную к пресс-пальце, и принялся рассматривать фотографии.

— Черт возьми, Делла,— сказал он.— Я полагаю, что нужное доказательство находится где-то здесь: этот усеянный отпечатками пальцев Фей Эллисон стакан на столе, остатки виски на дне стакана и этот бесстыдный ярко-вишневый след поцелуя на лбу!

— Свидетельствующий о том, что рядом с Клементом перед его кончиной находилась женщина.

— Необязательно. Это пятно помады — прекрасный отпечаток пары губ. На губах покойного следов помады не обнаружено. Кто угодно мог напомадить себе губы и, когда яд начал действовать, припечатать их ко лбу Клементса, чтобы этой хитростью отвлечь от себя подозрения. Это мог быть и мужчина, знаяший, что какая-то женщина имела обыкновение навещать Клементса в его квартире. Помада настолько явно указывает на женщину, что кажется мне подозрительной. Если бы я только знал, с чего здесь начать, и если бы в моем распоряжении было побольше времени!

Секретарша подошла к столу. Прохладные кончики ее пальцев осторожно прикоснулись к векам адвоката.

— Перестаньте,— сказала она.— Пойдемте лучше поедим. О деле можно поговорить и за обеденным столом.

— А вы разве не обедали?

Она улыбнулась и покачала головой.

— Я знала, что вы будете работать допоздна и, если никто не придет вам на выручку, чего доброго, пропадаете здесь из угла в угол до двух, а то и до трех ночи. Дрейку удалось что-нибудь разузнать?

Она собрала в стопку фотографии и накрыла их аккуратно сложенными листками рисовой бумаги, положив сверху пресс-пальце.

— Идемте, шеф, я умираю от голода.

Мейсон подошел к стенному шкафу. Делле пришлось привстать на цыпочки, чтобы подать ему пальто. Адвокат взял шляпу, выключил свет и вместе с Деллой Страт вышел в коридор.

В отдельном кабинете их излюбленного ресторана Мейсон отодвинул тарелки с остатками толстого бифштекса, румяной картофельной соломки, обжаренных и промасленных ломтиков французского батона и салата из помидоров, подлил себе кофе и сказал:

— Дрейк не очень-то много раскопал — всего лишь биографические сведения.

— Какие, например?

— Старая, как мир, история,— ответил Мейсон.—

Семейный раздор, супруги, не могущие прийти к соглашению. Жена — Марлин Остин Клементс — по-видимому, вступила в брак, не устояв перед стремительным натиском Карвера Клементса, жаждавшего заполучить ее. Она не предусмотрела того, что свою стяжательскую, хищно-агрессивную хватку он не преминет использовать для приобретения других аппетитных объектов. Марлин осталась практически одинокой. Тяжка цена, которую женщины платят, выходя за мужчин подобного sorta.

— Ну и что же дальше?

— А дальше,— продолжал Мейсон,— по прошествии определенного времени у Карвера Клементса обнаружились новые интересы. Черт побери, Делла, в этом деле имеется один факт, который хоть чем-то может нам помочь, один-единственный факт — у Клементса не оказалось ключа от квартиры. Помните ту четверку людей, которая встретилась нам в коридоре? Ведь попали же они каким-то образом в это здание! Не забудьте, что входная дверь была заперта на замок. Любой из жильцов мог отомкнуть им парадную дверь, нажав в своей квартире кнопку электромагнитного привода этого замка. Но если никто из жильцов не нажимал такую кнопку, значит, чтобы попасть в дом, посетители должны были иметь с собой ключ. Эти четверо очутились в доме. Каким образом? Независимо от того, что они сейчас говорят, один из них должен был иметь при себе ключ от входной двери дома.

— Пропавший ключ?

— Это мы как раз и должны выяснить.

— А что они сказали полиции?

— Этого я не знаю. Их показания строго засекречены. Мне во что бы то ни стало нужно заполучить хотя бы одного из этой четверки для перекрестного допроса на суде. Тогда по крайней мере у нас появится хоть какая-то отправная точка.

— Значит, вы попытаетесь протолкнуть дело на предварительное слушание и будете строить защиту, не имея никаких фактов, свидетельствующих в нашу пользу?

— Примерно так.

— Возможно ли, что в сумочке Фей Эллисон мы с вами обнаружили тот самый ключ, который пропал у Карвера Клементса?

— Все может быть. В таком случае либо Фей Эллисон действительно сожительствовала с Клементсом, либо ключ ей подбросили. Но когда он был подброшен и кем? Я склонен полагать, что ключ Клементса находился при нем в момент его смерти. Но когда прибыла полиция, ключа уже не было. Это и есть тот понастоящему значительный факт, от которого мы должны танцевать.

Делла Страт с сомнением покачала головой.

— Боюсь, вам придется очень нелегко, но тут уж, видимо, ничего не поделаешь.

Мейсон закурил сигарету.

— Обычно я изо всех сил тяну время, Делла, но боюсь, что в данной ситуации время — наш враг. Поэтому нам ничего не остается, как войти в зал суда, изображая на лице несокрушимую уверенность в своих силах, и выудить из малюсенькой шляпки здоровенноногого кролика.

Секретарша улыбнулась.

— Но где же нам взять этого кролика, шеф?

— Вернемся в кабинет,— ответил адвокат,— будем изучать фотографии в поисках ключа к нашей загадке и...— Мейсон внезапно замолчал и сосредоточенно нахмурился.

— Над чем задумались, шеф?

— Я подумал вот о чем. На столе в квартире Клементса стоял стакан, в котором оставалось немного — на донышке — виски с содовой, не более двух чайных ложек.

— Ну и что? — не поняла секретарша.

— А что происходит, когда вы пьете шотландское виски с содовой?

— Ну... В стакане всегда остается немного виски.

Мейсон покачал головой, его глаза возбужденно блестели.

— На донышке остаются кубики льда,— уточнил он.— Спустя некоторое время они тают, и в стакане образуется слой воды толщиной примерно в дюйм.

Секретарша передалась возбуждение адвоката.

— Выходит, льда в стакане женщины не было?

— Как не было его и в стакане Карвера Клементса, а между тем на столе находился термос, доверху наполненный кубиками льда. Вставайте, Делла, нам пора возвращаться в кабинет и по-настоящему изучить наши фотографии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Судья Рэндолф Джордан занял свое место и постучал молотком, призывая присутствующих к тишине.

— Слушается дело по обвинению Фей Эллисон,— объявил он.

— Мы готовы к защите,— отозвался Мейсон.

— Готовы к обвинению,— доложил уполномочен-

ный окружного прокурора Стюарт Линн, считавшийся одним из лучших обвинителей.

Это был крайне осмотрительный человек с худощавым лицом и суровым взглядом. Он обладал расчетливым интеллектом бухгалтера, энциклопедическими знаниями в области юриспруденции и бездушной жестокостью стального капкана.

Линн прекрасно знал о феноменальной находчивости своего противника и относился к Мейсону с осторожностью боксера, выступающего на ринге против чемпиона в тяжелом весе.

— Вызовите доктора Чарлза Кина,— попросил он.

Доктор Кин представился как врач и хирург, являющийся опытным патологом-анатомом и специалистом по судебно-медицинским аутопсиям, в частности насилиственными умерщвленными людьми.

— Десятого числа сего месяца вы имели возможность осматривать труп в квартире 702 дома, носящего название «Мандрагора»?

— Да, имел.

— В какое время суток?

— Примерно в два часа ночи.

— Что вы обнаружили?

Тело мужчины приблизительно пятидесяти лет от роду, совершенно лысого, но в остальных отношениях весьма хорошо сохранившегося для своего возраста. Тело располагалось на полу, при этом голова была обращена к входной двери, а ноги — внутрь квартиры, левая рука оказалась согнутой и находилась под корпусом, а правая была выброшена вперед. Смерть наступила в промежутке между семью и девятью часами вечера. Затрудняюсь более точно определить время, но она наступила именно в указанный период.

— И вы определили причину смерти?

— Я сделал это позже, а не в ходе первоначального осмотра.

— Что же послужило причиной смерти?

— Отравление, вызванное приемом внутрь цианида калия.

— Вы заметили что-либо необычное во внешнем облике умершего?

— Вы имеете в виду пятно губной помады?

— Именно его.

— На верхней части лба умершего имелось красное пятно, нанесенное сильно напомаженным губами, которые были прижаты ко лбу в несколько сморщенном виде.

— Вы хотите сказать, что кожа лба была наморщена?

— Нет,— улыбнувшись, возразил доктор Кин.— Я хочу сказать, что сморщеные были сложенные для поцелуя губы, как если бы какая-нибудь женщина прикоснулась ртом ко лбу покойного для последнего поцелуя. Губная помада находилась на верхней части лба, где кожа черепа не имеет складок или морщин.

— Задавайте вопросы,— предложил Мейсону Линн.

— У защиты нет вопросов,— ответил адвокат.

— Вызовите Бенджамина Харлана,— попросил Линн.

Место для дачи свидетельских показаний занял толстый, неуклюжий гигант с добродушной улыбкой на лице и быстро представился как эксперт по дактилоскопии с почти двадцатилетним стажем работы.

Хорошо продуманными, ловко сформулированными вопросами Линн заставил его рассказать о событиях интересующей суда — об осмотре тела, о поисках латентных следов пальцев в квартире, об отсутствии следов на стакане, который обвинение назвало «орудием убийства», и о том, как на стоявшем на столе стакане, названном «орудием завлечения», на зубной щетке, тюбике зубной пасты и некоторых других предметах были найдены латентные следы пальцев, полностью идентичные отпечаткам, взятым у обвиняемой Фей Эллисон.

Затем Харлан опознал все сделанные полицией снимки, показывающие положение тела в момент его обнаружения, обстановку квартиры, стол, опрокинутый стул, «орудие убийства» на полу, «орудие завлечения» на столе, бесспорно, носящее свежие следы пальцев Фей Эллисон, бутылку виски, сифон с содовой и наполненный кубиками льда термос.

— Может задавать вопросы свидетелю,— с торжествующим выражением на лице разрешил Мейсону Линн.

— У вас почти двадцатилетний стаж работы в области дактилоскопической экспертизы, мистер Харлан,— обратился адвокат к эксперту.

— Совершенно верно.

— И вы являетесь специалистом по идентификации?

— Да, сэр.

— Вы слышали показание доктора Кина относительно пятна помады?

— Конечно, сэр.

— На фотографии, которую я передаю вам, видно именно это пятно?

— Да, сэр. Кроме того, у меня имеется фотография, на которой это пятно снято крупным планом. Я самолично сделал снимок особой камерой, используемой

мною для подобных съемок. У меня с собой есть экземпляр фотографии, если это вас интересует.

— Очень интересует,— ответил Мейсон.— Вы можете предъявить его?

Харлан достал из портфеля фотографию; изображение отпечатка губ на лбу мертвца оказалось очень четким, были видны мельчайшие детали.

— Каков масштаб изображения? — поинтересовался адвокат.

— Один к одному,— пояснил Харлан.— Я рассчитал шкалу расстояний, с помощью которой могу получать изображение точно в натуральную величину.

— Благодарю вас,— сказал Мейсон.— Мне хотелось бы приобщить этот снимок к делу в качестве вещественного доказательства.

— Не имею возражений,— откликнулся Линн.

— Скажите, ведь правда, что мелкие линии, изображенные на этом снимке, в такой же степени индивидуальны, как петли в завихрениях дактилоскопического рисунка?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Я хочу обратить внимание вот на какой момент: экспертам в области дактилоскопии хорошо известно, что мелкие морщинки, образующиеся на губах человека, являются столь же индивидуальными, отличительными признаками, как и папиллярные линии пальцевого отпечатка.

— Ну, положим, это не общеизвестная истинка.

— Но все-такистина?

— Да, сэр, это факт.

— Таким образом, измерив расстояние между мелкими линиями на фотографии, которые соответствуют морщинкам на кожном покрове губ, можно с такой же достоверностью определить принадлежность этого следа помады, как и опознать человека по оставленному им отпечатку пальца?

— Да, сэр.

— Вы только что заявили, что у обвиняемой сняты отпечатки пальцев, которые вы сравнили с отпечатками, обнаруженными на стакане.

— Точно так, сэр.

— А вы не пытались взять отпечаток ее губ и сравнить его с отпечатком на лбу покойного?

— Нет, сэр,— ответил Харлан, смущенно взирая на скамье.

— Могу я спросить, почему?

— Ну, во-первых, мистер Мейсон, тот факт, что линии морщинок на губах сугубо индивидуальны, не является общеизвестным...

— Но вам-то он известен?

— Конечно, сэр.

— И наиболее квалифицированные представители вашей профессии знают о нем?

— Разумеется, сэр.

— Так почему же вы не взяли отпечаток губ у моей подзащитной?

Харлан опять беспокоинько заерзal, скрестил ноги и несколько беспомощно посмотрел в сторону обвинителя. Перехватив этот взгляд, Линн мгновенно отреагировал:

— Прошу суд обратить внимание на то, что так нельзя вести перекрестный допрос свидетеля. Интересующие защиту технические подробности выходят за рамки вопросов, интересующих суд. Я возражаю против последнего вопроса защиты на том основании, что он является несущественным, неуместным и неприемлемым, а посему недопустимым при перекрестном допросе.

— Возражение отклоняется,— раздраженно изрек судья Джордан.— Свидетель, отвечайте на вопрос защиты!

Харлан откашлялся.

— Признаться,— ответил он,— я просто не додумалась до этого.

— Додумайтесь теперь.— Мейсон сделал рукой приглашающий жест.— Чего мешкать, снимите отпечаток прямо здесь, в зале. Мисс Эллисон, не жалейте помады. Давайте сравним ваши губки с отпечатком на лбу.

— С разрешения суда хочу отметить,— скучающим тоном заговорил обвинитель,— что это вряд ли можно назвать перекрестным допросом. Я понимаю, что мистер Мейсон хочет сделать Харлана своим свидетелем и просит провести этот эксперимент для защиты обвиняемой, но какой же это перекрестный допрос?

— Это можно рассматривать как перекрестный допрос для выяснения компетентности Харлана как эксперта,— постановил судья Джордан.

— Не слишком ли много внимания уделяется формально-юридической стороне дела? — с легким сарказмом заметил Линн.

— Ваше возражение как раз и было формально-юридической придиркой,— резко парировал судья Джордан.— Поэтому оно и отклонено, а мое решение остается в силе. Снимайте отпечаток, мистер Харлан.

Дрожащей рукой Фей Эллисон густо напомадила губы. Затем, смотрясь в маленькое зеркальце, она кончиком мизинца разгладила помаду.

— Ну что же,— обратился Мейсон к Харлану,— снимайте отпечаток.

Эксперт достал из портфеля лист белой бумаги,

подошел к сидящей рядом с Мейсоном обвиняемой, прижал к ее рту бумажный лист, получил отпечаток губ и тут же принялся рассматривать его.

— Проведите сравнение и доложите суду ваши выводы,— сказал ему Мейсон.

— Разумеется, я не располагаю сейчас техническими средствами для проведения микроскопического исследования, но даже на основании поверхностного сравнения линий можно сказать, что отпечаток на лбу покойного оставлен не губами обвиняемой,— сообщил Харлан.

— Благодарю вас,— сказал Мейсон.— У меня больше нет вопросов.

— Скажите, а эти линии появляются только в том случае, когда губы скжаты и как бы сложены для поцелуя? — заинтересовался судья Джордан.

— Нет, ваша честь, они всю жизнь остаются на губах, но если губы скжаты, эти линии усиливаются.

— И что же, узор этих линий действительно индивидуален для каждого человека?

— Да, ваша честь.

— Итак, вы готовы определенно заявить суду, что, несмотря на наличие пальцевых следов обвиняемой на стакане и других предметах, это не ее губы оставили отпечаток на лбу покойного?

— Да, ваша честь.

— Разумеется,— счел нужным прокомментировать показание эксперта Линн,— тот факт, что отпечаток поцелуя на лбу оставила не обвиняемая, вряд ли что-либо меняет, ваша честь. Ведь покойный мог поплатиться своей жизнью как раз за то, что обвиняемая увидела губную помаду на его лбу. Отпечатки пальцев неоспоримо свидетельствуют о том, что она присутствовала в квартире 702.

— Суд понимает значение этого показания. Продолжайте излагать доводы обвинения,— сказал судья Джордан.

— Теперь,— Линн не скрывал своей досады,— я докажу суду возможность того, что упоминавшийся отпечаток губ мог быть намеренно оставлен адвокатом обвиняемой или его очаровательной и чрезвычайно исполнительной секретаршей. Я начну свое доказательство, вызвав в качестве свидетеля Дона Б. Рэлстона.

Когда Рэлстон выступил вперед, стало ясно, что ему очень хотелось бы сейчас находиться за много миль от данного места.

— Ваше имя Дон Б. Рэлстон и вы проживаете в нашем городе в доме 2935 по Крилмор-авеню?

— Да, сэр.

— Вы знали Карвера Л. Клементса при его жизни?

— Да, знал.

— Вы довольно тесно были с ним связаны?

— Да, сэр.

— Скажите, ночью или, точнее, ранним утром десятого числа сего месяца вам случилось направляться в квартиру 702, снимаемую Карвером Л. Клементсом в доме «Мандрагора»?

— Да, сэр.

— В котором часу это было?

— Приблизительно между часом и двумя часами утра...

— Вы были один?

— Нет, сэр.

— Кто находился с вами?

— Ричард П. Нолин, являвшийся деловым партнером мистера Клементса; Мэнли Л. Огден, оказывавший мистеру Клементсу кое-какую помощь по части подоходного налога, и мисс Вера Пейсон, приятельница... Э-э, ну, скажем, наша общая приятельница.

— Что произошло, когда вы подошли к упомянутой квартире? Вы вошли в нее?

— Нет, сэр. Мы вышли из лифта на седьмом этаже; проходя по коридору, я заметил двух людей, идущих нам навстречу.

— Говоря «навстречу», вы имеете в виду, что они направлялись от квартиры 702 к лифту?

— Совершенно верно, сэр.

— И кто же были эти двое?

— Мистер Перри Мейсон и его секретарша мисс Стратт.

— В конце концов вы вошли в квартиру Карвера Клементса?

— Нет, сэр, мы не входили.

— Почему?

— Подойдя к двери этой квартиры, я нажал кнопку звонка и услышал за дверью звук зуммера. Почти одновременно открылась дверь квартиры на противоположной стороне холла, и несколько раздраженная, на наш взгляд, женщина пожаловалась, что не может заснуть из-за постоянных звонков в семью от второй квартиру; помимо всего прочего, она сообщила, что у мистера Клементса находились гости, поэтому мы тотчас удалились.

— Теперь, ваша честь,— заявил Линн,— я намереваюсь доказать, что теми двумя людьми, которые были упомянуты лицом, проживающим в квартире на противоположной стороне холла, являются мистер Мейсон и мисс Стратт; они действительно входили в квартиру и находились там за закрытой дверью

вместе с покойником и вещественными доказательствами в течение неопределенного времени.

— Доказывайте,— сказал судья Джордан.

— Погодите,— вмешался Мейсон.— Я тоже хочу опросить этого свидетеля.

— Что же, опрашивайте.

— Когда вы подошли к «Мандрагоре», уличная дверь была закрыта на замок, не так ли?

— Точно так, сэр.

— Каковы были ваши дальнейшие действия?

— Мы поднялись на седьмой этаж и...

— Я понимаю, но как вы вошли? Как вы попали в дом через входную дверь? У вас был ключ, не правда ли?

— Нет, сэр.

— Тогда каким образом вы попали в дом?

— Вы нас впустили.

— Я впустил?

— Да, вы.

— Поймите,— принялся объяснять Мейсон,— я сейчас не о том случае говорю, когда вы пришли с улицы под конвоем полиции. Я хочу знать, как вы вошли в дом в первый раз, утром десятого числа.

— Разумеется, я понимаю, сэр. Вы нас впустили.

— Что дает вам основание так говорить?

— Ну как же, раз вы со своей секретаршей находились в квартире Карвера Клементса...

— Но вы-то сами даже не знаете, что мы находились там, не так ли?

— Я это предполагаю: ведь мы повстречали вас после того, как вы покинули эту квартиру и спешили по коридору в сторону лифта.

— Мне ваши предположения не нужны. Ведь вы даже не знаете, был я в той квартире или не был. Расскажите суду о том, каким образом с улицы вы прошли через запертую на замок дверь. Без всяких предположений. Как вы попали в дом? Что конкретно вы для этого сделали?

— Мы нажали на кнопку рядом с номером квартиры Клементса, и кто-то в этой квартире — может быть, и вы — в ответ нажал кнопку электромагнитного призыва замка входной двери. Как только мы услыхали звук зуммера, свидетельствующий о том, что замок открыт, мы толкнули дверь и вошли в дом.

— Давайте уточним, чтобы не осталось неясности,— сказал Мейсон.— Кто именно нажимал кнопку рядом с номером квартиры Клементса?

— Я нажал.

— Учтите, имеется в виду кнопка перед входной дверью дома.

— Я понимаю, сэр.

— И вы, нажав кнопку, дождались сигнала зуммера?

— Да, сэр.

— Как долго вы дожидались?

— Не более одной или двух секунд.

— Еще один вопрос,— сказал Мейсон свидетелю.— Войдя в дом, вы сразу же направились наверх?

— Мы... Нет, сэр, не сразу. Мы ненадолго остановились в вестибюле, чтобы договориться о правилах игры в покер.

— Как долго вы совещались?

— Пару минут, не больше.

— И вы условились, в какой покер будете играть?

— Да, сэр.

— После этого вы сразу же поднялись наверх?

— Да.

— Где находился лифт?

— Лифт находился... Погодите, дайте подумать. Я не помню точно. Кажется, на одном из верхних этажей. Помнится, мы нажали кнопку и некоторое время ждали, пока он спустится к нам.

— У меня все,— сказал Мейсон.

Пальцы Деллы Стратт вцепились в руки адвоката.

— Вы что, больше не собираетесь спрашивать у него о ключе? — шепотом спросила она.

— Пока нет.— Глаза Мейсона светились торжеством.— Мне теперь ясно, что случилось, Делла. Если счастье нам не изменит, мы выиграем дело. А пока пусть они доказывают, что мы находились в этой квартире.

Представитель обвинения объявил:

— Теперь в качестве свидетеля вызывается мисс Шерли Тэннер:

Занявшая скамейку для свидетелей молодая женщина была очень не похожа на ту встревоженную, измученную бессонницей нервную особу, которая вылила свой гнев на Мейсона и Деллу Стратт возле квартиры 702.

— Ваше имя Шерли Тэннер и вы проживаете в нашем городе в номере 701 многоквартирного дома «Мандрагора»?

— Да, сэр.

— Вы давно проживаете по этому адресу?

Свидетельница улыбнулась и ответила:

— Не очень давно. После трехнедельных поисков мне повезло стать субарендатором квартиры 701, это произошло восьмого числа, а девятого я вселилась туда, чем и объясняется мое чуть ли не истерическое состояние.

— Вам не удавалось заснуть?
— Да.
— Вас беспокоили утром десятого числа какие-то люди, нажимавшие на звонок в соседнюю квартиру?
— Очень беспокоили, сэр.
— Расскажите подробно, как это происходило.
— Я иногда принимаю снотворное, однако в ту ночь лекарство не помогало мне — сказывалось возбуждение, связанное с переездом и устройством на новом месте. Я пыталась уснуть, но не могла. Вы, наверное, и сами знаете, ваша честь, как это бывает.— Свидетельница повернулась к судье, удостоив его располагающей улыбкой.

Судья внимательно посмотрел на эту привлекательную молодую женщину, по-отечески милостиво улыбнулся и, кивнув головой, произнес:

— Всем нам случается переутомляться. Продолжайте ваши показания, мисс Тэннер.

— Едва я начала забываться сном, как вдруг из квартиры на противоположной стороне холла послышалось непрерывное жужжание зуммера. Этот низкий назойливый звук вызвал у меня какое-то особенное раздражение.

— Продолжайте,— попросил ее Линн.— В чем выражалась ваша раздраженность?

— В конце концов я встала, накинула халат и распахнула дверь. То, что люди не стесняются шуметь в столь поздний час, страшно разозлило меня. Знаете, звукоизоляция в этих квартирах оставляет желать лучшего, к тому же над каждой дверью, выходящей в коридор, имеется вентиляционное отверстие. Очевидно, отверстие над дверью квартиры 702 не было закрыто, да и я на ночь открыла у себя вентиляцию. Кроме того, я разозлилась сама на себя за то, что звук зуммера так раздражающе на меня действует. Я знала, что если поддамся гневу, то вообще не усну, поэтому перед тем, как открыть дверь, я некоторое время старалась лежать спокойно.

— Разве это не очевидно?
— Значит, вы слышали только звук трения металла о металл?

— Да, и щелчок замка.
— Вы что-нибудь сказали мистеру Мейсону и мисс Страт?

— Еще бы! После этого я захлопнула дверь и снова легла в постель, но не могла уже заснуть глаз. Я абсолютно не понимала, зачем человеку, имеющему ключ, понадобилось звонить в звонок и будить меня. Что мешало им сразу войти в квартиру и...

— Оставим рассуждения,— нетерпеливо прервал ее Линн.— Не нужно делать никаких выводов, не надо никаких объяснений. Вы только должны рассказать суду о том, что сами видели.

— Хорошо, сэр.
— Что же произошло потом?

— Спустя некоторое время я снова услышала звук зуммера. На этот раз я была просто вне себя от ярости.

— И что же вы сделали?
— Распахнула дверь и высказалась этим людям все, что я о них думаю.

— Каким людям?
— Там находились четыре человека: мистер Рэйстон, только что дававший суду показания, еще двое

Рисунки Игоря ГОНЧАРУКА

Линн улыбнулся.

— Значит, сначала вы разозлились на людей в холле, а затем на себя за то, что поддались гневу?

Свидетельница мелодично рассмеялась.

— Да, примерно так обстояло дело.

— И вы распахнули дверь?

— Да, сэр.

— Что же вы увидели?

— Двоих людей на противоположной стороне холла.

— Вы узнали их?

— В то время они не были мне знакомы, но теперь я их знаю.

— Кто же они?

Драматическим жестом свидетельница указала надвоката.

— Мистер Перри Мейсон, защитник обвиняемой, и вот эта молодая женщина, кажется, его секретарша, которая сидит рядом с ним — нет, не его подзащитная, а та женщина, что сидит по другую от него сторону.

— Мисс Делла Страт,— с поклоном пояснил Мейсон.

— Благодарю вас,— ответила свидетельница.

— И что же они делали?

— Они входили в квартиру.

— Вы видели, как они вошли в квартиру? Я хочу знать, каким образом они открыли дверь.

— Должно быть, они пользовались ключом. В тот момент, когда я их увидела, мистер Мейсон как раз отворял дверь, а...

— Пожалуйста, не высказывайте никаких предложений,— прервал ее Линн.— Вы на самом деле видели, что мистер Мейсон воспользовался ключом?

— Нет, но я слышала, как он это сделал.

— Что вы этим хотите сказать?

— Когда я открывала свою дверь, то услышала скрежет металла о металл — звук, похожий на тот, который создается ключом, вставляемым в замок. Затем я распахнула свою дверь полностью и увидела, как мистер Мейсон вошел в семисот вторую квартиру.

— Таким образом, вы только потому считаете, будто в его распоряжении должен был находиться ключ, что слышали скрежет металла?

мужчин и одна женщина. Они стояли у двери, непрестанно нажимая на кнопку звонка, и я сказала им, что они выбрали самое подходящее время для нанесения визитов. Кроме того, я сообщила им, что джентльмен, к которому они пришли, уже принимает гостей.

— Вы видели, как мистер Мейсон и мисс Страттшли по коридору?

— Нет, не видела. Моя дверь была открыта так, что я могла видеть только дверь семицент второй квартиры.

— Благодарю вас,— сказал Линн.— А вы отчетливо видели, как мистер Мейсон и мисс Страттшли заходили в указанную квартиру?

— Да, сэр.

— И закрыли за собой дверь?

— Да.

— Задавайте вопросы! — с торжествующим видом предложил обвинитель защитнику.

Достав из кармана записную книжку, Мейсон встал и подошел к свидетельнице.

— Мисс Тэннер,— обратился он к ней весьма благожелательно,— а вы уверены, что слышали, как я вставлял ключ?

— Абсолютно уверена,— ответила свидетельница.

— Я стоял к вам спиной?

— Да, когда я открыла свою дверь. Но, перед тем как войти в квартиру, вы повернули голову и посмотрели на меня через плечо.

— Условимся,— с притворной склонностью в голосе вмешалась Линн,— что свидетельница не могла ничего рассмотреть сквозь спину мистера Мейсона. Мой ученический коллега, возможно, держал ключ в зубах.

— Благодарю вас,— произнес Мейсон, обернувшись к Линн, затем, сделав шаг вперед, внезапно прижал раскрытую записную книжку к лицу Шерли Тэннер.

Свидетельница дико вздрогнула и отпрянула назад. Линн вскочил на ноги.

— Вы что,— закричал он Мейсону,— пытаетесь запугать свидетеля?

Судья Джордан загремел молотком.

— Мистер Мейсон! — обратился он к адвокату.— Это настоящее неуважение к суду!

— Позвольте объяснить, ваша честь. Обвинение сняло отпечаток губ у моей подзащитной. Полагаю, что я тоже имею право взять отпечаток губ у свидетельницы. Охотно признаю себя виновным в неуважении к суду в том случае, если я не прав, но мне хотелось бы передать полученный отпечаток мистеру Харлану, специалисту по идентификации, и спросить у него, не эти ли губы оставили след помады, обнаруженный на лбу покойного.

В зале суда наступила напряженная тишина, прерванная пронзительным криком.

Глядя на Мейсона широко раскрытыми, круглыми от страха глазами: Шерли Тэннер пыталась встать; ее лицо стало похожим на гипсовую маску с двумя грубыми мазками оранжевых румян, пропущенными на щеках.

Она сделала последнее усилие, чтобы устоять на ногах, и свалилась на пол.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

После того, как порядок в зале был восстановлен, Перри Мейсон произвел еще одну потрясающую сенсацию.

— Ваша честь,— обратился он к судье.— Фей Эллисон либо виновна, либо не совершила преступления, в котором ее обвиняют. Если она невиновна, значит, кто-то сфабриковал свидетельствующие против нее улики. В таком случае только одно лицо могло это сделать — лицо, имевшее доступ в квартиру обвиняемой, лицо, имевшее возможность перенести из одной квартиры в другую стаканы, зубные щетки, одежду и прочие предметы со следами пальцев Фей Эллисон. Ваша честь, я ходатайствую перед вами о том, чтобы вызвали Аниту Бонсал.

Опять воцарилась напряженная тишина.

Находящаяся в зале Анита почувствовала себя так, словно с нее разом сорвали всю одежду, сделав ее наготу достоянием любопытных взоров уличной толпы. До сих пор она сидела среди публики, полностью поглощенная слушанием дела, стараясь понять, что происходит, приоронив свое сознание к быстрому развитию событий. После слов Мейсона все находящиеся вокруг люди принялись нескромными, назойливыми взглядами высматривать ее в зале.

В приступе панического испуга Анита сделала самую большую из возможных в данной ситуации ошибку: она пустилась в бегство.

Паника придала ее ногам необыкновенную резвость. Анита опрометью бросилась вниз по лестнице и очутилась в другом коридоре здания суда. Позади слышался гомон людской массы, перерастающий в рев возбужденной толпы. Она бежала,lixoradочно разыскивая еще одну лестницу, но безуспешно.

Стоявший с открытыми дверцами лифт показался ей вожделенной гаванью. Анита буквально прыгнула в кабину.

— Куда торопитесь? — поинтересовался лифтер.

К Аните постепенно возвращался здравый рассудок.

— Сейчас должны объявить слушание моего дела,— ответила она.— Выпустите меня на...

— Знаю,— улыбнулся лифтер.— Третий этаж, суд по гражданским делам.

Он плавно остановил кабину.

— Вам налево. Зал двенадцатого округа.

К Аните вернулись ее обычные качества — хладнокровие и хитрость. Она благодарно кивнула лифтеру, быстро пошла налево, толкнула дверь названного ей зала и с уверенностью свидетеля, явившегося для дачи показаний, вошла в попустушенное помещение.

Здесь ее никто не знал, и она наслаждалась своей анонимностью. Лишь учащенное дыхание да неистово колотящееся сердце свидетельствовали о ее бегстве от погони.

Постепенно торжествующая улыбка стала исчезать с ее лица. С мучительной внезапностью к ней пришло сознание того, какие последствия навлекла она на себя этим бегством, фактически признав свою вину. Куда бы она ни бежала, ее вина неотступно будет следовать за ней, ставшей объектом людского презрения.

Хотя Перри Мейсон и доказал, что не она убила Карвера Клементса, он также доказал, что именно она совершила другое, с точки зрения человеческой справедливости не менее тяжкое преступление. Она предала дружбу, пытаясь опровергнуть Фей Эллисон. Она покусилась на жизнь своей подруги, дав ей смертельный дозу снотворного.

Если останется одно — исчезнуть, но это будет непросто: к вечеру ее фотографии появятся на страницах всех газет города.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Тем временем в зале, где слушалось дело Фей Эллисон, почти никого не осталось. Перри Мейсон продолжал негромко опрашивать Шерли Тэннер, окруженную должностными лицами.

Неожиданное разоблачение лишило Шерли жизненной энергии. Она отрешенно слушала свой голос и неотступный поток вопросов проницательного адвоката.

— Вы узнали, что Клементс снимает квартиру семьсот один, чтобы поселиться рядом? Вы подозревали Клементса и хотели проследить за ним, не так ли?

— Да,— тихо отвечала Шерли.

— Вы пришли в ярость, когда поняли, что у Карвера Клементса есть другая любовница; что все его разговоры о необходимости сохранять осторожность и ждать, пока он не разведется, блеф, в который вы по наивности поверили? Вы поняли, что совершили ошибку, полюбив его,— продолжал Мейсон,— и прибегли к яду. Каким образом вы заставили Клементса принять его? Шерли?

— Я подмешала яд в виски и, держа стакан в руке, позвонила в его квартиру. Войдя к нему с пьяной ухмылкой на лице, я сказала: «Привет, милый Карвер, познакомься со своей новой соседкой». При этом я поднесла стакан ко рту, будто собираясь отпить из него. «Ах, чертова, как ты сюда попала? — воскликнул Карвер. — Сколько раз я говорил тебе, что всегда будешь пить за нас двоих!»

С этими словами он вырвал у меня стакан и одним глотком выпил почти все содержимое.

— И что произошло?

— Поначалу ничего,— продолжала Шерли.— Он вернулся к своему креслу и сел. Я склонилась над ним и прижалась губами ко лбу. Это был прощальный поцелуй. Карвер удивленно взглянул на меня, нахмурился, внезапно вскочил, попытался добежать до двери, но пошатнулся и упал.

— Что вы сделали после этого?

— Вынула ключ у него из кармана: я хотела вернуться в квартиру потом, чтобы забрать стакан и перевести вещи; мне было страшно оставаться, пока... пока его тошило, пока он корчился в конвульсиях и... и умер.

Мейсон понимающе кивнул.

— Итак, вы ушли к себе, чтобы переждать несколько минут и вернуться в семицент вторую квартиру, но к двери подошла Анита Бонсал, не правда ли?

Шерли согласно кивнула и сказала:

— У нее был свой ключ. Она вошла в квартиру. Я полагала, что она вызовет полицию, и ждала ее появления с минуты на минуту. У меня просто не хватило духу вернуться в семицент вторую. Я постаралась заснуть, но не могла. В конце концов я решила, что полиция уже не придет, — было уже за полночь.

— И вы вернулись? Вы находились в квартире Клементса, когда Дон Рэлстон нажал кнопку звонка у входной двери внизу? Вы...

— Да,— отвечала Шерли.— Я вернулась в семицент вторую квартиру. К тому времени я переоделась в пижаму и купальный халат, взъерошила волосы. На тот случай, если бы меня застали в квартире, у меня было приготовлено объяснение: будто я слышала, как открылась дверь и кто-то побежал по коридору; увидев распахнутую настежь дверь, я заглянула в квартиру узнать, что там происходит.

— Ладно,— сказал Мейсон.— Это объяснение вам теперь ни к чему. Я хотел бы услышать, что вы предприняли потом.

— Я пересекла холл, вошла в квартиру Клементса и стерла все отпечатки со стакана, лежавшего на полу. Затем загудел зуммер — кто-то внизу нажал кнопку. Я нажала кнопку отпирающего механизма и опрометью бросилась к себе. Едва я успела заскочить в свою квартиру, как услышала звук лифта, остановившегося на седьмом этаже. Мне это показалось странным, поскольку я понимала, что тот, кто звонил снизу, еще не успел подняться на седьмой этаж. Я стала ждать и услышала, как вы вдвоем прошли по коридору. Пришлося притвориться, что зуммер разбудил меня, и я захлопнула дверь. Потом подошли еще четверо, и я просто умирала от любопытства, желая узнать, что там происходит.

— Вы долго были с ним знакомы?

— Я любила его,— печально ответила она.— Он решил расстаться с женой и жениться на мне. Не знаю, сколько длился его второй роман, но я стала подозревать Карвера и однажды, улучив возможность обследовать его карманы, нашла ключ, на котором было выбито: «Мандрагора», квартира 702». Я догадалась, что происходит, но хотела удостовериться наверняка. Мне удалось разыскать человека, снимавшего квартиру 701. Я предложила ему такие выгодные условия субаренды, что он просто не мог отказаться. Я ждала и наблюдала. Когда к двери Клементса подошла эта брюнетка, она воспользовалась своим ключом. Я осторожно выскользнула в коридор, притянувшись под дверью и подслушала, как он рассказывает брюнетке те же самые басни, которые я не раз от него выслушивала. Я возненавидела его и убила... И попалась...

Мейсон повернулся к Стюарту Линну.

— Послушайте, молодой человек! Раз уж вам так хочется быть зловещим обвинителем, что же, получайте убийцу. Только вряд ли вам удастся убедить присяжных в том, что это было преднамеренное убийство.

— Не откажите в милости,— учиво обратился Линн к адвокату,— объясните, пожалуйста, как вам удалось до всего докопаться?

— Мне стало ясно, что принадлежавший Клементсу ключ исчез. Должно быть, убийца вынул его из кармана покойного. Но для чего? Очевидно, чтобы иметь возможность вернуться в эту квартиру. Кроме того, если Дон Рэлстон сказал правду, кто-то должен был находиться в квартире и впустить Рэлстона с компанией в дом, нажав кнопку отпирающего устройства. Но кто же это? Я шел по коридору и не видел никого выходящим из квартиры, да и в коридоре тоже. Лицо, нажавшее кнопку для отпирания двери, должно было укрыться в квартире, расположенной рядом. Рассуждая подобным образом и узнав, что накануне убийства в квартиру напротив вселилась молодая привлекательная женщина, я увидел решение этой загадки.

— Ставшее очевидным лишь после того, как вы показали и объяснили его нам,— задумчиво, качая головой, проговорил Стюарт Линн.

Мейсон взял свой портфель и улыбнулся Делле Стратт.

— Ладно. Делла. Нам остается забрать Фей Эллисон и...

Он не договорил, увидев лицо своей подзащитной.

— Куда подевалась помада с ваших губ? — вспыхнувши адвокат и переведя взгляд на лицо стоявшего рядом с ней Дейна Гроувера — рот жениха пересекала ярко-красная полоса.

Фей Эллисон не потрудилась стереть толстый слой губной помады, который она нанесла, когда по просьбе Мейсона эксперт Харлан брал у нее отпечаток губ, и теперь этот неподдельный яркий след, оставленный ее губами на лице Дейна Гроувера, резко бросался в глаза своей вопиющей несовместимостью со всем происходящим в зале.

На нижних этажах толпа любопытствующих зрителей, словно стая борзых, нетерпеливо рыскала по следу Аниты, а зале суда длинная и деятельная рука закона уже сжимала своей безжалостной хваткой незадачливую Шерли Тэннер; тут же продолжилась история любви Фей Эллисон и Дейна Гроувера, прерванная этой трагической интермедией.

Молоток судьи Джордана вернулся влюбленных к суповой обстановке судебного зала.

— Суд,— объявил судья,— постановляет прекратить дело по обвинению Фей Эллисон и взять под стражу Шерли Тэннер; кроме того, суд предлагает обвинителю возбудить уголовное дело и выдвинуть против Аниты Бонсал такое обвинение, которое окружной прокурор сочтет целесообразным. Вместе с тем суд выражает свои искренние извинения в адрес Фей Эллисон. И, наконец, суд желает поздравить мистера Перри Мейсона по поводу блестящего завершения дела.

В какой-то момент суровый взгляд судьи остановился на перепачканном губной помадой лице Дейна Гроувера, и уголки рта служителя юстиции тронула чуть заметная усмешка.

Раздался еще один удар молотка.

— В заседании суда,— сообщил судья Джордан,— объявляется Перри.

Перевел с английского Геннадий ДМИТРИЕВ.

31-я шахматная олимпиада

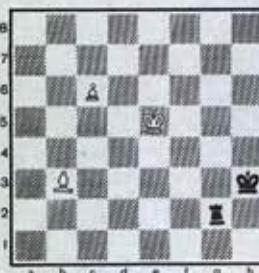
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ДЕСЯТЫЙ ТУР

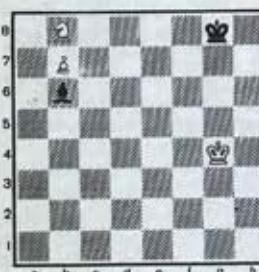
Белые: Крсб, Лв3, Свб, п. с4 (4)
Черные: Краб, Ч4в, Кв1 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

II

Белые: Кр5, Св3, п. с6 (3)
Черные: Кр3, Лг2 (2)
Выигрыш (4 балла)

III

Белые: Кр4, Кв8, п. в7 (3)
Черные: Кр8, Свб (2)

Выигрыш (5 баллов)

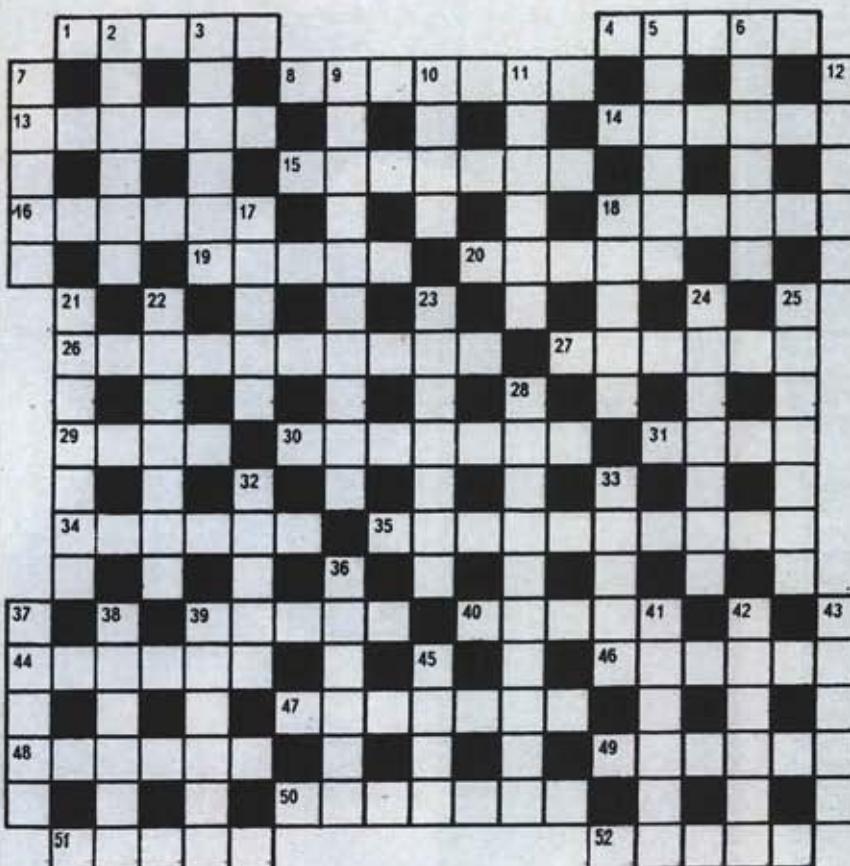
91

Ответы на задания прсылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. 10-й тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемплю) — 1 октября.

Решения этюдов (задания II и III) просим посыпать на отдельных открытках.

КРОССВОРД

Составила победитель конкурса кроссвордистов-88 Э. Семенова. Казань

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. В русском флоте разведывательную службу нес миноносец, в западных странах ...
4. Тунисский порт, главный в вывозе оливкового масла. 8. Пустынное дерево, корни которого достают воду с глубины до двадцати метров. 13. Стиль декоративных работ А. Ватто. 14. Время, когда человек получает памятные адреса и подарки. 15. Глаз — око, дорога — путь (слово в паре по отношению к другому). 16. На Руси — игрушка; в Малайзии — игра, ставшая национальным спортом. 18. Сибирская река, по которой в 1649 году со множеством приключений и опасностей проплыл казак-путешественник Ерофея Хабаров. 19. «Парусное место» на корабле. 20. Повесть А. Гайдара; в первом издании называлась «Обыкновенная биография». 26. «... дум» — выражение из стихотворения А. Пушкина «К морю», ставшее крылатым. 27. ... дороже денег (пословица). 29. Знаменитое литературное имя, ставшее прозвищем М. Беклемишева, конструктора и командира первой русской боевой подводной лодки. 30. Советский художник-пейзажист. 31. Основное отличие Гулливера от лилипута. 34. Сосуд в руках Данилы и Гаврилы в сказке П. Ершова «Конек-горбунок». 35. Человек недалекого ума. 39. Эхо (суть). 40. Принц по отношению к Золушке в конце сказки Ш. Перро. 44. Жители острова, открытого Х. Колумбом. 46. Жалоба, настойчивая просьба. 47. Фламандский живописец, чей холст «Боевые короли» можно увидеть в Эрмитаже. 48. Обычный участник роаде. 49. Марциальные Воды как учреждение (первое в своем роде в России). 50. «Две верные подруги — любовь и ...». 51. Сплав с эффектом «памяти». 52. Ботанический памятник (ему примерно 70 миллионов лет) в озерах поймы реки Урал.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Кузнец в опере П. Чайковского «Черевички». 3. Место для зерна в амбаре. 5. Сюжетная основа литературного произведения. 6. Самая «оловистая» рыба Каспийского моря. 7. Грязь, хребет. 9. Древнегреческий философ и ученик, сказавший: «Жизнь требует движения». 10. Животное в одноименном рассказе А. Куприна, чей визит излечил больную Надю. 11. Участница ежегодной традиционной «олимпиады» в стране басков (Испания). 12. Молочный напиток на Кавказе. 17. Страны без людей, города без домов, моря без воды (загадка). 18. Одна из сестер в драме А. Чехова. 21. Старинная швейцарская борьба. Победитель как приз получает племенного быка. 22. Название каменистых пустынь в Сахаре. 23. Железных дел мастер. 24. Летательный аппарат, предшественник вертолета. 25. Советский хоккеист, нескользко раз — в соответствиями с фамилией — удостоенный европейской награды «Золотая клюшка». 28. Один из предметов, изображенных на полотне В. Сурикова «Меншиков в Берзозове». 32. Позма С. Есенина, которую он сам назвал «философской вещью». 33. Небесное тело, родившее легенды об огненном змее. 36. Финно-угорское племя, платившее дань Новгороду. 37. Немая мучительница бурлака. 38. Английский естествоиспытатель, первым описавший галапagosских ящериц. 39. Семинол, герой в романе М. Рида. 41. Приспособление, с помощью которого рыбаки на севере Вьетнама далеко от берега ловят в море креветок, а на суше играют в волейбол и футбол. 42. Итальянский пианист и композитор, последователь А. Рубинштейна. 43. Поэт, страстным поклонником которого был Микеланджело. 45. Должностное лицо в Древнем Риме, наблюдавшее за общественным порядком.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

4. Скифи. 9. «Фенелла» («Немая из Портичи»). 11. Гагат. 12. Ягненок. 13. Прут. 15. Остря. 16. Юрист. 17. Шляпа. 21. Штора. 22. Мул. 23. Бессемер. 25. Арбуз. 26. Рубрика. 28. Крот. 30. Учет. 31. Селенит. 34. Пирог. 35. Цирконий. 36. «Зоя». 37. ...ложка... 39. Ромео. 40. Чекан. 43. Герод. 45. Девиз. 46. Медовка. 48. Стиль. 49. Ойстрах. 50. Точка.

По вертикали:

1. Зебра. 2. Метсю. 3. Тля. 5. Клен. 6. Фроль. 7. Хамса. 8. Нактоуз. 10. Агасфер. 14. Триер. 15. Опара. 17. Штириц. 18. Ярака. 19. Эбеко. 20. История. 22. ...мужчина... 24. Руденко. 27. Стайн. 29. Мегом. 31. Солод. 32. Тищенко. 33. Уклад. 34. Повесть. 38. Железо. 39. Рояль. 41. Нетто. 42. Китай. 44. Воск. 47. Аяя.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

Смена'89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и общественно-политический
журнал
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1491) ИЮЛЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Андрей КУЧЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Художник

Александр КЛИЩЕНКО

Технический редактор

Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 19.05.89.

Подписано к печати 08.06.89.

А 00302. Формат 70 × 108^{1/2}.

Бумага для глубокой печати.

Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.

Усл. кр.-отт. 19.60. Уч.-изд. л. 10.26.

Тираж 2 500 000 экз.

Заказ № 654.

Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва.

Бумажный проезд. 14

212-15-07 — для справок. Отделы:

212-21-59 — рабочей молодежи и науки.

212-21-38 — коммунистического воспитания.

212-23-79 — фотоочерка.

251-32-84 — военно-спортивный.

251-32-84 — международной жизни.

251-04-10 — литературы и искусства.

212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина

и ордена Октябрьской Революции

типолиграфия имени В. И. Ленина

издательства ЦК КПСС «Правда».

125865, ГСП, Москва, А-137,

улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Картинка эта и сейчас, наверное, перед глазами у миллионов болельщиков: прокочивший одновременно с финальной сиреной в кольцо «Жальгириса» в решающем матче чемпионата страны мяч и исполнитель этого «золотого» броска, доказывающий арбитру, что он успел все сделать в игровое время. И слезы на глазах Волкова в ответ на непонимание судьи.

У него какое-то обостренное неприятие несправедливости. Когда в канун мирового чемпионата 1986 года баскетболистов, находившихся на сборе в Риге, повезли на экскурсию в сказочно красивую Сигулду — латвийскую Швейцарию. Саша до-тошнейшим образом выныривал у гида историю знаменитого Турайдского замка. И, узнав, что крестоносцы овладели им с помощью предателя, сразу помрачнел, вернулся в автобус и молчал всю обратную дорогу. «Неужели подлость неискоренима, раз столько веков живет на свете?»

Чемпионат тот, кстати, наши потом проиграют. И Волков, только-только освоившийся в основном составе сборной, вновь не будет находить себе места со своей серебряной медалью, хотя лично к нему ни у кого не было претензий.

...Весь нынешний сезон Волков «тащил» родной киевский «Строитель» к золотым медалям первенства, и когда до них оставался один-единственный бросок, он его и сделал. Из архитрудного положения вопреки всякой их пережить».

игровой логике, но ведь по правилам! И мяч, пущенный с девяти метров, точнехонько лег в корзину — фантастика! А судья твердит, что Волков до сирены «выброситься» не успел — это он-то, который эти последние секунды сердцем отсчитывал вернее всяких хронометров. Такую победу отнимают! Ну где тут в самом деле правда...

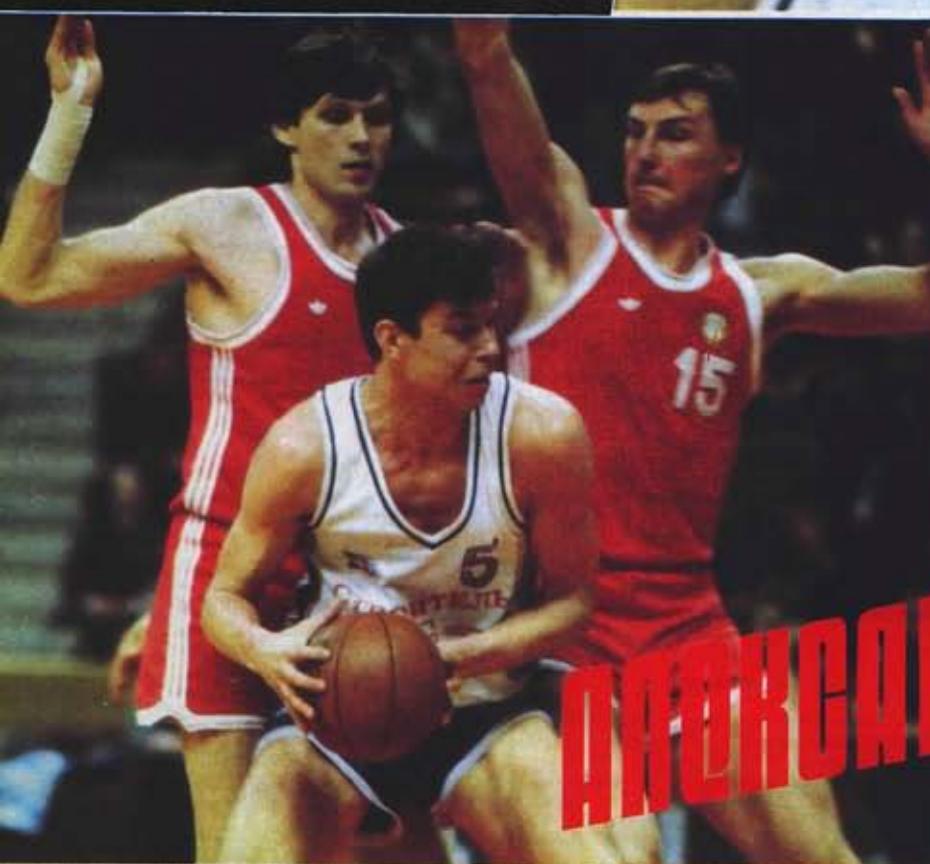
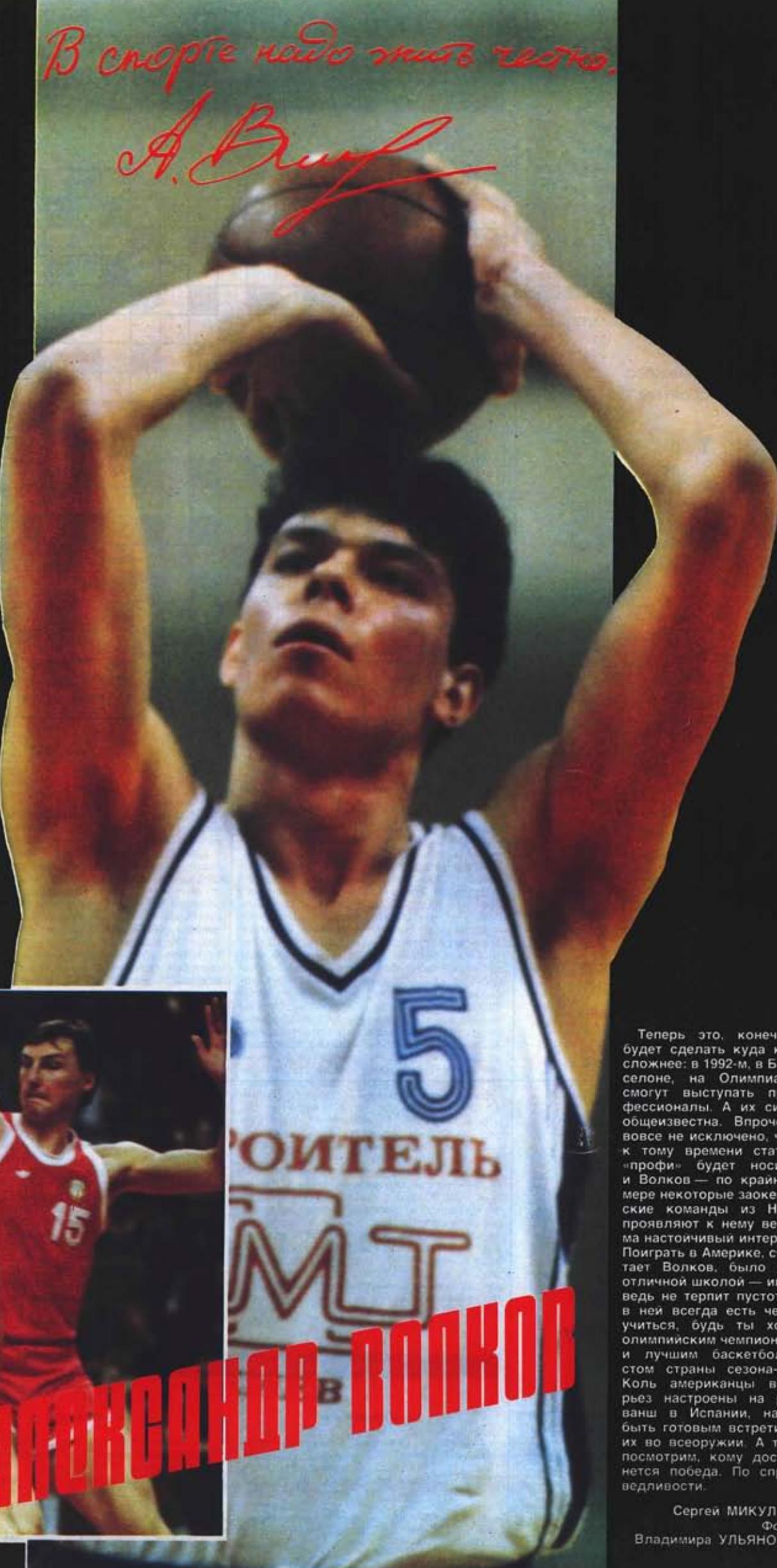
Впервые в долголетней практике чемпионатов баскетбольная Федерация удовлетворила протест проигравшей команды, вернув ей заслуженную победу. И не было в тот день на земле человека счастливее Саши Волкова.

У него это, кстати, вторая золотая медаль чемпиона страны. Но первая, завоеванная в прошлом году в составе ЦСКА, особой радости не принесла: во-первых, конкуренции в тот сезон армейцы в силу ряда причин не ощущали и, во-вторых, не своя для него эта команда — ЦСКА. Не он, правда, придумал практику прохождения спортсменами срочной службы в армейских командах, но надо, значит, надо — сходил в рекрутку, сердцем оставаясь в Киеве.

Была и еще одна золотая медаль — олимпийская. «Столько Гомельский с нами возился, столько убеждал, что мы сильные — грех было тренеру не поверить. Готовясь к Сеулу, работали, конечно, тяжко. Но отдача не сразу пришла. Зато как вовремя — к финалу! Незабываемые дни — чего бы я ни отдал, чтоб вновь их пережить».

В спорте надо жить честно.

А. Волков

Теперь это, конечно, будет сделать куда как сложнее: в 1992-м, в Барселоне, на Олимпиаде смогут выступать профессионалы. А их сила общеизвестна. Впрочем, вовсе не исключено, что к тому времени статус «профи» будет носить и Волков — по крайней мере некоторые заокеанские команды из НБА проявляют к нему весьма настойчивый интерес. Поиграть в Америке, считает Волков, было бы отличной школой — игра ведь не терпит пустоты, в ней всегда есть чему учиться, будь ты хоть олимпийским чемпионом и лучшим баскетболистом страны сезона-89. Коль американцы все-результат настроены на реванш в Испании, надо быть готовым встретить их во всеоружии. А там посмотрим, кому достанется победа. По справедливости.

Сергей МИКУЛИК
Фото

Владимира УЛЬЯНОВА